9(С)17.Рз
С-29
24582

А. Селиванов.

Очерки Социального Быта Рязанского Края

О-во Исследователей Рязанского Края

Рязань 1931 г.

Обложка
Н. О. Фреймана

ТРУДЫ ОБЩЕСТВА ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ РЯЗАНСКОГО КРАЯ

ВЫПУСК XXXVIII.

А. З. СЕЛИВАНОВ.

ОЧЕРКИ СОЦИАЛЬНОГО БЫТА РЯЗАНСКОГО КРАЯ

ПО АРХИВАМ РЯЗАНСКИХ ПОМЕЩИКОВ— БЕКЕТОВЫХ, Д. А. ТОЛСТОГО и ДУБОВИЦКИХ

Рязань
1930 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Вместо предисловия 3

А. Сельцо Ерино и его помещики.

I. Хозяйство Ирины Ивановны Бекетовой (1807—1825 г.г.) 7

II. Годы самодурства П. П. Бекетова (1825—1846) 8

III. „Известным у старосты бадиком“ 16

IV. Министр пореформенной эпохи (граф Д. А. Толстой) у себя в имении . . . 18

V. „Вакинское дело“ 26

Б. Архив Дубовицких.

I. Из мелкопоместных дворянчиков во владельцы 2000 крестьянских „душ“ . . 34

II. „Высоковское дело“ 42

III. Эпизод из истории мистицизма Николаевских времен (Жизнь и злоключения А. П. Дубовицкого) 43

IV. Спор о Куракинской земле. 63

V. „Буйные противозаконные поступки, беспорядки и неповиновение законным властям“ крестьян Гуслицкой вотчины 72

Горлит № 16158 1930 г. Тираж 500 экз. Заказ № 694 Ризтип. Мосполиграфа Сов. пл.

Вместо предисловия.

Свидетели нашего прошлого—архивы—лишь волею революции получили возможность заговорить своим членораздельным языком. То, что прежде таилось в фамильных дворянских и фабрично-предпринимательских архивах и ревниво оберегалось их владельцами от постороннего глаза,—теперь является национализированным достоянием трудящихся Союза.

Однако, не приходится закрывать глаз на то, что разработка этих исторических материалов идет темпом, далеко не соответствующим, ни научным, ни общественно политическим, ни, тем более, местно-краеведческим интересам. Если исторические события политического значения и подверглись детальному и внимательному изучению, то этого отнюдь нельзя сказать в отношении социально-бытовых моментов нашего прошлого. Эта сторона истории, не блещущая яркими событиями и эпизодами, но зато заключающая в себе подлинную повседневную жизнь народных масс, хотя и была об'ектом весьма многих и весьма интересных исследовательских работ, все-же явно не получила надлежащего развития, а историки не использовали всего того обильного документального материала, который имелся в их распоряжении.

В краеведческой литературе местный социалъно-экономический быт освещен наименее полно и конкретно. Рязанский округ (точнее-быв. губерния) не представляет в этом отношении счастливого исключения, хотя некоторые роботы (напр. А. Д. Повалишина „Рязанские помещики и их крепостные", изд. 1903 г.) и имеют союзное значение. Кроме того, в большинстве работ основное внимание уделялось описанию отдельных случаев личного произвола и самодурства тех или иных помещиков и владельцев предприятий, благодаря чему система эксплоатации и организация хозяйства того времени в изложении большинства этих авторов определялась личным характером своего владельца и вследствие этого теряла классовую четкость и типичность.

Автор в прилагаемой вниманию читателей работе не претендует на заполнение всех указанных дефектов и пробелов. Задача его гораздо более скромная—вложить свою н е б о л ь ш у ю долю в общий труд исследователей и историков, изучающих социальное прошлое Союза,—вообще, и местного края,—в частности и в особенности.

Автору хотелось на ряде примеров, заимствованных из двух архивных источников и расположенных в хронологическом порядке, сообщить читателям ряд фактов, конкретизирующих и иллюстрирующих систему эксплоатации земельным дворянством крепостных крестьян прилегающих селений и установить вытекающие отсюда социально-классовые отношения. Автор при этом п о л ь з о в а л с я почти исключительно помещичьими архивами, которые до некоторой степени раскрывали также и правовую сторону изучаемого вопроса, ярко выявляя, конечно помимо желания владельцев архивов, классовую основу тогдашнего суда и правительственных учреждений. Вполне естественно, что в предлагаемой работе основной исторической датой явились события до и после 1861 года,—момента, когда скры-

вавшиеся или маскируемые до того времени противоречия выявились наиболее остро, четко и исторически—ответственно.

Но кроме этой главнейшей темы и задачи автора, в предлагаемом очерке дается (с разной полнотой) обрисовка хозяйственной деятельности двух помещиков, имена которых имеют и особый, так сказать, „личный" интерес. Это, во-первых,—граф Д. А. Толстой, оставивший в истории пореформенного периода России столь громкую, хотя и печальную, известность, *) и, во-вторых, профессор хирургии и Президент Медико-Хирургической Академии П. А. Дубовицкий, оставивший после себя довольно значительный след в истории русской медицины.

Особняком стоит в предлагаемом экскурсе глава, посвященная описанию некоторых эпизодов из жизни не безизвестного в истории нашего мистицизма *) и сектантства А. П. Дубовицкого, отца пред'идущего лица. Эта глава представляет интерес по непосредственности материала и по той логической полноте, которой он завершает основную тему данного исследования.

Вся работа автора по своему содержанию состоит из следующих разделов.

Прежде всего используется материал архива Еринской вотчинной конторы графини С. А. Толстой (жены Д. А. Толстого). Начинается он краткой характеристикой полунатурального хозяйства старой „барыни" И. И. Бекетовой (1807—1825 г. г.), которое переходит в руки невежественного самодура и грубого солдафона „действительного камергера и командора" П. П. Бекетова (1825—1846 г. г.). Яркое и не лишенное своеобразия картины самодурства и, попутно, хозяйственного упадка имений вскрываются архивными материалами. Но имение переходит в руки Толстых, которые быстро налаживают порядок в хозяйстве и уточняют систему эксплоатации крестьянства. В последней трогательно сочетается министерская просвещенность владельца имения с хозяйской алчностью и крепостническими навыками. Личность министра—реакционера становится цельной и гармоничной при изучении его хозяйственной деятельности, а единение интересов и действий административной и судебной власти с земельным дворянством приобретает поистине трогательный характер. Апофеоз всей этой „милой" картины—т. н. «Вакинское дело» и суд над редакторами „Отечественных Записок".

Далее, в работе используются архивы трех поколений рязанских помещиков Дубовицких: Петра Николаевича, его сына Александра Петровича (мистика) и вышеназванного Петра Александровича, сына предыдущего. Изложение начинается с интереснейшего по своей непосредственной правдивости рассказа П. Н. Дубовицкого о том,

---

*) Род. в 1823 г., умер в 1889 г. С 1866 по 1880 г.—министр народного просвещения (точнее: энергичный и активный борец за сохранение народного невежества); с 1882 и по свою смерть - министр внутр. дел (решительный и твердый искоренитель революционной «крамолы», автор положения о земских начальниках). Добавим, что Д. А. Толстой, как известно, наряду с К. П. Победоносцевым, был главнейшим вдохновителем и руководителем всей реакционной политики последних лет царствования Александра II и всего последующего правления его преемника—Александра III,—этого коронованного городового.

А. С.

*) Мистицизмом называется религиозно-философское направление, или склад мыслей, допускающее возможность непосредственного общения с «божеством», его созерцание и восприятие всякого рода непостижиммх обычному разуму тайн через различные религиозно-нравственные упражнения.

А. С.

как он из захудалых мелкопоместных помещиков стал богатым владельцем многих имений (1775—1825 г. г.). История развития торгового капитализма России из этих повествований может заимствовать интересный и оргинальный иллюстративный материал. Иной характер имеет архив преемника всех этих „благоприобретенных" имений (А. П. Дубовицкого). Ряд исторических имен проходит через страницы этого архива: кн. А. Н. Голицин, митрополит Филарет, гр. Бенкендорф, Аракчеев и другие,—и все это на мрачном фоне режима перепуганного фельдфебеля—бездушного лицемера Николая Палкина. Но не менее мрачным является и режим домашнего быта самого Дубовицкого, мистическо-религиозное мировоззрение которого постепенно приобретает характер фанатического изуверства.

Крестьянство боролось, как могло, за лучшую свою долю. Их интересы встречались и сталкивались с интересами владельческого дворянства. И, вот, огромную часть помещичьих архивов заполняют судебные процессы со своими крестьянами. Перед нами проходит „Высоковское дело", длиннейший и интереснейший спор о Куракинской земле (эта история с наглым захватом фаворитами Павла крестьянских земельных владений), „буйные противозаконные поступки, беспорядки" и т. п. крестьян Гуслицкой волости, и, одновременно, выявляются личности застрельщиков крестьянского движения (Ф. Игнатов, Гр. Иванов и др.). Особенно интересно и показательно, что последние два судебных дела велись против крестьян третьим Дубовицким ученым медиком и профессором (Петром Александровичем). В этих своих столкновениях П. А. Дубовицкий, несмотря на свою просвещенность и некоторую либеральность воззрений, легко сбрасывал с себя мантию ученого, становясь на это время рядовым человеком круга людей своего класса.

Вот несколько пестрое по внешности, но, по нашему мнению, довольно цельное по существу содержание предлагаемой вниманию читателей работы автора. В ней отображается (насколько удачно,—пусть судит об этом сам читатель) наше прошлое, главным образом социально-общественное. Автору казалось, что краеведу историко-экономисту нельзя было пройти мимо освещения этой стороны прошлой жизни нашего края еще и потому, что лучшее и конкретизированное знание последней является одним из условий успешного строительства той нашей новой жизни, современниками и участниками которой являемся все мы.

Вместе с этим автор вынужден со всей откровенностью заявить, что он не пытается замаскировать от читателей те многие недостатки внешнего и внутреннето свойства, которые имеются в работе. Автор только просит читателей не быть к нему слишком требовательными.

Все архивные материалы были использованы автором в читальном зале Рязанского Исторического Окружного Архива. Автор пользуется возможностью засвидетельствовать, что со стороны заведующего архивом тов. Р. В. Яхкинда, его заместителя—тов. В. И. Пономарева, научного сотрудника архива т. Т. И. Сибирцевой и библиотекаря т. Е. И. Толиной было сделано решительно все, чтобы пользование архивными материалами стало доступным и удобным для работы наших исследовательских кадров вообще, для пишущего эти строки—в частности, за что автор и выражает всем этим товарищам свою глубокую благодарность и признательность.

Автор.

1 июля 1930 г.
Рязань.

А. Сельцо Ерино и его помещики. [1])

I. Хозяйство Ирины Ивановны Бекетовой.

(1807—1825 г. г.)

Сельцо Ерино нынешнего Михайловского района, а прежде Михайловского уезда, вместе с с. Акуньково и дер. Завидовкой, издавна принадлежало старинному роду Бекетовых.

Как значится по плану 1772 года, при Ерине имелось земли (с округлением) 1.042 дес., в том числе пахотной—750 дес.; при селе Акунькове было: 791 лес., в том числе пахотной—532 д. (Кобыльский Стан.) при д. Завидовке (по плану 1779 г.)—2.441 дес., в том числе пашни 1.627 дес. и, наконец, в Вожской засеке 1151 дес., в т. числе пашни 180 дес. Всего, таким образом, в Михайловских владениях Бекетовых было: всей земли—5.425 дес., в том числе пахотной—3.089 дес.

На этой земле (без засеки), согласно 8-й переписи, жили: 614 мужских и 632 женских душ, а по наличному состоянию к 1840 г.: 577 муж. душ и 614 женских. Таким образом, наличное население против переписного показало уменьшение.

Для удобства несения барщины и оброчных повинностей закрепощенное население этих селений было разбито на тяглы: [2]) в Ерине—86, в Завидовке—80 и в Акунькове 91, всего—257. Кроме того было дворовых: 13 мужчин и 16 женщин. Все крестьяне, исключая 79 оброчных тягол Акуньковских крестьян, были на барщине. Оброк с Акуньковских крестьян составлял 45 руб. ассигн. с тягла (к 1844 г.).

Первая четверть 19 столетия застает Ерино под властью проживавшей в Москве старой барыни Ирины Ивановны Бекетовой. Управление ее было патриархальным и построенным в значительной степени на натуральных отношениях.

Об этом свидетельствуют такие два письма к ней от Еринского ее прикащика [3]).

„Ваше Высокородие,
Премилосердная Государыня
Ирина Ивановна!

В Михайловских Ваших вотчинах обстоит благополучно. Садовых кадушек наделано двадцать, которые оковывать нечем, железа нет, для мельницы (также) надобно. Соблаговолите государыня приказать прислать оного железа.

При сем отправлено с Еринскими и Завидовскими крестьянами на 57-ми подводах: муки ржаной, мерою 140 четвертей, масла чухон-

---

[1]) По материалам архива Еринской вотчинной конторы имения С. А. Толстой, урожд. Бибиковой.

[2]) «Тягло» происходит, как можно полагать, от слова «тягость» и в начале означает сумму оброчных обязательств селения в целом перед государством, а затем (18 и 19 век) тяглами стали называться раскладочные единицы в крестьянской общине—обыкновенно пары взрослых работников (муж и жена). А. С.

[3]) В эти письма вводятся нами некоторые необходимые поправки грамматического порядка, без которых чтение письма было-бы затруднительно для понимания А. С.

ского кадочка весом, за исключением дерева, 2 пуда 29 фунтов, кож боевых бычьих и коровьих счетом 6 кож, перьев разных весом 10 фунтов, пуху гусинового весом 2½ фунта, напряденной альняной (т. е. льняной—А. С.) пряжи 20 талек, тетеревов, покрытых шатром, счетом 26.

О сем доношу всенижайший раб.

Гурьян Матвеев.

Генваря 22 числа
1807—-го года".

И второе письмо.—

„Ерино, сентября 5-го дня 1807 года.

В Московскую Домовую Контору.

Из Еринской Вотчинной Конторы.

При сем отправлено из сельца Ерино с крестьянином Максимом Нефедовым с товарищи всего на 4-х подводах господского разного запаса: меду патоки (т. е. спускного меду,—А. С.) две кадочки, весу в них с деревом и крышками 6 пудов 10 фун.

Воску круг, весу в нем—19 фун.

Масла чухонского две кадочки, весу в них с деревом — 20 фун.

Собранных с Еринских, Завидовских и Куньковских крестьянских баб положенных с них оброчных холстов альняных 55 концов, в них 849 аршин.

Посконных 79 концов, мерою в них 1.045 аршин.

Собранных же с крестьян яиц куриных счетом . . . 4.800

От господских кур яиц 100

Того ради благослови Московская Домовая Контора означенное от крестьян принять и по приеме здешнюю контору уведомить.

Прикащик Гурьян Матвеев".

Однако денежно-меновые отношения уже проникли и в эту систему помещичьего хозяйствования, где они вскоре и заняли превалирующее значение.

Так, в письме от 31 „генваря" 1809 года тот-же „Гурьян" Матвеев пишет „Милостивейшей Государыне" Ирине Ивановне: „При сем отправляю денежной вашей господской суммы, собранной из разных доходов, государственными банка ассигнациями шесть тысяч девятьсот пятьдесят рублей . . . . . 6.950 руб.

Села Кунькова с деревней Завидовки с крестьянами, на 17 подводах, муки ржаной (посылается) мерой . . . 25 четв.

Овса . . . . . 21 „

Саней обшитых для домового раз'езда 2

И так далее.

Но не долго продолжались эти, относительно мирные, отношения помещика и крестьян. Вероятно в 1822 году (или несколько позднее) умирает старая барыня Ирина Ивановна. Вотчины переходят по наследству ее сыну, Петру Петровичу Бекетову,—„действительному камергеру и командору", человеку малой образованности и еще меньшего ума, но вместе с тем большого самодура и изувера.

11. Годы самодурства П. П. Бекетова

(1825—1846 г. г.)

Получив в свое владение Еринскую вотчину, Петр Петрович Бекетов сейчас-же стал наводить в ней свои порядки.

Бекетов был Павловской закваски отставным военным „командором“ [1]), человеком малограмотным и до крайности грубым [2]).

Неудивительно поэтому, что многие принципы привычного ему военного управления и быта были им перенесены в сферу его хозяйственных начинаний и устройства крестьянского быта. Быть может и „образцовое“ хозяйствование Аракчеева в Грузинах служило ему руководящим „примером“...

Во всяком случае Бекетов деятельно наводит в Еринской вотчине свои новые порядки.

Прежде всего все крестьяне, согласно последней ревизской сказки (т. е. переписи), во всякой хозяйственной переписке, отчетах управляющих, письмах и т. д. именуются по номерам („крестьянин № 84 Николай Дементьев“ и т. д.) Затем, он ввел строгое регулирование крестьянских браков и установил (что для крестьян было особенно тягостно) систему переброски крестьянских семейств из одного селения в другое,—чаще даже при этом из одной губернии в другую (из московских своих имений в рязанские, и обратно). Далее начал в своем подмосковном имении, Степановском, постройку „богоугодного заведения“ [3]), для чего из всех своих вотчин сгонял на постройку неженатых подростков (искуственно затягивая, браки) и взрослых крестьян с лошадьми, ввел в самых широких размерах взимание о крестьян штрафов и процентов за просрочку платежей, усиленно практиковал сдачу непокорных крестьян в рекруты и на поселение в Сибирь, наказывал провинившихся розгами весьма изрядных „порций“, требовал на созыв мирских сходок получения его согласия, заставлял крестьян великим постом говеть в обязательном порядке и т. д. и т. п.

Результаты такого „хозяйствования“ сказались довольно скоро.

Управляющий Еринским его имением Никифор Евсеевич Евсеев в своем письме № 3 от 8 марта 1840 года, сообщает Бекетову:

„Я поверил по всем Вашим вотчинам по подворным описям ревизские и наличные обоего пола души, ихние строения, что имеют в наличности хлеба. Но по всему Вашему имению не более оказалось, как могут вытерпеть 10 домов до нового хлеба. А прочие тяглы, (среди которых) есть вдовы и солдатские, Вам принадлежащие, дети так бедствуют из пищи, что я докладываю Вашему Превосходительству и прошу покорнейше вообще с сиротами, не благоволите-ли чем нибудь оным помочь, дабы не поморить кого нибудь с голоду“. И, далее, Евсеев пишет, что в экономии имеется в наличности 8 четв. 2 чет-ка и 2 гарнца куколя и 12 четв. 5 чет-ков и 2 гарнца лебеды, из которых „не прикажете-ли оные хоша самым неимущим сиротам по малости выдавать“...

Другой управляющий—Куденетов (сменивший Евсеева)—в своем письме за № 7 от 22 июня того-же года пишет, что „крестьяне Ваши бедствуют недостатком хлеба и боюсь, чтобы кто не умер с голоду. По нескольку дней бывают некоторые семьи совершенно без пищи“.

Тот-же управляющий в письме от 22 ноября 1840 г. доносит, что „В Ерине у крестьянина № 1 Ефима Лемина и в селе Акунькове

---

[1]) Командор-это флотский чин, находящийся между капитаном 1 ранга и контр-адмиралом, упраздненный в первые годы царствования Николая I.—А. С.

[2]) В то-же время нужно полагать, что он был братом известного издателя и иконографа Платона Петровича Бекетова (1761—1836 г. г.). А. С.

[3]) Что это было за «богоугодное заведение»—по архивным материалом выяснить не удалось. А. С.

№ 84 Николая Дементьева обвалились избы и чуть не подавило людей. Так были ветхи (избы), что ни одного бревна, годного для постройки не годилось. Я сам был очевидец... И еще есть некоторые крестьяне: избы в сем Вашем имении так ветхи, что я полагаю не обойтись без греха: задавят кого нибудь из людей,—очень ветхи...". И такие сообщения были не единичны.

Но вернемся к описанию „порядков", наводимых Бекетовым.

Выше отмечалось, что Бекетов „регулировал" брачные связи крестьян. Для испрошения разрешения на брак была установлена определенная форма ходатайства.—

„Ваше превосходительство,
Петр Петрович!

Имею я желание воспринять законный брак деревни Завидовки крестьянин по переписи № 135 Александр Алексеев, от роду 19 лет, той—же деревни на девице № 50 Надежде Ивановой, от роду 19 лет, по общему нашему согласию с обоих сторон. Сего—же года, и прошлые годы, как я нижепоименованный, так и невеста, Великим Постом бывали у исповеди и удостаивались пренятием Святых Христовых Таин. Насочетание такового брака и испрашиваю у Вашего Превосходительства! на сие милостивейшего Вашего разрешения.

Вашего Превосходительства
Всеподданнейший раб

Деревни Завидовки крестьянин Александр Алексеев. За неумением грамоты по личному моему прошению служитель Василий Прошкин руку приложил.

22 декабря 1840 г.

Сельцо Ерино".

Но далеко не всегда Бекетов удовлетворял подобные прошения. Наоборот, его переписка выявляет определенную тенденцию к задержанию браков. Причина этому—желание использовать холостую молодежь на барщинных работах в своих подмосковных имениях (о чем см. ниже). Отсюда—прямые запрещения браков. Об этом говорит, напр., письмо управляющего Куденетова от 30 авг. 1840 г. (за № 16), в котором последний доносит своему хозяину, что им об'явлен крестьянам отказ Бекетова в дозволении на просимые браки.

Но такая политика П. П. Бекетова била по карману местных священников, лишавшихся дохода от свадеб. Ущерб этот был видимо велик, так как священнослужители, несмотря на свое холопство перед „сильными мира сего", не выдержали и встали в оппозицию к Еринскому феодолу. Священник села Макова (Еринской приходской церкви) подал в духовную Консисторию прошение в котором жалуется на Бекетова, как на запрещающего своим крестьянам вступать в браки, в подтверждение чего представил ведомость на 11 Еринских „женихов" (18—25 лет) и 14 „невест" (17—20 лет), не могущих вступить в брак по отсутствию долженствующего разрешения *).

Наибольшим злом для еринских крестьян было то „богоугодное заведение", которое Бекетов с „Высочайшего утверждения" строил в своем Степановском имении (Московск. губ.) силами своих крепостных крестьян, сгоняемых для этой цели со всех, принадлежащих ему, вотчин. Двоякого рода соображения руководили Бекетовоми в этом

* Письмо Куденетова от 22 ноября 1840 г. А. С.

„богоугодном“ деле. Прежде всего—нежелание раздавать свои земли новому рабочему поколению в тяглы и тем сокращать барщину, и второе—„ я не желаю подростков иметь при родителях, так как они неверные ослушники, не повинуются начальству, а самовольничают и истребители моей собственности. Я желаю подростков отделить от родителей, дабы их сохранить и требую к себе для работ и для наук всякое мастерство будет у меня и из них по желанию и по способности в учение при мне будут до окончания работ“ *).

Условия, на которых Бекетов сгонял в Степановское на работы крестьян, были следующие: на дорогу каждый отправляемый получал по 2 р. (ассигн.) и за время пребывания на работах—по 10 руб. в месяц. Работали сгоняемые главным образом на кирпичном заводе, а также выполнялись землекопные и огородные работы. За самовольную отлучку полагался единовременный штраф в 5 руб. (ассигн.) и далее, за каждый пропущенный до момента добровольной явки день, – по 1 руб. с пешего и по 2 руб. с конного **).

Кроме того бежавшие наказывались обычно и розгами. Работы были тяжелые, а продовольствие—скверное. Поэтому, несмотря на принимаемые строгие меры, пригоняемые крестьяне (чаще подростки) на работах не уживались и бежали обратно домой.

Так, 12 июня 1840 г., согласно регистру, в Степановское из Еринской экономии было отправлено 80 пеших крестьян (—взрослых подростков) и 20 крестьян с подводами (все из числа крестьян, подававших жалобу на Бекетова). Но, уже в первую ночь по прибытии в Степановское, 45 из вновь прибывших рабочих бежало обратно домой, захватив с собой, по словам Бекетова, выданную на продовольствие муку (по 10 ф. на человека), топоры у плотников и даже чугунные колеса и шкворни, вынутые из тачек. Вскоре, в ночь с 26 на 27 июня, бежало еще 9 человек ***). Потребовалась отправка новой партии подростков.

10 августа того-же года, согласно регистра, было отправлено дополнительно еще 17 неженатых подростков,—в возрасте от 14 до 21 года (преимущественно от 14 до 16 лет). Но и эта партия не ужилась на новом месте.

6 сентября за № 17, Куденетов сообщает, что бежавший из с. Степановского с работ крестьянин № 164 Павел Петров пойман сидел в Кашире в остроге и теперь этапом пригнан в Ерино.

Тот же Куденетов в письме от 14 сентября за № 19, доносит, что 6 беглецов находятся в Ерине. Они наказаны розгами и им велено итти в Степановское, но приказание ими не было выполнено, вследствие чего Куденетов просит разрешения на отдачу их в рекруты.

И так далее, все в этом-же роде.

Сообщения за 1842 год говорят о том, что побеги с работ принимают еще более упорный характер. Из подмосковной деревни Ивонино с 26 ноября по 1 дек. бежало с работ 18 взрослых крестьян. На них был наложен штраф 226 руб. 44 коп. Из имения „Бекетовская отрада“ (Вышегородской Округи) с 11 окт. по 15 ноября бежало 36 подростков, которые были за это оштрафованы на . . . 1.607 р. 86 коп. (!). И так далее . . .

Но дело не ограничивается одними штрафами.—Крестьянин „№ 71 Родион Иевлев“ в 1841 г. должен был явиться из Акуньково к Бе-

*) Из „приказа“ Бекетова своему управляющему Куденетову за № 8 от 4 июня 1840 года. А. С.

**) Приказ Бекетова за № 13 от 5 июня 1841 года. А. С.

***) Из письма Бекетова от 15 июля 1840 г. к губернатору. А. С.

кетову конным, а прибыл вместо этого пешим. Напуганный гневом Бекетова, Иевлев бежал обратно к себе домой. Тогда Бекетов приказывает своему управляющему Калыбину приказом от 15 июля наказать Иевлева 100 ударами розог, причем „каждый удар с роздохом делать, переводить дух“ (т. е. каждый удар делать раздельно, чтобы он был сильнее и чувствительнее). Кроме этого, продолжает почтенный „действительный камергер и командор“, у Иевлева „хлеб и сено взять на барщину и его с семейством прислать ко мне“ То-же самое Бекетов приказывал сделать от 30 июня за № 17 в отношении бывшего „Еринского № 25 Алексея Васильева“: „По сему случаю его розгами наказать щетом сто ударов, но каждый удар не спешить, а с роздохом давать свободно дух перевести, и выслать его ко мне не долее 3 х суток собираться. Посеянный его семейством хлеб взять на барщину и сено“.

Далее Бекетов выдумывает переводить или переселять крестьян из одного своего имения в другое. В 1841 году в Ерино были присланы из с. Покровского (Москов. у.?) 15 семей. Как сообщает Калыбин (от 12 сент. за № 28), переселенцы жили в флигелях и не имели ни какого пропитания, кроме случайного заработка. Эти семьи с осени получили по 2 дес. в поле земли, за которую были зачислены на барщину—пахать и засевать также по 2 дес. в поле. В обмен на присланных Бекетов приказывает (9 июня за № 15) выслать ему из с. Ерина, Акунькова и д. Завидовки всех беглецов вместе с их женами и детьми на поселение в Московск. губернию. Хлеб их (т. е. урожай) взять на особый учет, а строения оставить на месте.

В 1842 г. из трех селений Еринской вотчины переселяются в Московское имение Сляднево (Дмитр. у.) 52 тягла, на которые за их неявку накладывается штраф в размере 5.084 руб. *).

Самоуправство и самодурство Бекетова этим однако далеко не ограничиваются. Согласно „инструкции“, данной управляющему Куденетову (1840 г.), Бекетов потребовал выкопать из крестьянских садов посаженные там ранее яблони (данные крестьянам Еринским садовником), посадить их в плетушки и... прислать их в с. Степановское для посадки в барский сад...

Если ко всему сказанному добавить, что за своими крестьянами Бекетов исчислял громадную задолженность (на 1 января 1842 г. за Еринскими 67. 743 р. 65 коп., за Акуньковскими—41. 198 р. 63 к., за Завидовскими - 60. 624 р. 68 к. и за дворовыми 2.718 р. 57 к.), на которую он начислял проценты (6%), накладывал различные штрафы за хищания деса и т. п. (в 1842 г. на сумму 1816 руб.), то экономическое и бытовое положение крестьян Еринской вотчины будет ясно.

Такие порядки не могли не вызывать недовольства и сопротивления подвластных Бекетову крестьян. Но крестьянство в то время было слишком забито и запугано для открытого выявления своего возмущения. Поэтому все дело сводилось к пассивному сопротивлению („бунту на коленях“) и к различным формам замаскированной экономической борьбы. Кое что из этой области мы приводили выше. неявки крестьян на работы, бегство с них, неисправные платежи повинностей (из полагаемой суммы оброка с Акуньковских крестьян за 1843 год в размере 3.555 р., было получено всего 1787 р. 75 коп.)

*) Селения: Сляднево, Ивакино (Ивонино?), Покровское, Успенское, „Отрада„ (, Бекетовская ограда“?) после революции входили в состав Мамошинск. вол. Воскресен. у. Московск. губ.

А. С.

и т. д. Кроме этого крестьяне весьма широко практиковали так наз. „самовольные порубки“ и многочисленные кражи экономического инвентаря и материалов. Так, по ведомости Калыбина, с июля 1838 г. по октябрь 1840 г., в лесах Еринской вотчины было самовольно срублено леса и украдено разных предметов и материалов (только в отношении раскрытого воровства) на общую сумму в 3. 827 р 75 коп.

Далее, еще в 1838 году крестьянами всех трех селений вотчины было подано прошение на царское имя с жалобой „о стеснении“ их Бекетовым. Это прошение было впоследствии крестьянами повторено; также крестьяне жаловались и губернатору.

Бекетов, отвечая на эти прошения, перешел в контр-атаку. А именно: в декабре 1839 года он просит министерство Внутр. Дел разрешить ему переселить в Восточную Сибирь крестьян его селений, в количестве 112 семейств (!), предназначенных им к разработке золотоносных россыпей, доход с которых он передает все на то же, сооружаемое им, Бекетовым, ...„Богоугодное заведение“....

Это ходатайство Бекетова было передано по принадлежности в Мин. Гос. Имущ. Но, управляющий министерством граф Киселев, руководствуясь повелением от 11 дек. 1839 г. (согласно которому поселение помещичьих крестьян в Сибирь было воспрещено), об‘явил Бекетову, что предназначенные к переселению крестьяне должны быть сначала отпущены на волю, а затем уже он, граф Киселев, может принять собственное желание крестьян на переселение, если таковое будет. Само собой разумеется, такая постановка дела не улыбалась Бекетову, который в число переселяемых 112 крестьян включил тех, которые подписывали жалобы на него. Поэтому Бекетов вновь обращается в Мин. Внутр. Дел, прося удовлетворить его просьбу, так как крестьяне „причиняют“ ему разорение, не платят долгов и оброков, не выполняют никаких работ и умнажают своевольство“. Снисходя на это послание, управляющий М. В. Д. поручил Рязанскому Гражд. Губернатору „принять меры об удовлетворении жалоб г. Бекетов, если домогательства его не противны закону“ (?!) *).

Из такого ответа Мин. Внутр. Дел можно видеть, что Бекетов обладал влиятельными связями в Петербурге, иначе бы на его бессмысленное и противозаконное ходатайство из М. В. Д. последовал бы простой отказ. Но, вместо этого, М. В. Д., после неудавшейся попытки спихнуть дело в Мин. Гос. Имущ., передает его разрешение на усмотрение местных властей и тем как-бы умывает руки. Но тогда местная гражданская власть оказалась между двух огней: противозаконностью бессмысленных домогательств Бекетова и боязнью разгневать влиятельную персону. Вследствие этого, не давая Бекетову прямого отказа на его ходатайство и даже как-бы удовлетворяя его, местная администрация затормозила реализацию проведения его в жизнь, чем однако создала невыносимое положение для крестьян, предназначенных к высылке.

В Ерино явился становой пристав Старожилов, который провел комедию приведения крестьян „в повиновение“ (какое?) и к присяге и взял с них подписку о их полном подчинении власти помещика. А с другой стороны письмоводитель Михайловск. Уездн. Предвод. Дворянства Желтухин об‘явил управляющему Куденетову, что прошение Бекетова получено, но... оно в подлиннике переслано губернатору. Также письмоводитель об‘яснил Куденетову, что надо дать именной

*) См. ответ гражд. губернатора от 19 апр. 1840 г. за № 6.045—

А. С.

список ссылаемых крестьян, их жен и детей; при этом дети сверх 10 лет остаются „в пользу“ помещика на месте, а на каждую ссылаемую душу необходимо дать путевое содержание в размере 75 руб. ассигнациями *).

Казалось бы, что этим можно было удовлетвориться и успокоиться. Но Бекетов проявил непонятную настойчивость. Ссылка такой массы крестьян требовала больших расходов и была для него явно убыточна и невыгодна с какой-бы то ни было точки зрения. И, тем не менее, он добивался ее с завидной твердостью. Прошло еще более года в беспрерывных домогательствах с его стороны. Переселение крестьян как будто должно было уже совершиться. Однако, по новой жалобе крестьян, Михайловск. Предводитель Дворянства Колычев в решительный момент не разрешил вывозить переселяемых крестьян, требуя точного указания, что последние перевозятся без дробления семейств**).

Дело таким образом застопорилось вновь, а тем временем хозяйствование Бекетова, благодаря его бессмысленности, стало внушать властям придержащим сомнение в его общественной и политической безвредности. Вскоре над имениями выжившего из ума старика была назначена опека в лице опекуна—местного исправника подполковника Ник. Иван. Бурмина. Тем самым вопрос о переселении 112 крестьян в Сибирь отпал сам собой.

Не одним крестьянам доставалось солоно от Бекетова. Страдали от него и его управляющие, постоянно сменявшиеся и отдававшиеся им, по всякого рода причинам, под суд.

В 1840 году в Ерине управляющими были Генрих Дахреден (немец), Никиф. Евс. Евсеев (поручик в отставке) и Андр. Мих. Куденетов (капитан в отставке). В 1841 году—Никиф. Михеев. Калыбин (штабс-капитан в отставке) сменил Куденетова, но в сентябре того-же года был сам сменен Василием Бланжевым (вольноотпущенным П. А. Новикова). Видимо Бекетов, назначая управляющими бывших военных людей, полагал, что они лучше сумеют навести в его имении „порядок“.

Бланжев был ловкий и приспособляющийся делец и вероятно большой мошенник, почему и удержался на месте долее других своих предшественников, которым самодурство Бекетова было все-таки „не по душе“. Кроме того Бекетов через т. н. „земских старост“ (конторских служителей),—в частности через своего крепостного конторщика Василия Прошкина, устанавливал совершенно открыто сыск над управляющим, требуя от первых, помимо общих отчетов управляющего, самостоятельного представления всякого рода сведений и доносов.***) Да и жалование управляющим было весьма невелико: колебалось от 500 до 800 руб. ассигнациями в год на всем своем содержании, что в переводе на серебро составляло от 142 р. 86 к. до 228 р. 57 коп. Про оплату труда конторских служителей и говорить не приходится: оно было нищенским, в самом буквальном смысле этого слова****).

Когда в 1843 году Бурмин сделался опекуном над Ериной вотчиной, крестьянство и имение было уже разорено. Несмотря на барщинную систему в Ерине и Завидовке, помещичьи земли, огороды и

*) Из письма Куденетова к Бекетову от 18 окт. 1840 г. за № 21. А. С.

**) Сообщение управляющего Бланжева за № 42 от 25 мая 1842 г. А. С.

***) См., например, «инструкцию» управляющему Евсееву. А. С.

****) Как тяжело было служить у Бекетова его «земским», можно видеть из того факта, что даже его, казалось-бы, верный служака, Вас. Прошкин, не выдержал своей горькой жизни и сначала запил, а потом повесился.

сенокосы в значительной степени сдавались в аренду. И только мельница (водяная) давала постоянный и верный доход. Что касается Акуньковских крестьян, то они были на оброке (79 тягол) на общую сумму в 3555 руб. ас. в год. Но за 1843 г. фактически было собрано только 1 787 р. 75 коп. ассигнациями.

Бурмин, видимо, несколько поправил хозяйство. По крайней мере ржи, вместо 68 дес., осенью 1843 года было посеяно уже 151 десят. Увеличился также и общий баланс денежного поступления. Так, за 1843 год денежный приход составил (в ассигн.) 5.691 р. 26 коп., а за 1844 г.—8.204 р. 90 к.

В составленном опекунском отчете за 1843 г. общие результаты вотчинного хозяйствования выявляются в следующих цифрах:

Отчетные статьи	Единица измерения	Остаток на 1 января 1843 г.	Приход за год	Расход за год	Остаток на 1 января 1844 г.
Деньги	Руб. в ассиг.	—	5.691 р. 26 к.	1.602 р. 30 к.	4.088 р. 96 к.
Рожь в снопах . .	Копны	—	464—1/4	464—1/4	—
Рожь в зерне . . .	Четв., четверики, гарнцы	—	809—3—1	606—4—6	202—6—3
Мука ржаная с мельницы	Пулы	101 п. 25 ф.	1760 п. 17 ф.	944 п. 10 ф.	917 п. 32 ф.
Овес в снопах . .	Копны	161	481—3/4	195—1/4	447—3/4
Овес в зерне . . .	Четверти и т. д.	—	346—7—5	335—6—1	11—1—4
Сено	Пуды	2867	6.272	2.109	7,030

Мельница за 1843 год дала следующие поступления (сбор): муки ржаной 1760 п. 17 ф., овсян. муки—71 п. 32 ф., пыли мучной—103 п. 19 ф. и деньгами—1001 р. 89 коп. ассигн.

В 1846 году Бекетов умер. Имения его по наследству перешли: к внукам—Бибиковым и Балашовым.

Вот как характеризует управляющий Бланжев в своем донесении Балашову общее положение крестьян управляемого им имения, „В приказе Вашего Высокоблагородия помещено, что прежде бывшие крестьяне в зажиточном состоянии (находились). Это говорят так когда еще покойная помещица была Ирина Ивановна. А после вступления Его Превосходительства Петра Петровича стали крестьяне жить хуже. И земля от них отошла по продаже самая лучшая навозная княгине Оболенской. До управления моего крестьяне только имели по 1 десят. на тягло (—в поле. А. С.), о чем они, как видно изыскивали средства разными прошениями жалоб о малоземельности,..... Теперь же у них в каждом поле по 1½ десятины на тягло. Господскую работу только обрабатывают без одной четверти по десятине. Работа производится брат на брата*). Господские подводы в зимнее время правятся хлебом одна до Москвы и другая до Коломны. Сборов и поборов на господина никаких с них не собиралось. А заимообразность крестьян на посев ярового хлеба всегда (была), они должались, как у купца, так и у соседнего помещика через две деревни от

*) «Брат на брата»—такой барщинный порядок работ, когда два тягла работают попеременно, сменяя друг друга: сегодня—одно тягло, завтра—другое тягло, после завтра—опять первое тягло и т. д. Получается так, что каждый день рабочей недели выставлены рабочие руки того или другого тягла...

С. А.

нас господина Топтыкова. Но он уже более им не дает, ибо некоторые неблагомыслящие из крестьян чего-то недоплатили".

III. „Известным у старосты бадиком".

С 1846 и, вероятно, по 1853 год Еринская вотчина находилась в совместном владении Балашовых и Бибиковых (Софья Сергеевна Бибикова, урожденная Кушникова, приходилась по матери Бекетову внучкою).

Понятно, что такое „двоевластие" всегда превращается в безвластие юридических владетелей и самовластие наемных администраторов. Каждый староста и каждый управляющий чувствовал себя, хотя и временным, но хозяином положения. Отсюда всякого рода произвол со стороны старост, конторщиков, прикащиков, для крестьян иногда более тягостный, чем от „барина", так как староста ближе к крестьянину в его повседневной жизни, чем помещик (проводящий большую часть своей жизни на балконе).

В 1851 году, 5 апреля, за № 11, Еринская Вотчинная Контора доносила своему начальству — Главной Успенской Конторе — следующее. На второй неделе великого поста в Ерино были наряжены к молотильной машине для подтаскивания снопов и уборки соломы из дер. Завидовки очередные „крестьянские женки". Но из них четверо, недоработав по одному дню положенную неделю, в пятницу вечером самовольно ушли домой. В наказание за этот поступок староста Пимон Чадаев таких „женок" опять нарядил в работы на следующую неделю (5 марта), в течение которой они и отработали за свою вину по 3 штрафных дня.

Но события на этом не остановились. Староста Чадаев, встретив провинившихся крестьянок на улице, там-же собственноручно расправился с ними, ударив каждую „раз по пяти известным у старосты бадиком". Но оказалось, что одна из побитых „женок", по имени Аграфена Федорова, жена крестьянина Семена Михеева, по 9-й ревизии за № 23, была беременна, а поэтому 21 марта, за 5 недель до срока, преждевременно родила. Младенец был женского пола, живой, но весьма слабый и вскоре умерший .Но мать Михеева—вдова Марина Потапова, женщина энергичная и расторопная, успела окрестить родившуюся без священника. Вследствие этого, по тогдашним законам, ребенок получал известные права гражданства и причина его смерти должна была иметь об'яснение.

После этого события приняли уже новый характер. Семен Михеев об'явил в тот-же день своему приходскому священнику (с. Прони) о произшедшем случае, а вслед за этим заявил о том-же и сотскому сельца Ерина Дмитрию Федорову на предмет донесения Земскому Суду.

Сотский на другой же день (22 марта) сообщил обо всем Вотчинной Конторе, — видимо для получения инструкции. Та попыталась было замять неприятную для всех историю под предлогом вызова свидетелей, при которых староста наносил побои. Но Семен Михеев решительно заявил, что ему время дорого и он идет в Суд. Михеев указал также, что на младенце были видимые следы от побоев: так на локте правой руки и на голове были „кремновитые пятна".

Вследствие такой решимости Михеева сотский Федоров в тот-же день сделал доклад становому приставу. Последний словесно распорядился так: „если священник схоронит младенца, то тем дело и окончить, а в случае не станет хоронить, тогда уже прислать с рапортом

десяцкого". Но священник, убоявшись настроения Семена Михеева, хоронить не стал и приставу пришлось принять оффициальный рапорт десятского. Таким образом старосте Чадаеву угрожала законная кара, что было совершенно не в интересах Еринской Конторы, так как „тем сделался бы крестьянам большой повод к неповиновению и далее может возникнуть большое зло". Эти опасения были вполне основательны, так как крестьянская общественность была возбуждена всеми этими событиями. За Михеевым и его энергичной матерью стоял тогдашний крестьянский актив дер. Завидовки, который в сущности и руководил действиями потерпевших родителей. Еринская Контора сообщает, что Михеев жаловался в Суд не по своему решению, а по наущению Завидовских крестьян („ибо повидимому своего смыслу на сие у него не достанет"). Последние устраивали у себя „непозволительные сборища почти каждый день в доме Овчарова для совещаний на погибель старосты Чадаева". Особенно при этом выделялись из крестьян семь человек, в том числе Егор Григорьев Меменев, Прохор Овчаров и др.

Учитывая все это Еринская Контора применила испытанные методы укрывания концов в воду — подкупы. Приехавших для следствия станового пристава и уездного врача Контора встретила жирным угощением и взяткою в размере 150 руб. серебром. Такая встреча оказала, как и следовало ожидать, магическое действие *). Уездный лекарь, показывая понятым девятидневный труп младенца, утверждал, что он не имеет никаких наружных знаков. Становой пристав это подтверждал, понятые безмолствовали и все было хорошо.

Но мать Михеева, Марина Потаповна, не примирилась с таким оборотом дела и подала жалобу Рязанскому Вице-Губернатору, указывая в частности, что Завидовский староста Пимон Леонтьев грозит ее сына Семена отдать в рекруты („да и следует заменить им хорошего человека, через что может водвориться в вотчине тишина, привычка к местной власти и впредь будут многие иметь осторожность" — комментирует от себя Еринская Контора данный факт в своем сообщении за № 17). Вице-Губернатор посмотрел на это дело несколько иначе чем Контора и затребовал от Михайловского Земского Суда. об'яснений.

Успенская Главная Контора не захотела быть пассивным наблюдателем событий. Видимо соглашаясь с Еринской Конторой, что отыскивание крестьянами законной защиты в присутственных местах, помимо своих „господ", означает непризнание над собой власти помещика, Главная Контора затребовала к себе, для непосредственных переговоров, Семена Михеева (в начале августа). Вместе с ним в Контору отправилась и его мать, Марина Потапова, видимо опасавшаяся за судьбу сына.

Что было сказано им в Конторе? — неизвестно. Но вернулись они оттуда оба довольно скоро и осенью в числе отправляемых рекрутов имя Михеева не значится **).

Этим все дело и заканчивается... Староста Чадаев, как видно, счастливо избежал вполне заслуженной им судебной кары... „С богатым не судись", — говорит прошлая народная пословица, выращенная на почве, обильно сдобренной фактами, аналогичными приведенному

*) Письмо Еринск. Конторы от 9 июля 1851 г. за № 17, адресованное в Главн. Успенскую Контору.
А. С.

**) Сообщения Еринской Конторы от 3 авг. и 12 окт. за № 19 и 20.
А. С.

Впрочем, ниже мы опишем еще более яркие подтверждения односторонней правдивости этой пословицы.

IV. Министр пореформенной эпохи (граф Д. А. Толстой) у себя в имении.

Впервые имя Толстого, точнее его жены — Софьи Андреевны, урожденной Бибиковой, встречается в Еринском архиве в 1854 году. Видимо к этому времени вопрос о единонаследовании Еринской вотчины окончательно разрешился тем или иным способом (т. е. выкупом, обменом или новым наследованием) в пользу Бибиковых.

Еринская вотчина в то время имела следующие размеры:

Название селения	Всего земли	В том числе:	
		Пахатной	Леса
Сельцо Ерино	1.042 дес.	750 дес.	180 дес.
Дер. Завидовка	2.531 „	1.735 „	683 „
Село Акуньково	791 „	533 „	87 „
Итого . .	4.364 дес.	3.018 дес.	950 дес.

Примечание: Квадр. сажени округлены в десятины.

Кроме этого С. А. Толстой, принадлежало в Зарайском уезде еще 3197 дес. земли, главным образом леса.

Посмотрим-же, как складывались отношения между этими владельцами и их крестьянами и что нового вносили первые в систему своего хозяйствования *).

Само собой разумеется, что самодурство и самоуправство, которое так широко практиковал „действительный камергер и командор" Бекетов, в Еринской вотчине, с переходом последней во владение Толстых, прекратилось. Правда, Толстые почти не заглядывали в свои Михайловские вотчины и все их „управление" сводилось к писанию Дм. Анд. Толстым разного рода приказов своим управляющим. Но зато не лишенный деловой смекалки и скупой Толстой вернее понимал свои интересы, а от этого крестьянам бывало иногда похуже, чем от самодура Бекетова.

Так, Д. А. Толстой быстро учел, что отпуск тягловых (барщинных) крестьян на промысловые отхожие заработки для него невыгоден и сейчас-же решил отходников прибрать к рукам.

Чрезвычайно характерно по общему тону рассуждений его письмо к своему управляющему Густаву Густав. Перне (от 18 июня 1856 г. за № 143).

„Не мало был я удивлен, рассматривая рабочий журнал с 1-го по 11 июня. Из него видно, что не только когда крестьяне работали поголовно, но и в половину тягол, мужики, отпущенные вами, как здесь выражено, для добывания хлеба, не выставили за себя работников. Это значит, что они пользуются тягольною землею даром, не платя оброка и не работая на господина за отведенную им землю.

*) Ниже будет использован только тот архивный материал, который не вошел в изданную ранее работу автора: „Организация и хозяйственный строй пореформенного имения помещика Рязанской губернии (граф Д. А. Толстой, как хозяин и помещик)", Труды О-ва Исслед. Рязанского Края, вып. XVI, Рязань — 1928 год.

А. С.

Это из рук вон. Таким образом вы распустите всех крестьян, потому что всякий предпочтет ничего не делать. Удивляюсь, как вы могли это допустить: ужели это прежде дозволялось? Отвечайте мне на это. Но, как бы то ни было, подобного расстройства господских работ никак не смейте допускать, а отпущенных крестьян заставьте непременно заработать те дни, которые они остались в долгу, если есть время, то теперь, до начатия полевых работ, а в противном случае по окончании оных, осенью Иначе приму против таких крестьян самые строгие меры, ибо они ни на что ненужные дармоеды".

Последние слова особенно выпукло подчеркивают основную идею общественного мировоззрения графа: все назначение мужика состоит в обязанности работать на барина; поэтому, если этот мужик, добывая пропитание себе и своей семье тяжелым промысловым трудом, каким либо способом на время перестает быть полезным своему господину, то тем самым он становится „дармоедом", даром пользуется господской землей и его нужно прибрать к рукам.

Но, как ни обнаженно это сословно-помещичье мировоззрение, как ни убого оно для человека, получившего блестящее по тому времени гуманитарное образование, — им был проникнут граф Толстой, как говорится, до мозга костей и им он неуклонно и твердо руководился во всей своей продолжительной и вредной политической и хозяйственной деятельности.

Не выкинул из своей практики просвещенный классик*) и традиционную розгу. Правда, порку своих крестьян он старается делать в белых перчатках: не приказывает своим подручным подначальных ему крестьян наказывать непосредственно, а просит об этом должностных лиц. Так, в своем письме от 12 ноября 1856 года, он предписывает управляющему крестьянина Гаврила Галкина, виновного в соучастии в порубке леса, „отослать к исправнику с просьбою примерно наказать его розгами".

Такая „политика" Толстого отнюдь не содействовала установлению сколько нибудь мирных отношений его с крестьянами. Наоборот, классовая настороженность, переходящая в открытую враждебность, определенно характеризует систему хозяйствования нового владельца Ерина. Отличнейшей иллюстрацией к этому является то обстоятельство, что в вотчине, при наличии барщинной системы, вся сторожевая охрана, как правило, состояла из вольнонаемных людей, большею частью из отставных унтер-офицеров (на своих крестьян видимо положиться было уже нельзя).

Вот этот список на 1860 год:

Сельцо Ерино:

а) Караульщик леса—затяглый крестьянин (4 руб. сер. и 2 п. муки в месяц);

б) Староста — бессрочный унтер-офицер (7 руб. сер. и 2,5 п. муки в месяц и 1 воз соломы в год;)

в) Караульщик у амбаров и конторы—затяглый крестьянин (4 руб сер. и 2 п. муки в месяц);

г) Караульщик на скотном дворе и гумне — бессрочный рядовой (4 руб. сер. и 2 п. муки в месяц).

*) Как известно, Д. А. Толстой, из соображений борьбы с революционным движением, был горячим сторонником и деятельным насадителем так наз. „классического", образования, которое выражалось гл. обр. в изучении греческого и латинского языков и культур этих государств.

А. С.

Дер. Завидовка:

а) Три караульщика леса—все оставные унтер-офицеры (по 4 руб. сер. и 2 п. муки в месяц);

б) караульщик гумна и скотного двора-отставной унтер-офицер (3 р. сер. в 3 п. муки в месяц).

Однако и эта система не всегда давала надлежащий эффект. Тайные порубки леса велись все время, хищения в экономии служащими последней также продолжались. Так, в 1856 году (8 ноября) Толстой обнаружил, что во время сушки хлеба „усыхала" почти седьмая часть сушимой ржи, а овса—почти четвертая (!) часть.

Были сюрпризы и посерьезнее.—Так, 2 августа 1855 г., в Ерине сгорел скотный двор и две экономических избы, при чем в поджоге подозревался... бывшие лесной сторож, перед этим отставленный от должности.

Но зато денежно-материальные результаты хозяйства при Толстых значительно поднялись. Граф сумел подтянуть и свой административно-служебный аппарат, и, через последний, все подневольное ему крестьянство (особенно в отношении аккуратности в платежах), с успехом заставляя последних более аккуратно выполнять свое „назначение".

Денежный отчет по Еринской вотчине за период с 1 июля 1858 г. по 1 июля 1859 года показывает следующее:

Приход.

Остаток на 1 июля 1858 г.	862 р.	41 коп.	ассигн.
От Д. А. Толстого и И. М. Колочна . .	1750 „	— „	„
Оброк получен за 1858 г. с Акуньковских крестьян (91 тягло на 71 р. 73 к.)	6527 „	50 „	„
Оброк с Еринских дворовых	595 „	— „	„
От продажи 6.395 пуд. муки (в т. ч. в Москве—1200 пуд., своим крестьянам—1411 п., и разным лицам—3784 пуда)	8997 „	95 „	„
От продажи 1896 четв. овса	12980 „	70 „	„
„ „ сена	957 „	10 „	„
Доход от мельницы (плата за помол и рушку	1537 „	70 „	„
За постой 8 казенных жеребцов и содержание при них 6 солдат	638 р.	12 „	„
Прочие доходы	1197 р.	46 „	„
Итого	36.043 р.	94 коп.	ассигн.

Расход.

Послано графу	25.254 р.	95 коп.	ассигн.
Расходы по конторе	245 „	83 „	„
Жалование и харчевые служащим (в т. ч. управляющему 1.326 р.)	2.498 р.	35 „	„
Расходы по хозяйству (в т. ч. по мельнице 188 р. 11 коп. и по конному заведению 1.618 р. 55 к.)	2.801 „	22 „	„
Расходы по строительству	2.348 „	94 „	„
Разные расходы (в т. ч. на обучение двух дворовых мальчиков в г. Михайлове 159 р. 55 к. и на лечение от болезней крестьян 60 р. 23 коп.)	2.624 „	77 „	„
Итого	35.774 „	06 „	„
Остаток в конторе	269 „	88 коп.	

Если сравнить эти результаты с известным уже читателю отчетом опекуна Бурмина за 1843 и 1844 года (денежные поступления за 1843 г. 5.691 р. 26 коп. ас. и за 1844 г. — 8.204 р. 90 коп. ас.) нельзя не удивиться происшедшей быстрой перемене: денежная доходность увеличилась более чем в шесть раз! В частности напомним, что в 1843 г. Акуньковские крестьяне состояли на оброке (79 тягол по 45 р. ас. с тягла) на общую сумму в 3.555 руб. ас. (фактически поступило только 1.787 р. 75 коп.). Граф к 1858 г. увеличил число тягол до 91, оброк с тягла поднял до 71 р. 73 к. ас. и сумел собрать его с крестьян целиком, чем выявил свой незаурядный административный талант, используемый им неизменно в одних и тех-же сословно-классовых целях.

Но барщинным крестьянам Еринской вотчины приходилось в Толстовском ярме еще тяжелее. Мы уже видели, как граф подтянул крестьян, уходящих в отход на заработки. Да и на самих работах стало строже и взыскательнее. Кроме того Еринским крестьянам частенько приходилось выполнять барщинные работы в дер. Завидовке, для чего нужно было проходить в один конец 5 верст (через д. Виленки).

Барщинные повинности с каждой души (без различия возраста) исчислялись из следующих норм:

Сезон выполнения повинности	В Ерине		В Завидовке	
	Мужские дни	Женские дни	Мужские дни	Женские дни
Летний	21	15,75	24	18
Зимний	14	10,5	16	12
За год с 1 души	35	26,25	40	30

За 1858-1859 год (с 1 июля по 1 июля) имеются также интересные сведения о состоянии мирских сумм и общественного капитала крестьян сельца Ерино, с. Акунькова и дер. Завидовки.

Эти данные показывают следующее (в ассигнациях).

1. По суммам, собираемым на уплату казенных податей и на мирские расходы.

Приход.

Остаток на 1 июля 1858 г. . . . . 64 р. 23 к.
Взято заимообразно из господской кассы (на наем земли у Исаева) . . . . . 350 „ — „
Собрано с крестьян:
с. Акунькова . . . . . 2.058 р. 34 к.
сельца Ерина. . . . . 1 675 р. 35 к.
д. Завидовки. . . . . 1.520 р. 40 к.

Итого . . . . . 5.254 р. 09 к.

Всего на приходе . . . . . 5.668 р. 32 к.

Расход.

Уплачено купцу Исаеву за наем у него под мирской общественный посев 20 дес. земли по 17 р. 50 коп. за десятину . . . . . 350 р. — коп.

Возвращен долг в господскую кассу	350	р. —	„
Внесено в Мих. у. казначейство податей и др. казенных повинностей	4.389	„ 97	„
За караул приходской церкви в с. Макове . . .	10	„ 50	„
За караул мирского магазина	10	„ 50	„
Взятка Уезд. землемеру при постановке межевых знаков в с. Акунькове *)	70	„ —	„
За содержание при Мих. зем. суде двух пар лошадей за крестьян	104	„ 25	„
Михайлов. купцу Метелицину за устройство и ремонт моста	270	„ —	„
Жалование смотрителю мирского хлебного магазина	35	„ —	„
Тысячному солдату 1-го стана Мих. у. в содержание его с 484 душ, согласно положенной разверстке 1 коп. с души	4	„ 84	„
Израсходовано на поездку в Тулу за мирскими деньгами	7	„ —	„

Всего расхода . . . . 5.602 р. 06 коп.
Остаток . . . . . 66 р. 26 коп.

II. По мирскому капиталу.

Приход.

Остаток на 1 июля 1858 г. (в билетах Тульского Приказа Обществ. Призрения)	1.452 р. 50 к.
За проданные 103 четв мирского овса	798 р. 25 к.
% из Тульск. Приказа Об. Призр.	10 р. 32 к.
Получено от крестьян в возврат ссуды, полученной ими овсом, купленным на мирские деньги . .	38 р. 88 к.

Всегда на приходе . . . 2.299 р. 95 к.

Расход.

За пересылку в Тулу билета приказа Общ. Приз. на придмет его обмена на деньги	1 р. 50 к.
Заплачено в господскую кассу за купленные для крестьян сельца Ерино и д. Завидовки:	
а) муку ржаную 305 пуд.	671 р. — „
б) Сухой овес 43 чет.	258 р. — „
в) Сыромолот овес 81 чет. 7 мер	563 р. 06 к.
г. Сена 196 1/4 пуд	68 р. 69 к.
Итого . .	1560 р. 75 к.
Тоже за 7 четв. овса, купленные в Михайлове . . .	541 р. 87 к.

Всего расхода. . . . . 2.104 р. 12 коп.
Остаток . . . . . 195 р. 83 коп.

В ссудах за полученный овес за крестьянами осталось долга на 1 июля 1859 г. 2.073 р. 73 к. Овес, повидимому, выдавался крестьянам в ссуду без процентов и без начислений на накладные расходы.

*) В бумагах сказано: дано „в благодарность".
А. С.

Экономические условия освобождения от крепостной зависимости крестьян были, как известно, для крестьян весьма неблагоприятны вообще. В отношении графских крестьян это сказалось в еще более резкой форме *). Система отрезков, непомерно вздутые выкупные платежи и хитроумно обставленный отвод земли в натуре сделали свое дело. Крестьяне оказались после 1861 года в прочных силках у своих бывших „господ", от которых по-прежнему хозяйственно зависели.

Д. А. Толстой умело пользуется этими обстоятельствами и, будучи кровно связан со всем укладом и строем барщинно-крепостного хозяйства, переносит, в меру конечно посильных возможностей, традиции последнего и в свое пореформенное хозяйство.

Остановимся кратко на нем. Наиболее правильное представление о системе организации толстовского хозяйства 1860-1880 годов могут дать те условия и договора, которые заключали управляющие графа с крестьянами на выполнение ими тех или иных работ.

Вот выдержка из этих условий.

Дата условия	Кто договаривается с Толстым	Что дает Толстой крестьянам	Что получает Толстой от крестьян
1867 г. 27 апреля	Крестьяне дер. Парточек	12 четв. овинной (сушеной) ржи	а) Осенью, по уборке ржи, кр-не возвращают 13 четв. и 4 меры сыромолотой ржи;
			б) „За одолжение ржи; обязуемся за каждые 2 четверти взметать и передвоить одну десятину под озимый посев".
			в) За невыполнение условия и за невыход крестьян на работу по первому требованию конторы—штраф за круговой порукой в размере 3 р. сер. с каждой необработанной дес.
8 мая	Крестьяне дер. Завидовки	42 четверти овса на семена	а) Не позже 20 дек. 1867 г. вернуть взятое количество овса;
			б) „За одолжение же овса обязуемся свозить по первому требованию г. управляющего за каждую четверть овса по семи копен ржи".
			в) За каждую невывезенную копну штраф 30 коп. сер.
20 мая	Крестьяне с. Ерина	9 четв. овинной ржи	а) Осенью из урожая возвратить 10 четв. и 5 мер сыромолотой ржи.
			б) „За одолжение нам ржи обязуемся скосить и связать за каждые 2 четверти ржи одну десятину ржи.

*) См. об этом работу автора: вып. XVI трудов О-ва Исслед. Рязанского Края „Организация и хоз. строй пореформ. имения помещика Рязанск. губ.", стр. 13—21

А. С.

Дата условия	Кто договаривается с Толстым	Что дает Толстой крестьянам	Что получает Толстой от крестьян
26 апреля	Крестьяне с. Ерина	Под посев в яровом поле 50 десят. земли	Отработку на помещика: а) Посеять и перепахать 25 дес. овса. б) Скосить, связать и поставить в копна 50 дес. ржи. в) Скосить, связать, поставить в копна 50 дес. овса. г) Скосить, высушить и поставить в копна 10 дес. луга.
1884 г. 6 ноября	Крестьяне с. Макова	За уборку ржи и овса по 3 р. за десятину,— деньги (198 р.) вперед и за уборку картофеля—по 14 р за десятину,— деньги (154 р.) частью вперед, частью после уборки	Убрать в 1885 году: а) 33 дес. ржи. б) 33 дес. овса. в) 11 дес. картофеля.
1885 г. 1 июля	15 кр-н с. Ерина	По 5 руб. за уборку десятины, деньги все вперед.	Произвести полную уборку 15 дес. ржи, т. е.: скосить, связать, свозить и посеять осенью 15 десятин ржи.
11 декабря	Кр-не с. Стрелецкие Выселки (28 челов.)	По 3 р. за десятину, деньги все вперед	Скосить, связать, свозить, сложить в скирды. а) 37 дес ржи. б) 37 дес. овса.
18 декабря	6 крестьян с. Терехового	По 7 руб. с десятины; деньги—40 руб.— вперед.	Произвести полную обработку и уборку в Ерине 10 дес. картофеля: вспахать, 2 раза прорезать, несколько раз прополоть, выпахать и выбрать картофель из земли, забороновать, перепахать поперек и еще раз выбрать, перевести собранный картофель на своих лошад. в имение.
19 декабря	Кр-не с. Макова	По 3 р. с десятины; деньгивсе вперед.	Убрать, скосить, связать, поставить в копна, свозить и поставить в скир.: а) 24 дес. ржи; б) 24 дес. овса.

Для полноты добавим еще два весьма характерных условия „1870 года, июня .... дня, мы нижеподписавшиеся Михайловск. у., сельца Ерина временно-обязанные графини Толстой, женщины и девки, всем обществом обязались за круговой всех нас порукой, сжать нынешним летом пять десятин ржи, за что имеем дозволение от управляющего Нколая Григорьевича Сумакова в лесу пользоваться грибами, ягодами и вениками. А за неимением грамотных по личной их

просьбе бывший дворовый человек господ Меркуловых Семен Костиков руку приложил". Данные обстоятельства чрезвычайно характерны: из числа всех женщин вотчины министра народного просвещения *) не оказалось ни одной грамотной! Вследствие этого потребовались чрезвычайные услуги „бывшего дворового человека господ Меркуловых", для подписи от лица крестьянок этого договора, имеющего по своему содержанию установление известного круга натурально-барщинных отношений. Последние, правда, несмотря на все тщетные старания Толстого, с каждым годом все более и более отходили в область „счастливого" прошлого. Об этом обстоятельстве говорит нам и сравнение крестьянских условий 1867 и 1885 г. г.: кабальный характер сделок сохраняется, но натуральное ростовщичество заменяется денежным, а самые отношения приближаются к предпринимательским.

Однако привязанность Толстого к незабвенному и милому для него крепостничеству время от времени выявляется в целом ряде хозяйственных актов и мероприятий. Так, уже в 1886 году, 26 февраля управляющий Дамов заключил с 15 крестьянами Маковских выселок **) условие на выполнение последними летом 1886 года поденных работ за плату из расчета 1 пуд ржи в день, оцениваемой в 45 коп. за пуд. Рожь эту, в количестве 16 пудов на человека, а всего 240 пудов, законтрактованные крестьяне получили при подписании условия всю вперед. „Являться на работу, говорится в условии, обязуемся с рассветом и уходить, как стемнеет и беспрекословно повиноваться его (т. е. управляющего — А. С.) распоряжению; работу мы, крестьяне, должны работать ту, которую нас заставят, если же мы, крестьяне, чего либо не исполним или не явимся по требованию на работу, то каждый из нас должен заплатить за взятую рожь немедленно по 60 коп. за пуд, за что отвечаем все друг за друга нашею круговою порукою".

Те же отношения устанавливаются (с различными вариациями) и на почве найма крестьян для добычи камня и резки торфа.

В 1888 году, 25 января, маковский управляющий Дамов подрядил крестьян с. Ерино нарыть в Еринской горе и перевезти в Маково 20 куб. саж. бутового камня за плату по 13 пуд. ржи за 1 куб. саж. (или всего за 260 пуд.). Срок выполнения работ—не позднее 15 марта 88 г. Рожь выдается вся при подписании договора, который гарантируется круговой порукой.

В том-же году, 15 марта, Дамов нанимает Еринских крестьян на рытье и перевозку (доставку) 60 куб. саж. торфа за плату 5 руб. за 1 куб. саж. или за всю работу 300 руб. Торф режется (крестьянским инструментом) размером 8×4×2 вершков и должен быть хорошо просушен и сложен в штабеля; конец резки—8 июня, а доставка (на крестьянских лошадях) должна быть выполнена: 12 кубов—к 15 авг., 24 кубов—в сентябре и и остальные 24 кубов—в октябре 88 г. Задаток дается в размере 120 руб., из которых половина отпускается рожью из расчета по 45 коп. за 1 пуд. Остальные деньги крестьяне получают по мере доставки торфа с вычетом из первых партий 1/3 платы. Кроме того крестьяне получают право пасти своих работающих лошадей на торфяном болоте в особо отведенных для этого участках.

В классовой борьбе враждующие стороны готовы употреблять все средства—лишь-бы они достигали своей цели. Граф Толстой никак

*) С 1866 г. Д. А Толстой занимал пост министра народного просвещения. А. С.

**) Имение при с. Макове куплено Толстым в 1870 г., после чего стало административным центром всех имений и летней его резиденцией. А. С.

не мог примириться с реформой 1861 года. Но, как человек практичный и неглупый, он вынужден был признать ее факт и сделать из него ряд выводов. Он понял, что спасение его позиций, как помещика, будет заключаться от установления степени экономической зависимости крестьян от него, как от землевладельца Поэтому в процессе прохождения реформы он с энергичной настойчивостью добивался следующих своих „прав": а) дать крестьянам земли, как можно меньше и как можно более худшего качества и б) обложить крестьян выкупными платежами как можно более высоко *). В этой защите своих интересов Д. А. Толстой был верен себе до конца. Готов был не брезговать никакими мероприятиями, хотя-бы они и заходили далеко за те границы, которые в обычных понятиях называются „добросовестностью". Короче—Толстой в присутственных местах домогался решений в свою пользу, не останавливаясь перед обманом и попранием того закона, строгим блюстителем которого он, яко-бы, являлся.

Мы имеем при этом в виду его долголетнюю тяжбу с крестьянами с. Вакино и дер. Шушпаново, быв. Зарайского уезда, Рязанск. губ., известную под названием „Вакинское дело" **).

V. Вакинское дело.

Прабабка Толстой—Бекетова — покупкой приобрела с. Вакино и дер. Шушпаново. Впоследствии она и ее дочь, бабка Толстой, расширили свои владения, по показанию Д. А. Толстого, до 1224 дес. (очевидно одной только пашни, не считая леса. — А. С.) Имение и после этого подвергалось различным изменениям своей территории и точные границы его не были вполне ясны. С 1853 года Вакино переходит к С. А. Толстой.

Крестьяне были на оброке и с 571 души выплачивали своей помещице 5.500 руб. при наделе в 2028 дес. ***). Кроме этого денежного оброка крестьяне выполняли незначительные натуральные повинности случайного и временного характера: прочистка леса, подвозка дров для отопления трех печей конторы и т. п.

Помимо надельной помещичьей земли, Вакинские крестьяне владели путем покупок в разное время и у разных лиц, в течение примерно сорока лет (к 1861 г.), на правах собственности 441 дес. земли. Эта земля, в силу именно того обстоятельства, что она была крестьянской собственностью, никакими повинностями в пользу помещика не облагалась.

Все шло довольно мирно, не вызывая никаких раздоров и споров. Но вот подошел 1861 год и стало необходимо юридически оформить и отделить землевладение крестьян от помещика. И вот тогда-то у Толстого созрело решение оттягать у крестьян находившуюся у них в собственности 441 дес. земли. Дело заключалось в том, что по законам крепостного времени все акты на покупку крестьянами земли совершались на имя их помещика и юридическим владельцем земли был, таким образом, помещик, а не крестьяне, — фактические

*) См. об этом работу автора „Организация и хозяйственный строй пореформенного имения помещика Рязанск. губ." вып. XVI трудов Общества Исследователей Рязанского Края, стр. 13-21.
А. С.

**) См. также характерные мелочи, которые указаны в цитированной выше работе автора на стр. 30-31.
А. С.

***) По другому источнику 2072 дес.
А. С.

покупщики и владельцы земли. Реформенное законодательство (1 пункт приложения к 32 ст. Общ. Положения) в этом отношении было совершенно дико. Оно устанавливало десятилетнюю давность для оформления крестьянских покупок с момента их заключения и по момент составления Уставн. Грамоты. Таким образом для всех земель, которые были куплены крестьянами далее десяти лет (т. е. до 1851 года), в том числе, следовательно, и Вакинского крестьянского владения, закон устанавливал на праве „давности" собственность помещика.

Это было совершенно несообразно даже с точки зрения установившихся понятий о собственности. Поэтому Мин. Внутренн. Дел, опасаясь крестьянского возбуждения и волнения на этой почве, не всегда стояло на формальной точке зрения и, как это было например в громком деле кн. Кочубея в Саратов. и Самар. губ., становилось иногда на защиту крестьянских интересов и разрешало спорные вопросы по существу его дела. Вследствие этого, да и вообще по существовавшим тогда понятиям, помещики редко пользовались своим формальным правом на крестьянскую купчую землю. Это понимал и Толстой, почему он и решил отрицать за Вакинскими крестьянами самый факт покупки и владения ими земли на правах купчей. Сделать это было не трудно, потому что, во первых, крестьяне на свое имя, как сказано выше, акты на покупку земли производить не имели права и, во вторых, земля у крестьян переходила из рук в руки, а известно, что всякая письменность, а тем более у крестьян, велась крайне неумело, неаккуратно, не хранилась, должным образом не свидетельствовалась и т. д.

Итак, Толстой заявил, что Вакинские крестьяне никакой земельной собственностью не обладают, а потому при составлении Уставн. Грамоты в свои владения включил и вышеназванные 441 дес. земли.

Крестьяне подали прошение в Зарайск. Мировой С'езд; дело попало в руки Мирового Посредника Дмитрия Семеновича Ржевского. Последний был человеком прогрессивного образа мыслей, образованным и передовым, постоянным читателем журнала „Отечеств. Записки" (и, вероятно, Герценовского „Колокола"). Поэтому он, ознакомившись с делом, решительно стал на сторону крестьянских интересов. Отстаивая крестьянские притязания в полном их об'еме, Ржевский написал обстоятельную "об'яснительную записку", в которой пространно доказал факт нахождения до 1861 года спорной земли в частном землевладении крестьян. Записка была представлена в Зар. Мир. С'езд 24 июня 1862 г. Кроме Ржевского она была подписана и другим Миров. Посредником — Дмитрием Борисовичем Похвистневым. Однако Мировой С'езд 24 августа 1862 г., голосами председателя С'езда Повалишина, мировых посредников: Наумова, Окунькова и Лихарева и члена от Правительства Кормилицина, не установил наличия крестьянского владения и решил все дело в пользу Толстых. Но тут появляется на сцену талантливый деятель эпохи реформ (и не менее популярный юрист) Алексей Михайлович Унковский, который, получив доверенность от крестьян с. Вакино и дер. Шушпаново, подал в Рязанск. губ. по крестьянским делам Присутствие возражение против решения большинства членов Зарайск. Мир. С'езда (3 сент. 1862 г.), написанное ярким красочным языком. В них он, в частности, протестует против пристрастного поведения Зарайских членов Мир. С'езда. „Члены издеваются над безграмотностью крестьян и помещиков писавших эти бумаги (акты о продаже крестьянам земли, — А. С.)... Странно видеть судей, которые дозволяют себе шутить делом совести и издеваться над людьми, защищающими свою собственность".

Но какова была в этом деле юридическая аргументация обоих сторон?

Кратко она сводится к следующему.

Доказательства крестьян: а) в подворных прошнурованных описях вотчинной конторы, ежегодно составлявшимися бурмистром и земским старостой, против имени каждого крестьянина обозначалось количество его собственной земли (отдельно от помещичьей);

б) большое количество домашних передаточных актов и расписок соседних владельцев в том, что они продали или обменяли земли с крестьянами, несколько копий с купчих крепостей и других документов, удостоверенных своевременно вотчинным начальством, священнослужителями и др. посторонними (для процесса) лицами;

в) то обстоятельство, что прежние владельцы с. Вакино никогда не оспаривали у крестьян их личного и потомственного владения на землю, фактически существовавшую многие десятки лет отдельно и помимо общего крестьянского надела;

г) то, что спорные земли никогда не были облагаемы никакими повинностями в пользу помещика и то, что все крестьяне-собственники платили все время в пользу „мира“ особый денежный сбор, который записывался в вотчинную книгу так: „поземельных за собственно-купленную крестьянами землю“;

д) неравномерность участков земли, которая вне собственности не могли бы быть допущенной.

Возражения помещика: а) село Вакино было всегда на оброке и крестьяне управлялись сами собой, а потому вотчинное правление могло самовольно раздавать крестьянам в собственность участки господской земли;

б) домашние акты не заслуживают никакого доверия, так как бурмистры формальной доверенности от помещиков не имели;

в) крестьяне ни разу не заявляли своей помещице (С. А. Толстой) о том, что у них имеется купленная земля (а зачем это нужно было „заявлять“?);

г) если бы крестьяне и действительно когда-то приобрели в собственность землю, то они должны взыскивать свои убытки с тех своих прежних господ, которые неправильно продали под видом своей земли спорные участки прабабке и бабке теперешней владелицы.

Нужно-ли говорить, какими белыми нитками шита была эта Толстовская аргументация?!

Это поняло и Губер. по крест. делам Присутствие, которое 9 сент. 1863 г. разбирало дело. Но пойти открыто против интересов графа, имеющего в Петербурге влиятельные связи, оно не решилось, да, очевидно, и не хотело. Большинством голосов Присутствие в иске крестьян с. Вакино отказало „за пропущением десятилетнего срока на основании 1 пункта приложения к 32 ст. Общ. Полож.“.

Крестьяне обжаловали решение Губ. Присутствия в Мин. Внутр. Дел, откуда спорный вопрос перекочевал в „Глав. Комитет об устройстве сельского состояния“. Решение Комитета (от 10 авг. 1864 г. за № 25) было несколько неожиданно: „Соглашаясь с мнением М. В. Д., что существование купленных крестьянами на собственные деньги земель не подлежит сомнению“, Комитет предлагает Рязанск. Губ. Присутствию собрать все необходимые сведения о количестве приобретенных земель... Словом, бюрократическая машина завертелась вновь. Но к этому времени, видимо, крестьяне стали уже отчаиваться в успехе своего дела. Толстой также потерял уверенность в полном осуществлении своих притязаний.

И вот обе стороны стали склоняться к компромиссу. Поверенный крестьян, в своей беседе с поверенным Толстого (Ал. Донским) сообщил, что крестьяне не прочь пойти на мировую сделку на условиях признания за ними в собственности 220 дес., согласно сделанному ранее предложению Толстого, плюс некоторые льготы в уплате оброка, плюс покупка у графа остального количества отрезанной у крестьян земли *) — 280 дес., так как иначе не избежать потрав и других недоразумений. Донской в ответ на это, настаивал на сделанных ранее предложениях графа (письмо Донского **) к Толстому от 26 февр. 1865 г.).

Дальнейшие следы этого дела в архиве теряются. Можно полагать, что оно все-таки закончилось обоюдным соглашением, т. е. следовательно большим или меньшим поражением крестьянских интересов. Наоборот, Д. А. Толстой в убытке, как нападающая сторона, остаться никак уже не мог. К тому-же Толстой, еще в самом начале завязавшегося спора о собственности на 441 дес., перешел в наступление (и весьма удачно) и на другом участке фронта. Обстоятельства дела были таковы.

Примерно в июне 1862 г. (во всяком случае до известного читателям решения Зарайск. Мирового С'езда) один из графских прихлебателей, Мировой Посредник 2 участка Зарайск. уезда (т. е того участка, в котором находилось Вакино) Николай Михайлович Лихарев, после детального сообщения о ходе дела и дачи практических советов, писал Толстому следующее: „Гувернантка приносит Вам свою благодарность за бювар (который еще не получен) и просит Вас убедительно не присылать ей ничего более, потому-что ей приятнее не получать возмездия, даже и на память. Теперь я к Вам с покорнейшей просьбой: в марте губернатор представил к награде восемь мировых посредников, — в том числе и меня, к Станиславу 2 степени. Чрезвычайно хотелось-бы узнать, что последовало с этим представлением..... Будьте уверены, что я ничего не упущу из виду, что Вам будет необходимо знать и прошу Вас верить в искреннюю преданность и уважение Вашего покорнейшего слуги.

Н. Лихарев."

Крестьяне с. Вакино и 1 части дер. Шушпановой были в крепостное время всегда на чистом денежном оброке, платя ежегодно по 5.500 руб. Кроме такого оброка крестьяне не несли других повинностей, если не считать подвозки дров к трем печам конторы и случайных временных прочисток леса. Но когда стали составлять Уставную грамоту, то Толстой заявил, что его крестьяне состояли на смешанном оброке (т. е. денежном и натуральном), а потому размер выкупных повинностей следует исчислить не по размерам прежнего денежного оброка, а по размерам получаемого крестьянами надела *).

---

*) Всего от крестьян под видом «отрезков» отошло: 328 дес. пашни и 174 дес. заливного луга. А. С.

**) Вероятно это — А. Д. Донской, секретарь Губ. по Крест. делам Присутствия, который свое служебное положение использовал в графских интересах (в частности путем своевременной информации Толстого о всех новых обстоятельствах дела). А. С.

*) Дело в том, что, согласно ст. 177 мест. пол., у крестьян, состоявших на чистом оброке, выкупные повинности не могли быть повышены против платимого ими до 1861 года оброка, а у крестьян, состоявших на смешанной повинности, платежи определялись по нормам, то-есть, в первом случае для платежей был поставлен твердый предел, а во втором случае такого предела закон не устанавливал. Толстой и решил воспользоваться представляющейся ему возможностью. А. С.

Так как к этому времени завязалось дело о собственности на 441 дес., то Толстой свои притязания повысил, определяя крестьянские повинности против средне-установленной нормы с набавкой в три рубля с души. Лихарев, конечно, нашел такое требование „законным“ и в срочном порядке составил, утвердил и ввел. в действие (19 авг. 1862 г.) Уставную грамоту. Согласно последней ежегодные повинности крестьян за указанный надел, не учитывая даже 1.333 р. 80к. за временное пользование (в течение 4 лет) отрезками, повышались на 781 рубль. Таким образим крестьяне, вместо платимого ими прежде оброка в 5.500 руб., должны были платить за сокращенный надел по 7614 руб. 80 коп. в год и при том не с момента утверждения грамоты, а начиная за весь 1862 год.

Уставная грамота 2 августа 1863 года рассматривалась Зар. Мир. С'ездом. Но настроение с'езда было уже заранее определенно на стороне графа. Поэтому С'езд признал Вакинских крестьян находящимися на смешанной повинности и допустил возвышение крестьянских платежей на 2 руб. с души против средней местной нормы (т.е. на 781 рубль против платимого ранее оброка), находя такое возвышение соответствующим получаемому крестьянами наделу. Мировые посредники Д. С. Ржевский и Д. В. Похвистнев были против такого решения и подали особое мнение. В нем они возражали против правильности признания крестьян, как состоящими на смешанной повинности и повышения оброка на 2 руб.. сер. с души против нормы, определенной Положением, с одновременной отрезкой у крестьян их лучших земель. Далее (Ржевским) отмечалось, что самая отрезка земли (468 дес.) была почему-то соединена с каким то разверстанием угодий, хотя в графском имении, кроме усадьбы и трех небольших рощ земли, в непосредственном пользовании помещика никаких земель не было, почему и „разверстывать“ было нечего.

Крестьяне обжаловали это повышение своих платежей в Губернское по крестьянским делам Присутствие, документально доказывая, что стоимость натуральных повинностей, если даже таковые признать, составляла за последние 6 лет в своей совокупности всего только 880 руб. 85 коп., или в год 146 р. 80 коп. Но Губернское Присутствие в своем большинстве, уже твердо стало на сторону графа. Под предлогом, что крестьяне получили в надел 522 дес. поемного луга, из которых будто-бы только 80 дес. было посредственного качества, а 360 дес. превосходного и 82 дес. хорошего, и признавая крестьян состоящими на смешанной повинности,—Губ. Присутствие 9 сент. 1863 г повысило крестьянские платежи в указанных выше размерех. Отметим, что, по мнению крестьян, им, под названием „заливного луга“, преподнесли 150 дес. земли, ежегодно заносимой песками и для сенокошения непригодной (без дерна).

Более независимые члены Губ. Присутствия (Драшусов и Офросимов) не согласились с постановлением Присутствия в отношении отрезков и производства разверстания угодий. В поданном ими особом мнении они отметили, что крестьяне владели до 1861 года всей землей, а потому, на основании 65 ст. Мест. Полож., разверстание земель не должно производиться. Согласно закону, говорилось в их особом мнении, отрезать у крестьян в таких случаях можно только ненавозные и при том отдаленные от селений земли, а не земли по усмотрению помещика, как это было допущено в с. Вакино. Поэтому, полагали эти члены Губ. Присутствия, Уст., Грамоту следует пересоставить.

Крестьяне пошли дальше в Мин. Внутр. Дел. Но Министерство, во-главе с Валуевым, признало (постановление Земск. Отдела от 21 марта 1864 г., № 3232), что Губ. Присутствие в своем решении ни превысило власти, ни отступило от закона...

О внутренней стороне событий могут многое выявить следующие два письма.

5 декабря 1863 года Толстой, сообщая Лихареву, что М. В. Д. предложило Устав. Грамоту не переделывать и изменить только разверстку, предпослав ей отрезку, просит последнего „теперь же с'ездить в Рязань и переговорить с Протасьевым *) (которому я тоже пишу) о редакции постановления, какое должно по этому сделать Губернское Присутствие—(совсем по домашнему!—А. С.)..... наступает время уплаты оброка, который, как Вы помните, крестьяне платят по прошествии года; потому покорнейше прошу приказать им собрать оброк и к 1-му января выслать его ко мне в Петербург: это существенно очень может быть заставит их опомниться и пораздумать выгодны-ли им кляузничества и агитаторы..."

Лихарев 1 янв. 1864 г. писал Толстому следующее.—„От всего сердца и от всей души благодарю Вас за известие о том, что Николай Александрович принимает к себе на службу Сережу. Зная Николая Александровича, я и желать не могу лучшего начальника моему сыну.... Вчера мы нечаянно столкнулись с Голубцовым в Рязани, **) и я совершенно был доволен и тем, что мы оба сошлись на одной мысли, что надобно устроить дело Вакинское так, чтобы воспользоваться настоящим решением Министра для отнятия у крестьян всякой возможности жаловаться на грамоту. Для этого я считаю необходимым немедленно произвесть отрезку и сделать оную по возможности по указанию самих крестьян. Разверстание же, как могущее повлечь за собой новые меры с их стороны, отложить впредь года на два или на три, заявив об (этом в) акте, чтобы дать всему делу поуспокоиться и не давать повода Губерн. Присут. пересматривать опять грамоту, уже признанную правильною". И далее Лихарев славливается с графом, как провести это дело с формальной стороны.

Читая эту переписку, с трудом веришь тому, что один из авторов ее—должностное лицо, прямая обязанность которого охрана интересов крестьянства, а другой—представитель одной из тяжущихся сторон. Эта переписка свидетельствует, что перед нами имеются два единомышленника, озабоченные одной задачей: оттягать у крестьянина все, что только можно.

Жалоба крестьян на повышение оброка побывала везде: и в Главном Комитете (журнал от 18 июля 1864 г.), и у самого Александра II. Но результат был один и тот-же. Годовой платеж в размере 7614 р. 80 коп. был не только сохранен, но и вся недодобранная сумма за 1862—1864 г. в размере 950 руб. 20 коп., была с крестьян взыскана (сообщение Губ. Присутствия от 11 апр. 1866 г).

Как мы знаем из нравоучительных романов и американских кино-фильм, добродетель в конце концов торжествует, а порок наказывается. Так оно было и в Вакинском деле.—Продажный мировой посредник Лихарев в 1864 году получает назначение на пост председателя Суражского Уездн. Мирового С'езда; поверенному по крестьянским делам А. М. Унковскому запрещается юридическая практика; мировые посредники Д. С. Ржевский и Д. Б. Похвистнев, осмелив-

*) Протасьев—чиновник Губ. Присутствия. А. С.
**) Голубцов—доверенный Толстого. А. С.

шиеся поднять свой голос в защиту законных интересов крестьян, подвергаются обыску, аресту и увольнению со службы, первый, и переводу в медвежий угол—(Елабуга, Вятской губ.)—второй.

Но тяжелее всех досталось, конечно... печати.

Вопиющее Вакинское дело и наглость, с которой Д. А. Толстой, нарушая существовавшие тогда законы, захватывал непринадлежавшие ему земли и выдумывал несуществовавшие в крепостное время натуральные повинности, не могли не найти отклика в тех передовых журналах, которые тогда с энтузиазмом встретили крестьянскую реформу и с горечью должны были убеждаться в ее несовершенстве и извращении.

„Отечественные Записки" посвятили Вакинскому делу ряд заметок в отделе „Соврем. Хроника". Сначала в № 11 за 1862 год была помещена обстоятельная статья без подписи (автор—С. С. Громека), в которой, по материалам А. М Унковского, приведено было подробное изложение всего дела, а затем в февральской, мартовской и апрельской книжках журнала (за 1863 г.) были сообщены дополнительные сведения, частью полемического характера.

Для Толстого независимая печать была вообще личным врагом. Тем более ему стал ненавистен журнал, наглядно раскрывавший перед русской читающей публикой его крапленые карты.

Не удивительно, поэтому, что он подал жалобу в Петербургскую Уголовн. Палату на редакторов „Отеч. Записок",—Андрея Александровича Краевского и Степана Семеновича Дудышкина, за напечатанные в журнале оскорбительные для него выражения.

Видимо граф основательно нажал нужные педали. В своем заседании от 29 мая 1864 г. Петерб. Уголовная Палата, после поверхностного рассмотрения дела, и не приняв во внимание заявлений С. С. Громеки и А. М. Унковского о том, что автором и поставщиком материалов являются они, определила: А. А. Краевского и С. С. Дудышкина, за оклеветание Д. А. Толстого, подвергнуть заключению в тюрьме сроком на полтора месяца, „вменив им, сверх сего, в обязанность испросить в присутствии Палаты у графа Толстого прощение в следующих словах:„ мы вас тяжко обидели напечатанием неверных о действиях ваших сведений, и просим простить нас по христиански". а если граф Толстой пожелает, то заплатить ему за безчестие каждому по двадцати пяти руб. сер.; 2) Поданное г. г. Краевским и Дудышкиным прошение возвратить им с надписью; прошение же г. Унковского и Громеки оставить без рассмотрения и об'явить им об этом по месту их жительства; 3) Настоящий приговор, согласно просьбы графа Толстого и по силе 2.095 ст. Ул. напечатать на счет Краевского и Дудышкина в С.-Петербургских, Московских и Рязанских Губернских Ведомостях". *).

Так откровенно органы царской юстиции становились на защиту землевладельческих сословно-классовых интересов и с такой непринужденной циничностью они стремились унизить своих противников! И они, в известном смысле, были правы. Оскорбленная „честь" графа была не только его личным достоянием. В лице Д. А. Толстого на судебном процессе были представлены интересы всего привилегированного в то время класса,—правда сдавшего уже часть своих позиций, и „независимый" суд спешил „по христиански" защищать от ненавистного всем им пера публициста слишком обнаженные

*) В „Рязанск. Губ. Ведомостях" за 1864 год этот приговор напечатан не был. А. С.

и так легко уязвимые участки их фронта... Граф Толстой мог праздновать свою полную победу, правда, вряд-ли его удовлетворявшую...

На этом эпизоде мы и закончим свои экскурсы в материалы архива Еринского имения Толстых.

С трудом теперь верится, что там, где сейчас гудит фабричный гудок и дымят трубы Еринского цементного завода „Спартак", крестьянство 80—85 лет тому назад изнывало от произвола и самоуправства выжившего из ума рабовладельца, а каких-нибудь 40—50 лет тому назад находилось в крепких тисках продуманной гр. Толстым системы модернизированного крепостничества.

Сбылись пророческие слова Некрасова:

„Знаю: на место цепей крепостных
„Люди придумали много иных.
„Так!... но распутать их легче народу...

Б. Архив Дубовицких.

I. Из мелкопоместных дворянчиков во владельцы 2.000 крестьянских „душ“ [1]).

Такое событие произошло с Петром Николаевичем Дубовицким, родившемся 21 ноября 1753 года в семье бедного армейского офицера, владельца деревеньки в 60 душ муж. пола.

Предок Дубовицких, как показывают архивные рукописи, выехал из Сендрадского (?) воеводства в Россию более 200 лет до того времени. Прадед П. Н. Дубовицкого был, хотя и уважаемым своими соседями, но неграмотным, человеком. Взамен грамоты он обладал соответствующего размера бородой, за которую при Петре I ему пришлось много пережить, но с которой он, все-таки, так и умер (в 1700 году).

Дед был также неграмотен. Во время Полтавского боя, 17 лет, он служил прапорщиком в драгунском полку. Брат его также тогда служил в армии, но был убит. По причине своей неграмотности, дед вынужден был выйти в отставку в том-же невысоком чине прапорщика.

Отец П. Н. Дубовицкого кое-как грамоте выучился. 10 лет он остался сиротой и 17 лет женился на сироте-же, Марфе Еф. Шубиной, которой в то время было всего только 12 (!) лет.

Несмотря на такой ранний брак, родители видимо любили друг друга и жили хорошо. Но вскоре, когда их сыну Петру стало 4 года, а его младшему брату, Сергею, только 6 месяцев, отец умер в Польше (в 1757 году), будучи бригадным ад'ютантом. Случилось при этом так, что „лошади и весь экипаж (принаддежащий покойному,—А. С.) пропали, воспользовался тем бессовестный его генерал, человек богатый и известной фамилии“. Это обстоятельство еще более ухудшило и без того незавидное материальное положение оставшейся матери-вдовы.

„Родительница моя, пишет Петр Дубовицкий, была очень не дура, но ума не пылкого, нрав имела самый тихий, сердце не злобное и была очень набожна, я никогда не заметил, чтобы она солгала и чтобы употребила клятву“.

Несмотря на свои стеснительные дела, она все таки постаралась научить своего сына грамоте. С этой целью был приглашен на дом учителем (или дядькой) вольноотпущенный Кареевым старик, по имени Дмитриевич. Плата за обучение была положена такая: жалование 3 р. 50 к. в год, одежда натурой—овчинный тулуп, домашнего сукна кафтан и кушание в застольной (т.-е. вместе с дворовыми). Старик был сам малограмотен и к тому-же сильно пил, но мальчика выучил в теченне года читать букварь, псалтирь и другие церковные книги. Хуже обстояло дело с письмом, обучение которым никак не удавалось. Вследствие этого Петр Дубовицкий до конца своей жизни так

---

[1]) Материал взят из автобиографической записки П. И. Дубовицкого, архивн связка VII, дело 95. А. С.

и остался малограмотным человеком и письма еле-еле выучился писать каракулями.

Когда мальчику исполнилось 10 лет, мать его неожиданно вышла вторично замуж за капитана инженерных войск Ивана Федоровича Перова. Вотчим оказался нехорошим человеком. Свою жену он притеснял, сильно пьянствовал, а своих дворовых мучил и буквально зверствовал. П. Н. Дубовицкий так характеризует его: он „был очень злой человек и тиран, несколько человек изувеченных от него померло, а одну старуху и дочь ее девку, как были при матушке, будучи большим суевером, подозревая в колдовстве, сделавшись болен от пьянства, считал себя испорченным от них, держал их в оковах более полгода, в продолжении коего несколько раз сек и мучил их неслыханным образом, в последний же раз до того их мучил, что их замертво снесли".

Можно представить жизнь мальчика в такой обстановке! И к его достоинству нужно сказать, что он выдержал такую жизнь только три года. 13 лет он бежит от вотчима и матери из их дома в свое именьице. Но там он попадает в плохую кампанию, состоящую из дворовых и распутных бедных дворянчиков. Два года живет он в этой нездоровой среде, не занимаясь каким-либо полезным делом, и только вмешательство сына его крестного отца—генерал-лейтенанта Лавр. Казьм. Шетнева, бывшего, как видно, человеком порядочным, выводит его из этого омута. По совету и при посредничестве Шетнева Петр Дубовицкий, будучи в то время только 15 лет (в 1768 г.), поступает в Рязань на службу во 2-й гренадерский полк, сначала подпрапорщиком, а затем сержантом. Через год трудной солдатской жизни, почти не умея писать, он удачно выполняет ответственное поручение: фактически принимает в Москве военное снаряжение и обмундирование для своего полка и доставляет его на место назначения. Выполнить это поручение ему стоило очень большого физического и нравственного напряжения, но зато с этого трудного и рискованного момента он становится на ноги тверже и, хотя по слабости здоровья еле выносит поход и осаду Бендер, но все-же в его жизни наступает перелом к лучшему. В Бендерах он производится в офицеры. Далее, 21 года, участвует в подавлении крестьянского движения, руководимого Пугачевым, причем несет непосредственную охрану плененного бунтаря во время доставки последнего в Москву и входит в личное доверие и расположение к командиру своего полка, влиятельному и богатому князю В. М. Долгорукову.

В 1775 году, когда П. Н. Дубовицкому не было полных 22 лет, он женится на девушке из бедной дворянской семьи—Надежде Ивановне Медвецкой, получив в приданое ничтожные по тому времени 16 крест. душ.

Это новое, неожиданно-возникшее обстоятельство, заставило Дубовицкого задуматься над дальнейшей своей жизнью. Он был человек красивый и статный, легко входил в доверие и расположение начальства (за немногими исключениями) и имел новенький и изящно-сшитый мундирчик. Все это для „карьеры" имело тогда немаловажное значение. Но зато он имел беременную жену и хозяйство, не обеспечивающее в какой-бы то ни было степени его возрастающие потребности, а в перспективе, нудную лямку бедного армейского офицера.

И вот, тогда-то, он принимает до некоторой степени героическое решение. Почти без средств, с различными приключениями (но тщательно храня в неприкосновенности свой с иголочки—снятый мундир!),

он добирается до Петербурга (теперешнего Ленинграда) и является к своему бывшему начальнику и „благодетелю“ кн. В. М. Долгорукову. Здесь он об'ясняет ему свое положение и просит помочь поступить в провиантмейстеры (т.-е. в хозяйственно-продовольственные военные чиновники). Сначала Долгоруков несочувственно отнесся к такой просьбе: „ Я думал, что ты, брат, добрый человек, а ты просишься в воры“. Но потом, уступая заступничеству своей жены, он согласился оказать ему свое содействие и, в общем, очень быстро устроил все дело: П. Н. Дубовицкий был принят на службу в провиантское ведомство и произведен в чин провиантмейстера (т.-е. в капитаны). Это произошло в 1776 году.

Отсюда и началась новая карьера Дубовицкого. Остановимся на ней несколько подробнее.

Сейчас-же по своему производству, П. Н. Дубовицкий был командирован в Польшу (Краков) для доставки из Москвы 120 тыс. руб. серебром (тогда это было целое событие!) и дальше, по выполнению поручения, ехать в Полтаву, чтобы там принять Провиантскую комиссию Акександровской крепости от комиссионера, сошедшего с ума от продолжительного пьянства.

Но в Москве разменного серебра в должном количестве не оказалось. Сорок тысяч руб. ему все-таки разменяли в Провиантской конторе, а восемьдесят тысяч руб. разменял Дубовицкий через купцов сам, получая от конторы за промен по 2 коп. с рубля. От этого у него осталось экономии около 300 руб. Но и контора (точнее чиновники ее) себя не обидели, так как в счет казны на обмен они поставили по 3 коп. (значит провиантские чиновники присвоили себе 800 руб. казенных средств).

Серебро тогда было старой и новой чеканки. В Москве оно было равноценно, но в Польше за старый рубль платили при обмене на новый рубль прибавки в половину злотого, т.-е. 7½ коп. Дубовицкий решил произвести в Польше такой обмен в свою пользу. Для этого из разменных денег он старые рубли отбирал и откладывал отдельно Таких рублей старой чеканки он набрал в Москве 10 тыс.

Кроме того, по совету одного купца, Дубовицкий купил на 8 тыс. руб. казенных денег в Гостинном дворе (а не из лавок) разного рода товаров: темной китайки, чаю, нитяных чулок, замшевых перчаток, игральных карт и других мелочей, имея в виду все это перепродать в Польше. Доставка этого товара Дубовицкому ничего не стоила, так как он получал для охраны проводимых денег под свою команду надежный солдатский караул и имел подорожную на получение сменных 18 лошадей (9 пар), что по установившейся практике выливалось в получение 9 троек.

Деньги и товары в результате были благополучно доставлены в Польшу, и там Дубовицкий, сначала реализовал товары и обменял отобранные 10.000 руб. старой чеканки на рубли новой чеканки, а затем сдал в Кракове в назначенное место порученные для доставки 120.000 рублей. Все торгово-разменные операции оказались удачными и прибыльными, исключая карт, которые пришлось продать по своей цене, и у П. Н. Дубовицкого остался в кармане излишек в его пользу в размере более 1.500 рублей.

Начало было удачно и окрыленный надеждами новый провиантмейстер с семьей (т.-е. с женой и родившимся сыном Николушкой) приехал (в 1777 году) в Александровскую Крепость для приема и заведывания тамошней провиантской комиссией.

Но служба на новом месте на первых порах не удовлетворила Дубовицкого своей бездеятельностью. Все его служебные обязанности заключались лишь в охране и учете 7 крепостных провиантских магазинов. Что же касается до самой закупки провианта и фуража (лакомых сторон службы), то таковые производились Полтавской комиссией без какого либо участия самого Дубовицкого. Кроме того квартирные и продовольственные условия крепостной жизни были не важны и зиму приехавшее семейство провело довольно плохо. Но зато наш предприимчивый герой „хорошо познакомился со всемм чиновниками, а паче с таможенными и приезжающими в Крым и из Крыма купцами Знакомство сие доставило мне способы узнать, что называется, где раки зимуют".

„Пришла весна, продолжает П. Н. Дубовицкий в своих автобиографических записках, и я принялся за работу, сколько дал Бог толку и способов, уладясь с таможенными, чтобы они взяли с меня посходнее пошлины за соль". В свои операции он вложил, сверх собсобственных 1.000 рублей, еще и 1.500 руб. заемных. Дело развивалось и принимало большой размах.

Сущность операций Дубовицкого заключалась в следующем. В Крыму, который тогда был еще татарским ханством, имелись разработки соляных озер, производившиеся в то время русскими купцами Хохловыми с компаньонами. Эта соль на Украине представляла большую рыночную ц иность, как предмет всеобщего потребления, находящийся в ведении казенной монополии, с ее высокими соляными акцизами и налогами (хотя и несколько сниженными против предыдущего времени). С другой стороны Крым являлся большим потребляющим рынком „горячего вина", производимого винокуренными заводами Харьковской губернии, так как в Крыму, помимо татарского населения (также потреблявшего вино), имелось, если верить Дубовицкому, более 100 тысяч греков и армян и до 40 тысяч русского войска. Положение в Крыму приобретало особое значение еще и потому, что винный откуп там содержался теми-же купцами Хохловыми.

Таким образом Украина и Крым, благодаря соли и вину, были по отношению друг к другу рынками и производства и потребления, разделенными территориальным пространством и таможенно-правительственными рогатками. И то и другое препятствие решился использовать в своих выгодах предприимчивый делец П. Н. Дубовицкий.

Устроив дело путем взяток и ловкого обхождения с таможенными чиновниками, Дубовицкий принимается за работу.

У Хохловых в Крыму он покупает соль на 6 тыс. руб., под обязательство доставить на эту сумму „горячего вина" по установленной цене. Там-же на месте он нанял на выгодных условиях для провоза соли фургонщиков, которые после доставки в Крым войскового провианта, готовились порожняком возвратиться обратно на Украину Вследствие такого найма доставка соли в Харьков и другие окрестные места обошлась довольно дешево, при чем с фургонщиками Дубовицкий расплатился той-же самой солью испольно, как в то время практиковалось, т.-е. фура за фуру. В Харькове же, на винокуренных заводах, Дубовицкий купил, а большею частью опять выменял на соль, вина в количестве большем, чем он был обязан доставить Хохловым в Крым, которое и провез благополучно в последний.

В результате вся проделанная операция дала Дубовицкому не малый барыш. После такого удачного начала П. Н. Дубовицкому лично самому приходилось ездить в Харьков и в Крым уже редко: раз-два или три в год, и то только в случае каких-либо новых и

выгодных обстоятельств. Остальное „все пошло по переписке и по увеличению сего торга были уже и прикащики нанятые, и свой Тихон, и писарь".

Наладив таким образом свои соляные и винные операции, Дубовицкий умело использовал проходящие через его руки капиталы в деньгах и кредите. „Пользуясь тем и другим, пишет он, я вскоре сделался участником в подрядах и поставках на крепостное строение лесов, железа и прочих строительных материалов по инженерной команде и поселению слобод казенных выходцев, а потом при поселении греков и армян в Екатериносл. губ., выведенных из Крыму до 15 тысяч домов, также при поставке в гошпиталь припасов". В этом деле он принимал на себя комиссии от поставщиков, а впоследствие был с некоторыми из них в паю („в части"), причем его доля, или часть, в отдельных случаях доходила до половины.

Но все это приносило ему большой доход только года два, а затем доходы стали значительно меньше.

Вследствие этого кипучая деятельность Дубовицкого перекинулась в другую сферу коммерческих операций.

„После соли и вина наибольшую пользу приносило мне сено с помощью воеводы, которому я за то ничем не платил, кроме английского пива, ежегодно не более, как рублей на тысячу. Он был такой до него охотник, что сверх того еще прикупал, и большая половина оного шла в его утробу, а я получал ежегодной прибыли тысяч 5, 6, а один год более 10 тысяч".

Происходило это так. Начиная от крепостной дачи и вниз по Днепру верст на 30 был поемный луг. Местность там была сырая и нездоровая, почему и не заселялась переселенцами. Этот луг находился в ведении „пиволюба-воеводы", с разрешения которого им пользовались многие бесплатно. Но так как необходимого для уборки луга числа косцов не находилось, то и охотников на него было мало. В тоже время от Александровской до Петуховской крепости, на расстоянии 150 верст, „делали" границу с Крымом семь небольших крепостей, в которых несли стражу три донских казачьих полка, ежегодно в сентябре месяце сменявшихся. Командиры этих полков всегда держали вино для своих казаков, которое они, с большой для себя выгодой, продавали последним, так как кроме как от них вино доставать в крепостях нигде нельзя было. Но почтенные полковники-шинкари нуждались сами в оптовом снабжении их водкой. Учитывая все эти обстоятельства, Дубовицкий и надумал быть поставщиком вина этих лиц в обмен на право пользования дешевой рабочей силой, находящихся в распоряжении последних.

„Я делал им большой оборот, имел в Александровской несколько своих шинков и для них и для Крыма, у меня был винный магазин" и „я, уладясь с ними, отпускал им (т.-е. командирам полков, А. С.), с некоторой уступкою против прочих, добрую горелку и без подмесу, чем они, будучи довольны, отпущали мне казаков для сенокоса, а я платил им (т.-е. казакам,—А. С.) по 10 руб. за скирду, имел до 500 кос со всем прибором, коими они косили". Таким способом „Они мне накашивали в великом лугу и в нужных местах по степи от 5 до 6 сот скирдов и более".

Эти скирды П. Н. Дубовицкий зимой продавал в камышах (т.-е. в поемном лугу) фургонщикам (многие из которых возили для него же из Крыма соль и из Харькова водку) по 30—50 р. за каждый скирд, а в степях—тем казацким полкам, которые в сентябре приходили на смену уходившим (и отработавшим) казакам.

Кроме того П. Н. Дубовицкий купил у того-же воеводы смежный с городской дачей земельный участок в 12 тыс. десятин по Днепру с небольшими водяными мельницами и хутором. В этой даче накашивалось еще до 200 (и более) скирдов сена, примерно по 500 пуд. в каждом, и имелось до 200 штук крупно-рогатого скота венгерской породы и до 1.000 штук овец, в том числе более 100 „крымских сивых".

Дубовицкий не брезговал и мелочами. В Александровской крепости он имел „дрянной трактиришка", который отдавал маркеру из $^3/_4$ дохода и одновременно имел в крепости на форштате *) и в некоторых других казенных слободах несколько шинков, которые приносили, однако, „неважный доход". Впрочем, впоследствии все эти шинки и кабаки „послужили к равпродаже напитков из погреба, вне трактира, которые я выписывал из Москвы".

Теперь несколько слов о бытовой стороне жизни П. Н. Дубовицкого.

„В крепости, пишет он, я так нужно (то-есть „плохо",—А. С.) и тесно жил только первую зиму, а весною перешел на форштат и занимал флигель, по тамошнему месту порядочный домок в 5 комнат. По коммерческим оборотам много бывало приезжих и посетителей, которых нужно было угостить хлебом солью, а паче попойкой, также сами были молоды, не мотали, а одевались на-прищеголье, и домик меблировали хорошо".

Кроме того Дубовицкий ежегодно ездил в Москву и Петербург, почему одежду, мебель, провизию и т. п. закупал там сам, выписывая и покупая все с излишком. Это обстоятельство, при тогдашних условиях транспортировки и торговли, П. Н. Дубовицкий также умело использовал для своей выгоды, так как в крепости жили много семейств с достатком и с большим желанием жить хорошо, но часто без инициативы и без способностей к этому. „Все эти должностные, денежные и праздные люди наподхват подбирали с накладкою десяти, а часто 20 и болне процентов, до того, что, как я, так и мать никакой вещи более года не имели и все с рук сходило с порядочным барышом".

„Таким образом я, заканчивает Дубовицкий описание своей жизни в крепости, в сии пять лет сделал капитала более ста тысяч рублей, который, натурально по коммерции моей, был большею частью на бумаге, т. е. на векселях. Сверх того (я) обзавелся экипажами, лошадьми, хорошею упряжью, домашними вещами и тысяч на 5 серебра и бриллиантов, да и жили, можно сказать, припеваючи".

Не один Дубовицкий из должностных лиц занимался в то время коммерцией и накоплением богатства. Мы уже видели, что казачьи полковники сплошь занимались шинкарством и имели свои кабаки. Можно полагать, что, среди известного служебного круга лиц, коммерческие операции были обычным побочным (или даже главным) занятием этих лиц. Отзыв Долгорукова о провиантских чиновниках мы уже знаем. Как бы подтверждением этого служат воспоминания Дубовицкого о своем главном начальнике-Генерал-Провиантмейстере кн. Андрее Щербатове.—„Начальник мой, князь Шербатов, узнав меня не по службе, а по коммерческим оборотам, навалил на меня Комиссию: выпрошенную им у Потемкина землю 12 тысяч десятин, верстах во ста от Александровской, принять и устроить; он прислал туда 4 двора русских крестьян, а я, поселя их, выстроил при них на первый случай хат десяток для бродящего тогда по вольности народа и

*) „Форштадт"—предместье, пригород. А. С.

построил маленькую деревянную церковь, которой в окрестностях того места во все стороны на тридцать верст не было. Поэтому скоро поселилось (там) около 70 дворов того бродячего народа". Кроме того построенные шинки, вывозимая соль на счет сего населения, заготовление сена и прочие хозяйские заведения так были удачны, что я, получа от хозяина не более полторы тысячи рублей, мог завести, не более как в 3 года, значительное скотоводство, конный завод и прочие заведения."

В 1783 году Дубовицкий получил перевод в Москву присутствующим в Провиантскую Контору, но, по приезде туда, сейчас-же был назначен в Крым, в котором служил дежур-манором и правителем канцелярии генерала графа Де-Бальменд. В Крыму, в общем, Дубовицкому не повезло. Поэтому в 1785 году, он, в чине надворного советника, выходит в отставку и решается все свои капиталы перевести в землю.

С этой целью, в том-же году, он покупает у захудалых князей Козловских имение при с. Стенькино (22 килом. от Рязани) по 80 руб. за душу и переезжает на жительство в Рязань. В Стенькине было 280 тягол, из которых 60 тягол, самых бедных, имели в общей своей совокупности посева только по 60 дес. в поле и находились на барщине. Остальные 220 тягол платили денежный оброк по 4 р. 50 коп. (990 руб.), который Дубовицкий сейчас-же повысил до 7 р. 50 коп. (1650 руб.). В господском поле оставалось по 30 дес. в поле.

Дальнейшим очередным мероприятием нового хозяина была продажа всех 60 бедных дворов на вывоз (без земли) в Екатеринослав. губ. по цене 80 руб. за душу (125 душ), т. е. за 10 тыс. рублей. Таким образом, благодаря такой операции, у Дубовицкого оказалось даровых 60 дес. в поле (а всего, значит, 180 дес.). Кроме того, по соседству (в д. Сергеевке) он купил за 10 тыс. руб. 50 душ с тройным количеством земли. В результате всех этих сделок у Дубовицкого, вместе с арендой, стало засеваться в каждом поле по 250 десятин лично ему принадлежащего хлеба.

Но тут П. Н. Дубовицкого постигла серьезная неудача. Его деньги, находящиеся в купеческих векселях и других обязательствах, оказалось реализовать не так-то легко. Многие купцы обанкротились (или симулировали свое банкротство) и в результате у Дубовицкого за Полтавскими купцами и некиим Прокофьевым пропало до 40 тыс. рублей.

Но „порох в пороховице" еще оставался. В декабре 1797 года П. Н. Дубовицкий покупает у кн. Куракиных „жалованные" им Павлом пустоши в даче с. Федоровского, Михайл. у. и близ с. Чернавы, Скопинск. у. в общем количестве 540 дес. за 13.505 руб. *)

Затем идут покупки д. Ескиной, Зарайского у. (50 душ), сельца Суходола, Елецк. у. (108 душ) и т. д. и т. п.

Всего Дубовицкий сделал в то время 25 земельных покупок (II вязка, дело № 67), да плюс еще совершил 29 актов на покупку людей без земли (IV вязка, дело № 100).

П. Н. Дубовицкий умер 4 ноября 1825 года 72 лет и после него осталось наследство в 1.955 душ (по 7 ревизии), которые состояли из следующего **)

1. Рязанск. губ. и у., с. Стенькино (262 души), дер. Демкино и дер. Сергеевка (198 душ)=460 душ;

*) Об этой покупке будет сообщено подробно ниже в особой главе. А. С.

**) Постановл. Рязанск. Гражданск. Палаты от 1 мая 1828 г. за № 3364 по прошению Ал. Пет. Дубовицкого. .А .С

2. Рязанск. губ., Зарайск. у., сельцо Ескино;
3. Орловск. губ. Елецк. у., сельцо Суходол., дер. Екатериновка, село Никольское, дер. Березовка;
4. Московск. губ., Богородицк. у. с. Богородское (199 душ), слобода Степановка (334 души), дер. Куровская (190 душ), дер. Заполицы (134 души) и дер. Петрушино (125 душ)=982 души.
5. Тамбовск. губ., Лебедянск. у.,—сельцо Мордовка;
6. Калужск. губ. Лихвинск. у., дер. Поляны.
7. Тульск. губ. Ефремовск. у., дер. Марьино.

Часть из этих имений были заложены Московск. Опекун. Совету: Московские деревни на сумму 79.275 руб. ассигн. и 200 душ села Стенькина на сумму 27.000 руб. ас.

Из этих имений вдове умершего, Надежде Ивановне, была выделена узаконенная седьмая доля в составе: с. Стенькино, дер. Демкино и дер. Сергеевки (460 душ), вместе с долгом Опекун. Совету, в ее пожизненное владение. Остальное наследство было получено сыном Александром Дубовицким. Однако в апреле 1840 года, по взаимному соглашению матери и сына, часть Над. Ив. была закреплена за ней в собственность (а не только в пожизненное владение), после чего она полученные деревни (по 8 ревизии уже в количестве 575 душ) продала своему внуку Петру Александровичу за 230.000 р. ас. Продажа, конечно, носила лишь формальный характер, а по существу имела целью передачу земли внуку без семейного дележа а главное без какого бы то ни было выдела законной доли в наследство второй жене А. П. Дубовицкого. Нужно отметить, что. Н. А. Дубовицкая оказалась достойной деловой парой своему супругу. И при жизни мужа, и, особенно, после его смерти, она проявляла кипучую хозяйственную деятельность, продолжая мелкими прикупками земельных участков и, как можно полагать, ростовщичеством преумножать богатство своей семьи. Так, ею было совершено 11 крепостных актов на покупку земли и 12 актов на покупку людей без земли. Кроме того в архиве сохранился список ломбардных билетов на общую сумму в 71050 руб. ас. и заемных писем от 6 лиц на сумму 8.800 руб. ас. и 408 руб. сер.

Супруги Дубовицкие не были самодурами вроде Бекетова или такими идейными ненавистниками крестьянства, как Д. А. Толстой. Но и они держали крестьян в ежевых рукавицах и „баловства“ у себя не допускали. Так 30 марта 1812 года, Иван Брежнев в своем письме из Рязани к П. Н. Дубовицкому излагал следующим образом жалобу на старосту Дубовицкого поверенного казенных крестьян Михайлов. у. Михеева, поданную последним на „высочайшее имя“: „Коль скоро нечаянным образом зайдет какая либо скотина не только на хлеба, но даже и на пустое поле, вам принадлежащее, ловят оную и отводят в господские угодия, берут за оную скотину деньги и ветчиною, а коль скоро они (т. е. казенные крестьяне,—А. С.) не в силах сего дать, то морят с голоду; лошадей же отправляют к вам (т. е. к Дубовицкому,—А. С.) в село Стенькино, на коих возят кирпич и камень, о чем хоть и приносили они вам жалобу, но удовлетворения никакого не получили“.

Интересной иллюстрацией взаимных отношений Дубовицких со своими крестьянами служит, так называемое, „Высоковское дело“. *)

*) А. Стахович в своих „Клочки воспоминаний“ („Русск. Стар.“, 1896 г., 5-я книжка, стр. 362) приводит следующий характерный случай: „В моем детстве я хорошо помню почтенного старичка Карпа Иванова, во фраке, с брыжками на манишк

II. „Высоковское дело".

Обстоятельства этого „дела" были следующие.—В 1829 году крестьянин Иван Данилов подал в Правительственный Сенат жалобу на Рязанское Губ. Правление такого содержания.

Лет 80 тому назад *) отец просителя, тогда еще холостой, Данила Иванов, поступил в услужение к священнику „Михайловск. округа" села Высокого Ивану Васильеву. От какого помещика он поступил,—просителю это неизвестно. Священник Васильев женил Данилу на купленной им в Рязани, также неизвестно у кого (—совсем, как лошадь!—А. С.) девице Фекле Иевлевой. От этого брака было три дочери и два сына. Двое дочерей отдано замуж в д. Колесино, Михайлов. у., третья дочь, Евдокия, 30 лет тому назад, продана неизвестно куда (!—А. С.), сын один умер, а другой,—податель данной жалобы, женился и у него есть дети: одна дочь и трое сыновей.

Священник Иван Васильев умер и проситель, Иван Данилов, перешел в услужение к зятю его, женатому на умершей теперь дочери Васильева, священнику же Степану Михайлову, у которого и находится по настоящее время, претерпевая разные „изнурения".

Вследствие всего этого, руководствуясь утвержденным мнением Государственного Совета от 12 мая 1824 года, согласно которого условия, заключаемые помещиками на отдачу своих людей в услужение лицам, не имеющим дворянского звания, не должны допускаться,—проситель „просил повелеть произвести исследование и дать от рабства Свободу, а о неученении притеснений и препятствий в хождении за делом по силе указа 1797 года декабря обязать подпискою".

8-й Департамент Правит. Сената, куда попала эта жалоба, запросил 26 августа 1829 года от Губ. Правления об'яснительного рапорта.

Михайловский Земский Суд, по предложению Губ. Правления, произвел следствие, которое дало такие результаты.—Данилову теперь более 50 лет; у него два женатых и один холостой сын и дочь; никакого „изнурения" от священника Михайлова, как лично Иван Данилов, так и его дети не претерпевают; „документов на право свободы никаких не имеет"; священник Васильев умер в 1818 г. и его зять, Михайлов, уговорил Ив. Данилова остаться у него в услужении за предоставляемую ему и его семейству пищу, одежду и обувь; сверх того Михайлов платил его господам—Дубовицким—каждый год по 100 руб. ассиг., на что Данилов, с дозволения своих господ, согласился. **) Вместе с тем билетов, по которым Данилов проживал, Михайлов отыскать не мог. Но с 1822 года Данилов получал паспорт

ках, и в высоких сапогах с кисточками. Покойный зять мой П. А. Дубовицкий, бывший на семнадцать лет старше меня, рассказывал, что ребенком он помнил, как раз у его деда (т. е. у Петра Николаевича,– А. С.) Карп, служа за столом, подавал блюда с рогаткою на шее (ошейник с палками, мешавшими даже повернуть голову, не только сесть или лечь; вероятно, глядя по вине, рогатки надевались на продолжительное время), и никто из гостей не только не возмущался, но даже не находил странным этот шейный убор

После обеда сняли рогатку, и Карп исполнял соло, или участвовал в квартете Бетховена, играя первую скрипку с Московскими музыкальными знаменитостями двадцатых годов... и всех восхищал своей игрой".

Стахович добавляет, что такое варварство имело место в домах помещиков, которые могли восхищаться произведениями Бетховена... Что же было в домах помещиков еще менее культурных?! И невольно он вспоминает тяжкую жизнь крепостных талантов: художника Тропинина, Тараса Шевченко, академика Никитенко, артиста Щепкина и герценовскую актрису из „Сороки-воровки"... А. С.

*) Можно полагать не 80 лет, а примерно 60 тому назад. А. С.

**) Документально это, однако, ничем не подтвердилось А. С.

на себя и детей непосредственно из Рязанск. Уезд. Казначейства (последний паспорт был выдан 26 июня 1828 г.). Принадлежит Данилов, по сообщению Земск. Суда, помещице Над. Ив. Дубовицкой, где и записан в Ревиз. Сказке по селу Стенькину, находящ в 2—3 верстах от с. Высокого.

Поверенный Дубовицкой,—дворовый ее человек Вас. Мак. Батурлин,—показал, что Данилов, вместе с его отцом, был куплен П. Н. Дубовицким у братьев А. И. и Н. И. Казначеевых по купчей 1795 года.

Быть может Дубовицкая и была юридически права в своих притязаниях на Ивана Данилова, но у последнего уже возникло слишком большое осознание своего рабского (или даже скотского) положения. „Свобода" и „воля", казалось, была для него близка и реальна... Вновь подчиняться и надевать на себя под'ярменный хомут стало для него, видимо, невыносимо. Вот почему, когда встревоженная рабовладелка Н. И. Дубовицкая поспешила, за истечением срока паспортов, перевести к себе в село семейство Данилова (его сыновей—Афанасия, Ефима и Петра), старик Иван скрылся, пошел в бега, отыскивать „волю" и, по крайней мере до декабря 1830 года, розыскан не был...

„Слепцу-ли, узрящему свет,
„С царящею тьмой примириться?!...

III. Эпизод из истории мистицизма николаевских времен (Жизнь и злоключения А. П. Дубовицкого).

Иначе сложилась жизнь единственного наследника П. Н. Дубовицкого—его сына Александра Петровича *).

Если перед П. Н. Дубовицким стояла определенная жизненная задача: выбиться „в люди" путем приобретения возможно большего количества материальных благ, то для его сына эти цели уже так стоять не могли. Отец за него „постарался" и он с юных лет был вполне обеспеченным человеком. В тоже время судьба не обделила сына известной настойчивостью, энергией и даже практической сметкой, а обстоятельства личной жизни не раз заставляли его продумывать различные отвлеченные вопросы и наводить его мысли в плоскость мистических переживаний. Так или иначе, но молодой Дубовицкий с ранних лет стал увлекаться тогдашним идейным наследием масонства—религиозным мистицизмом, и на этом пути, неожиданно для себя, перенес целый ряд тяжелых испытаний.

---

*) Старший сын П. Н. Дубовицкого умер еще ребенком. Так же умер и второй его сын. Кроме Александра у него была еще дочь Елизавета. Об А. П. Дубовицком существует довольно обширная, хотя и бесцветная литература. Наиболее полным очерком о нем является статья Н. Дубровина „Наши мистики—сектанты (Ек Фил. Татаринова и Ал. П. Дубовицкий)", помещенная в журнале «Русск. Старина», 1895 г., кн. X, XI и XII и 1896 г., кн. I и II.

Из других источников назовем;

1. Весьма интересные «Письма А. П. Дубовицкого к Никите Ивановичу Буличу»,—«Рус. Архив», 1897 г., кн. 7.

2. Краткая заметка «По поводу писем А. П. Дубовицкого к Н. И. Буличу» Н. С. Бер (внучки Дубовицкой),—«Рус. Архив», 1897 г., кн. 9.

3. В. Жмакин—«Подполковник А. П. Дубовицкий. Его жизнь по разным монастырям и его самооправдание в письме к архимандриту Платону (1824—1842)»,—«Рус. Архив», 1894 г., кн. 6.

4. А. Стахович—«Клочки воспоминаний»,—«Рус. Старина», 1896 г., кн. 5.

Автор пользовался для настоящей главы непосредственно материалом из архива Дубовицких, гл. образом VII вязкой последнего.

Этим об'ясняется некоторое внешнее сходство в изложении автором отдельных моментов жизни А. П. Дубовицкого со статьей Н. Дубровина, который использовывал также архивные документы, хотя и из других источников. А. С.

Александр Дубовицкий родился в то время, когда родители его уже находились в относительной обеспеченности и жили в Александровск. крепости. Но они были люди малограмотные и неразвитые. Поэтому образования и воспитания своему сыну они почти никакого не дали. А. П. Дубовицкий впоследствии не без горечи вспоминает об этом. „Ведь нам хорошо известно, пишет он к Никите Ив. Буличу *), что я хотя и не совсем безграмотный, но при всем том, будучи очень плохой грамотей, написавши все письмо, не умел сам расставить в нем точек и запятых....., а таковое мое невежество происходит не от чего иного, как от худого воспитания моего, потому что, вместо учения, в молодости я с лакеями лазил по избам голубей ловить и делал всякие другие глупости".

В 1798 г. (6 января) Дубовицкий, по обычаям того времени, поступил на военную службу в качестве унтер-офицера и в том же году получил офицерский чин (прапорщика, 14 дек.) Через несколько месяцев (9 марта 1799 г.) он был поручиком, а еще через несколько месяцев—штабс—капитаном (5 июля) и капитаном (21 окт.); через год (1800 г., 24 октября) Дубовицкий был уже майором. Так сказочно-быстро, с помощью отцовских денежек, протекала служба юного наследника отцовского состояния....

Но служебная карьера не увлекала молодого, материально-обеспеченного, офицера и вот, 30 окт. 1802 г., А. П. Дубовицкий, в чине подполковника получает отставку. После этого он, видимо по настоянию своего отца, решается итти по дороге своего родителя: 11 фев. 1804 г. определяется в Комиссариатский штат комиссионером 7 класса. Но здесь ему явно не повезло. А. П. Дубовицкий воровать не умел, или не хотел, и вообще пришелся в Комиссариатстве „не ко двору". Архив не освещает этого момента, но он отмечает простой факт: 3 фев. 1809 г. после болезни (вероятно мнимой), продолжавшейся около 3 месяцев, Дубовицкий был отставлен от службы с тем, чтобы впредь никуда не определяться. Это означало, что он получил отставку не на обычном праве, а „без мундира".

Такое обстоятельство делало по понятиям того времени, неопределенным положение Дубовицкого в обществе, вследствие чего он стремился последнее восстановить. 28 сент. 1810 г. он пишет из деревни, где жил, своему отцу в Петербург: „Я видел из газет постановление или штат о водяной комуникации. Не можно-ли, батюшка, меня туда причислить? Я думаю есть тут место . . . или не забудьте вы говорили про рекрутское депо, я бы послужил год—другой, да и в отставку на век. Как вы прежде умели находить службу мне, вам стоит только постараться, а мои претензии на счет службы не большие . . . год бы в ней побыл как нибудь и мог бы быть отставлен с мундиром".

Но, ни ловкость, ни деньги его родителя, ни даже военная обстановка 1812 года, на этот раз не помогли. И только 10 ноября 1817 года Александр I разрешил, по особому прошению, считать его уволенным от службы по свому желанию на обычном праве,—т. е. с мундиром подполковника.

В 1808 году А. П. Дубовицкий женился на Марии Ивановне Озеровой, дочери помещика средней руки, сестре сенатора Петра Ив. Озерова. От этого брака у них были дети (по старшинству): Петр (родился в 1815 году), Надежда и Софья.

*) 1846 г. февраль, послано 16 марта. Н. И. Булич—один из чиновников «III Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии», т. е. тайной полиции. Булич считался близким к Дубовицкому человеком. – А. С.

Но в 1821 году М. И. Дубовицкая умирает и эта смерть производит на А. П. большое впечатление. Вместе с этим перед ним раскрывается длинный и тернистый путь всякого рода испытаний и переживаний. Остановимся на этом моменте подробнее.

Еще в ранней молодости А. П. Дубовицкий имел влечение к чтению книг „священного“ писания и к т. н. „благочестивой“ жизни. Все свободное от службы и хозяйственных забот время он отдавал чтению этих книг или предавался беседам и размышлениям на отвлеченно-религиозные темы.

Смерть жены усиливает религиозно-мистическое настроение Дубовицкого, и пробуждает у него стремление к миссионерству, проповедничеству и „благочестию“, а его неудачи на служебном поприще дают ему слишком много свободного времени для всякого рода размышлений и измышлений в этом направлении. К тому-же и общество, в котором он вращался в то время в Петербурге, имело соответствующее направление. Он был знаком и пользовался благорасположением кн. Ал. Ник. Голицина (министра Духовн. Дел и личного друга Александра I), Родиона Алексан. Кошелева (известного мистика, члена Гос. Сов.), Луки Мих Гагина и др., а также впоследствии познакомился, хотя и не сблизился, с Ек. Фил. Татариновой и со всем кругом ее последователей. Кроме того Дубовицкий состоял членом и деятельным сотрудником модного в то время „Российского Библейского Общества“ *). Но эта близость Дубовицкого к А. Н Голицину стала известна его недоброжелателю и сопернику, злопамятному и лицемерному „без лести преданному“ гр. А. А. Аракчееву который все это впоследствии Дубовицкому припомнил.

Там-же Дубовицкий познакомился и на некоторое время сблизился с известным Московским митрополитом Филаретом, с которым вел многие беседы и споры на различные духовные темы. Но Филарет не был мистиком. Его рационализаторский, можно сказать „светский“, ум был непонятен и неприемлем Дубовицкому, который уже в то время стал думать о себе, как о миссионере и человеке, особо-избранном богом, и настроение которого определенно скатывалось к тому духовному обскурантизму, который в своем политическом применении так резко выявился несколько позднее в деятельности своеобразнх знаменитостей того времени—Магницкого и Рунича.

Как-то Дубовицким была послана Голицину следующая неосторожная записка с характеристикой Филарета: „Хотя я и мало с ним (—т. е. с Филаретом,—А. С.) знаком, но Господу угодно было раскрыть мне его. Он есть недоносок Божий; его назначение велико он не умел и не хотел ему содействовать. О! Как ему трудно возвратиться паки в милосердную утробу Божию! Для сего надо ему крепко поглупеть, а он так умен и так много имеет в себе света, но так мало света животного (?—А. С.). Ему надо сделаться просту, как ребенку, а он так хитр и лисо-лукав, что перепутает до смерти истинного младенца Инсусова. Ему надо сделаться простым не искусственною предворною простотою, но истинною простотою чад света. Тогда проницательное его око оборотиться в собственное сердце, а простое и любовию растворенное откроется к ближнему. Куда он

*) „Рос Биб. О-во“ первоначально организовалось в 1812 году и имело своей целью распространение книг т. н. свящ писания „безо всяких на оное примечаний и пояснений“. На 1 янв. 1823 г О-вом было издано и распространено всякого рода книг 704. 831 экз. В 1826 г. О-во прекратило, вследствие происков духовенства и перемены отношения правительства, свою деятельность. Президентом О-ва был А. Н. Голицин (род. 1773 г., ум. 1844 г.). А С.

бедняжка залез, не на то его Господь порочил. О! как он беден со всеми своими знаниями. Где ему смириться из всех сил перед людьми и перед Богом. Нет, где ему смириться, он столько знает о смирении, что лукавая его натура всего увернется оным от истинного смирения. Господь сам токмо смирить его может. Ученость и знание его потребовали-бы от меня на все доказательств. а я ничего не могбы сказать ему в ответ кроме следующего: сердцеведец мой видит, как он дорог моему сердцу, как люблю я его потому, что он сам во мне его любит; если не поверить сказанному мною во времени, то поверит оному в вечности,—вот ему и доказательство" *).

Эту записку, кроме кн. Голицина, Дубовицкий, по своей доверчивости, дал списать одному знакомому, который распространил ее среди других, о чем стало известно и самому Филарету. Так как это письмо, помимо мистического соуса, заключало в себе довольно меткие указания на уязвимые места личности митрополита: „лисолукав", прост „искусственною придворною простотой" и т. п., то неудивительно, что А. П. Дубовицкий тем самым приобрел нерасположение и даже злобу умного, но до крайности самолюбивого, церковного просвещенца Но эту свою злобу он, как и подабает лицемерам духовного звания, до поры-времени затаил, с лихвой отплатив своему критику впоследствии.

Дубовицкий часто проезжал через Конно-Заводскую вол. Скопинского у. (теперь входит в состав Горловского района, Тульского округа), находящуюся на границе между имениями его родителей и его собственными (с. Стенькино, Рязан. у. и с. Суходол, Елецкого у.). Там, в дороге и на ночлегах в с. Горлове и Липягах, он встречался с некоторыми религиозно-настроенными крестьянами. С ними он вел длинные разговоры и беседы о духовных и бытовых вопросах, возбуждая в них интерес к чтению книг т. н. священного писания. Дубовицкий тогда-же бесплатно раздавал многим своим собеседникам книги духовного содержания, издаваемые Библейским Обществом, гл. обр. евангелие, библию и др.) **).

Это продолжалось около трех лет (1821—1823 г. г.). Но в это время определенно выявилось падение влияния кн. Голицина и возвышение его противника Аракчеева. К тому-же деятельность Рос. Библейск. Общества, по существу более чем невинная, стала внушать правительству (и особенно высшему духовенству) тревогу массовостью и общественным (хотя и привеллегированно-аристократическим) хахактером своей работы. И действительно: печатное слово (пусть божественное!) печаталось и пускалось в широкие народные слои сотнями тысяч экземпляров; а ведь стоит лишь создать у народа привычку к чтению книг вообще, как от чтения священного писания легко перейти к чтению и т. н. „светских" книг, т. е. обще-гражданских.

*) В приведенном письме введены некоторые исправления синтаксического порядка. А. С.

**) Н. Дубровин („Русск. Стар", 1895 г. декабрь) говорит (стр 62—64), что проповедническая деятельность А. П. Д. развернулась в этом районе весьма широко, захватив собой селения: Горлово, Лепеги (вероятно Липяги,—А. С), Руденку, Затворное, Дмитриево и др. Собиравшиеся крестьяне при этом, не ограничиваясь чтением и беседами, исполняли религиозные песнопения и даже устроили (в с. Горлове) общий молитвенный дом. А. П. Дубовицкий посетил Горлово однажды и вместе с Л. М. Гагиным.

Особым рвением и своим настроением выделялись кр-не с. Горлово: Ермил Иванов, Анна Ивановна Стужина и Татьяна Евстафиевна Астахова. Последние два даже ездили на 5 недель в имение Дубовицкого. А. С.

Такие ненавистники печатного слова, как Аракчеев и такие трусы, как Александр I, это отлично понимали.

Были и еще обстоятельства местного порядка.—Смотритель Конно-Заводской волости, некто Женжелей *), притеснявший и угнетавший крестьян не всегда законными способами, стал опасаться, что крестьяне его волости станут искать в Дубовицком своего покровителя и защитника. Видимо были у этого смотрителя и другие „грешки", заставлявшие его с тревогой посматривать на богатого проезжего барина, доступно и просто беседующего с его крестьянами. Поэтому Женжелей (или Джежелей), вместе со своим помощником и священником с. Горлова (Ив. Стахиевым,—по Дубровину,—А. С.) решили избавиться от непрошенного гостя. Священник был порядочным „затевалой", торгашем и содержателем постоялого двора,—словом, по всякому роду интригам и кляузам человеком бывалым и незаменимым, или, как говорят теперь, „спецом". Эта божественная троица для большей прочности и безопасности, вошла в соглашение с известным рязанским богачем и влиятельным „вельможей„—генералом А. Д. Измайловым, **) (один из многочисленных т. н. „побочных" сыновей его был старостой в селении волости), по советам которого и приступили к действию.

Прямо нападать на Дубовицкого заговорщики однако не решились, тем более, что рязанский архиепископ Сергий был лично знаком и хорошо расположен к А. П. Тогда они проделали следующий трюк.

Священник Стахиев подал смотрителю (а не своему духовному начальству, как следовало-бы) донос следующего содержания ***):

„К подполковнику Дубовицкому на проездах его собирается много народа, он говорит со всеми ими духовные материи, читает какие-то книги, поют духовные песни, а прощаясь с ними, не взирая ни на какой пол и возраст, целуется, как с друзьями, уверяя, что будто все люди в мире семь равны (вот, она, где крамола то! А. С.). Я, поп, видя, что мирской человек вмешивается в дела духовные, боясь за прихожан своих, чтоб не произошло им из этого какого нибудь худа, доношу вам, Смотрителю, чтоб вы благоволили помочь мне, приехавши снабдить вашими духовными советами моих прихожан".

Смотритель сейчас-же дал поручение своему помощнику ****) произвести следствие. Последний конечно не замедлил подтвердить правильность доноса своего сообщника. Тогда смотритель отправил этот донос в Петербург непосредственно на имя государя, а местному начальству, жившему в Рязани, Ген. Губ. А. Д. Балашову и архиепископу Сергию,—лишь сведение об этом донесении.

Благодаря такому ловкому маневру местные власти оказались лишь свидетелями событий.

Донос, как водится, попал в руки гр. Аракчееву, который сейчас-же решил использовать его для очернения в глазах Александра I своего соперника кн. Голицина.

Дубовицкий, как только узнал о доносе, поспешил в Петербург для личного оправдания, но вскоре, по распоряжению Аракчеева, был

*) По Н. Дубровину—Гр. Ант. Джежелей. А. С.

**) Характеристику Измайлова см. в книге С. Словутинского «Генерал Измайлов и его дворня» Д. И. Р., 1876 г. а также в работе Д. Д. Солодовникова «Рязанские помещики XVIII века", Труды О-ва Исслед. Рязанск. Края, вып. XX, Рязань, 1929 г. А. С.

***) Цитируется по докладной записке Дубовицкого. А. С.

****) Чиновнику 10 класса Соболеву. А. С.

там арестован. Уже из тюрьмы А. П. Дубовицкий подал ходатайство о производстве нового следствия, которое и было поручено Уезд. Предводителю Дворянства Вердеревскому. Последний, своим следствием, выяснил необоснованность доноса. После этого, в феврале 1824 года, Комитет Министров, рассмотрев дело Дубовицкого, не нашел в нем ничего явно-вредного, но, так как действия обвиняемого не имели надлежащей ясности, направил весь следственный материал в Тайный Комитет. Но Александр I, на поданном через Ген.—Губ Балашова письме А. Н. Дубовицкого, наложил резолюцию о том, что в Тайный Комитет дело направлять не следует.

Однако Аракчеев своего все-таки добился. Обвинительный материал был отправлен на заключение к митрополиту Серафиму, который под соответствующим давлением и определил (с утверждения государя) отправить А. П. Дубовицкого за распространение лжеучений (каких?) в Кирилло-Белоозерский монастырь на покаяние и на испытание на срок, который духовное начальство признает за благо.

В этом монастыре Дубовицкий находился до августа 1826 года, то-есть свыше двух лет. Каждые три месяца монастырское начальство подавало особые сведения (рапорта) об образе жизни и мыслях заключенного. Но отзывы архимандрита Гедеона и приставленного для наблюдения над Дубовицким иеромонаха Авраама были для монастырского узника совершенно благоприятны.

Впоследствии сам митрополит Серафим так говорил в Синоде: „Я осудил прежде Дубовицкого по одним бумагам, до меня дошедшим, но ныне, узнав его лично, совершенно удостоверился в том, что он есть истинный христианин". К этому митрополит Киевский Филарет (не Московский, а другой), тогда бывший Рязанским архиепископом, добавил: „Я хорошо знаю Дубовицкого и никогда ничего противного христианской вере в нем не находил". Такие-же отзывы были сделаны и приходскими священниками (с. Стенькино и с. Высокого)

Все это, вместе взятое, как будто-бы свидетельствует, что А. П. Дубовицкий, по крайней мере в то время, в каких либо „ересях" и „лжеучениях", т. е. в организованных сектах, замешан не был и монастырское заключение перенес напрасно. Но за годы вынужденного заключения он много передумал и перерешил. Как раз, вероятно, в эти именно годы между им и оффициальной церковью образовалась трещина и его сознание стало еще более восприимчиво ко всякого рода мистическим настроениям и идеям. Но об этом дальше.

Дети Дубовицкого находились все время при нем, испытывая гнетущую близость отца фанатика, который решил, что они (дети) „обручены" „верною и благоугодною невестою жениху своему возлюбленному Господу нашему Иисусу Христу, которому до рождения (?) все трое обручены они и непристанно обручаются ему" *).

Настроение А. П. Дубовицкого в монастыре довольно ярко передано в его письме своим престарелым родителям в ответ на укоры из за его отказа подписать отречение от своего вероучения и тем получить возможность увидеться с ними.

„... если вы можете, Батюшка, без ругательств, которые ни к чему не идут, показать мне мою ошибку и дать мне хоть некоторые убеждения, согласные с разумом, совестью, словом Божиим и учением

---

*) Эти перлы религиозного мудроствования, вряд-ли могущие быть переведенные на язык нашего понимания, писались в 1833 г. приближенным Дубовицкого архимандритом Платоном в его письме к Митрополиту Московскому Филарету.

А. С.

Святым, то я не только рад дать подписку, но и на площади кричать всенародно: виноват, согрешил!".

Возражая на слова своего отца, что пример отцов древней церкви был уместен только в годы гонений на церковь, а не в момент ее торжества, А. П. Дубовицкий указывает на случаи гонений и преследований в значительно-позднейшее время. Он пишет: „Гонителям настоящее гонение никогда не кажется гонением, но обыкновенно гнусность оного прикрывают, хотя и ложными, но правдоподобными резонами, говоря: если-б мы были во дни отцов наших, то не былибы, как они, гонителями и убийцами праведников..... Что-же касается до того, что вы пишете ко мне, Матушка, что за победу меня, как будто за победы 1812 года многие награждены, то что мне вам на это сказать? Покойный Рязанский Архиепископ Сергий назвал попа--доносчика Иудою—предателем, о чем Сергий лично сказывал Михайлу Михайловичу Татаринову *), который человек не лживый.. .... Христа Спасителя Иуда предал за 30 сребренников, эта цена по нонешнему курсу довольно думаю значительная, а поп с компанией продал Его во мне (если правда, что ему дали камилавку, как вы говорить изволите) за пол-аршина бархата, думаю не дороже 10 рублей. Плохой рассчет бывает иногда и здесь за такие дела и это было-бы большое его счастье, что эту данную ему камилавку под лавку и ряску в тряску, а попа в кулаки".

Не удивляется Ал. П., что дали „крестик" и смотрителю Женжелею, так как теперь „производятся награды по интригам злых людей. Ара.... **) с товарищи, захвативших в свои лапы сильную себе власть из своекорыстных и честолюбивых выгод, угнетающих стенающий под правлением их народ во всех его состояниях без наималейшего даже суда и справедливости!.. эти злодеи угнетают наивернейших и невинных его (т. е. государя,—А. С.) подданных, поддерживая коварнейших и развратных людей, как наплучших своих помощников, грабящих народ и искуссно умеющих концы хоронить".

Далее Дубовицкий пишет, что Аракчеев с компанией хотел его делом навести подозрение на противную им партию „особенно князю Алек.... Нико.... Голи...., который хорошо ко мне расположен" ***).

А. П. говорит, что он не хотел бы быть человеком, увешанным крестами и быть в больших чинах, но „на которого-бы всякий мог, указывая пальцами, сказать: вот живое свидетельство истины, знаменитым нашим стихотворцем сказанной: в чинах без дел, в крестах без веры, без чести честь тому дана.... О! Нет, нет, не хочу, не хочу! ни за что не хочу не токмо в кожу Бала.... и прочих агентов Ара.... войти, но и в кожу самого Ара....".

В августе 1826 г. Дубовицкий был выпущен из монастыря на свободу, но за ним был учрежден гласный и негласный надзор. Перед его освобождением духовное начальство потребовало с него дачу следующей подписки.—

„Я, отставной Подполковник Александр Дубовицкий, сосланный в Кирилло-Бело Эзерский монастырь на покаяние за распространение

*) Брат мужа Е. Ф. Татариновой. А. С.

**) Как в данном месте, так и ниже пропуски в именах сделаны в самом письме Дубовицкого. А. С.

***) К А. П. Дубовицкому отчасти относится пословица: «Паны дерутся, а у холопов чубы летят». — Кн. Голицин до конца своей жи ни оставался не только на свободе, но и в кругу лиц, близких к царю, а Дубовицкий, можно сказать из-за него, отсидел 2 года в монасырской тюрьме. При этом достойно отметить, что как в 24—26 г. г., так и в 33—42 г. г. Голицин сделал чрезвычайно мало для смягчения участи своего приближенного и почти единомышленника А. С.

мною лжеучения, почувствовав ныне вину мою и чистосердечно каясь перед Богом, клятвенно обещаюсь, и сею подпискою моею обязуюсь: 1-е) что я прежнего моего лжеучения отнюдь ни кому и никогда ни письменно, ни словесно проповедовать не стану, ни к какой секте принадлежать и сам заводить оные не буду;—2-е) что я ни в какие дела, до религии, относящиеся, до меня яко мирянина не принадлежащие, вмешиваться впредь не буду;—3-е), если же я сие клятвенное обещание мое, собственноручною подпискою моею утвержденное, нарушу, то подвергаю себя в сей жизни строжайшему гражданскому суду, а в будущей—суду Божию".

Это заявление было Дубовицким подписано с некоторой оговоркой. Но духовное начальство требовало второй подписки—без каких-либо примечаний и оговорок. На это однако Ал. Пет. ответил отказом в самой категорической форме, утверждая, что никаких лжеучений он за собой не признает и что, давая без оговорок требуемую подписку „из сбережения себя самого, погибающего моего семейства и временных выгод", он не был-бы „верен моему Отцу Государю, Матери моей Церкви и самой сей подписке".

После своего освобождения Дубовицкий жил в тогдашнем Петербурге, а с 1829 г. в Москве, где на Шабловке им был куплен в собственность дом. Монастырское заключение видимо еще более углубило, закрепило и логически продолжило те тенденции, которые у него до того только что намечались. Самовнушение, что он является особым избранником бога, не давало ему возможности успокоиться и заняться более близко т. н. „мирскими" делами. [1]) Вполне естественно, что его миссионерская энергия в первую очередь стала выливаться на узкий круг его приближенных, его несчастное семейство и дворню. Вместе с этим стали появляться упорные слухи, что Дубовицкий заводит у себя в доме школу для детей и устраивает всякого рода собрания. Вследствие этого у него, 14 янв. 1880 г., по приказанию тогдашнего Московского Ген.-Губ. кн. Дм. Вл. Голицина, был произведен осмотр дома. Последний производился Москов. Обер-полицеймейстером Дм. Ив. Шульгиным и Действ. Стат. Советн. Фед. Мих. Тургеневым.

Осмотр не обнаружил ничего подозрительного, но все-же Дубовицкому пришлось давать Шульгину некоторые об'яснения. Они сводились главным образом к рассеянию подозрения, что обнаруженные у него 6 мальчиков и 7 девочек составляют его домашнюю школу.

В своих об'яснениях А. Н. Дубовицкий пишет, что для человека, обладающего состоянием в 2.000 душ, такой состав его личной прислуги совсем не велик. Кроме того он обращает внимание на ха-

---

[1]) Н. Ф. Дубровичв январ. книжке 1896 г. «Русск Стар." сообщает, что в Петерб. (Ленингр.) доме Дубовицкого домашними последнего были: его дети, живописец Александр Пав. Будон, учитель музыки Ив. Карл. Черлецкий, гувернантка Екат. Жерсон (англичанка), чиновник 5 кл. Петр. Ив. Русаковский, прибывшие из с. Горлова и Липягов: девица Анна Иванова, крестьянин Ермил Иванов и из той-же волости: кучер Фед. Хлапурин и камердинер, пожилая крестьянка, девица Авдотья Гаврилова

Учение Дубовицкого в то время (1827 г.) усиленно распространялось среди низшего класса населения столицы и между солдатами. В одном только Преображенском полку их насчитывалось до 100 чел.—Они были хорошего поведения и нравственности, переставали пить вино и много уделяли времени молитвам. Но зато они теряли служебное рвение и у них пропадал служебно-солдатский карьеризм или по просту выслуживание. Это не нравилось начальству (см. стр. 8—9).

А. С.

рактер использования мальчиков в его доме. Два мальчика находятся при портном (вольнонаемном), а четверо, самых маленьких,—при конторе, где они обучаются чтению, письму, арифметике и церковному нотному пению. Что касается девочек, то все они обучаются женскому рукоделию, грамоте и пению. Из числа этих девочек две вольных: одна сирота, в золотушных ранах, а другая—дочь старого солдата без средств.

Цель содержания этих мальчиков и девочек, по заявлению Дубовицкого,—подготовить в надлежащей нравственности и благочестии для того, чтобы „сделать годными и безопасными (?—А. С.) для детей моих служителями".

Вместе с тем Дубовицкий поясняет следующий, не лишенный интереса, эпизод из своей воспитательной практики.—Он заметил, что все его воспитанники занимаются онанизмом. Попытки его бороться с этим тайным пороком были бесплодны и дети делались „наизлейшими и наискуснейшими лицемерами". Тогда он применил следующее средство, оказавшееся совершенно радикальным.—Мальчикам постарше были сшиты холстиновые панталоны, которые одевались вместе с корсетом так, что они никак не могли спускаться вниз. Сзади же эти панталоны застегивались вместе с корсетом в одну петелку, которую и запирали на замочек. Приставленный специально для этого человек имел ключ от замочков, которые он в требуемый момент отпирал и вновь запирал. Девочки-же и самые маленькие мальчики сверх этих панталон одевали на ночь еще фуфайки с длинными рукавами, которые завязывались на груди. Все эти меры быстро подействовали и состояние физического здоровья детей заметно улучшилось.

Далее Дубовицкий в свое оправдание заявил, что в его Московском доме для обучения детей закону божию был приглашен приходский священник, что было-бы для него недопустимо, если-бы он был сектантом. [1]) Что-же касается постной пищи, которую он вместе с семьей имеет обыкновение употреблять, так это, по его об'яснению, зависит от монастырской привычки. При этом, добавляет Дубовицкий, слуг своих к постной пище он не приневоливает, а в гостях и сам свободно ест скоромное.

Результатов обыска не было и А. П. Дубовицкий еще несколько лет провел в относительном покое.

Дубовицкий был вероятно вполне уверен в своем полном благополучии, так как в том же 1830 г. женился вторичным браком на Нат. Петр. Лихониной, дочери мелкопоместной помещицы с. Глебова Рязан. у. Но брак оказался совершенно неудачным, хотя Дубовицкий видимо и хорошо знал свою невесту, т. к. прежде, лет 20 тому назад, за нее уже сватался. „Молодые" друг с другом не сошлись. Лихонина не могла вынести монашеского быта семьи и мистического сумасбродия своего супруга и они вскоре же (через несколько месяцев) после брака стали жить раздельно.

Видимо последняя цепочка, связывавшая А. П. Дубовицкого с светской жизнью, порвалась и он окончательно погрузился в мутные воды своего религиозного мудрования.

[1]) Это не совсем правильно, так как многие секты, в т. ч. хлыстовская, в принадлежности к которой обвинялся Дубовицкий, ради конспиративных целей, допускают внешнее исполнение всех наружных обрядов оффициальной церкви. Да и кроме того, подавляющее большинство сект отходит от православной церкви не разным толкованием ветхого и нового заветов, а т. н. последующими догматами или различиями в управлении церкви и ее обрядами.—

А. С.

„Молва, пишет Дубовицкий, или по его поручению близкий ему человек, в оправдательной докладной записке, разносила и разносит, что Дубовицкий еретик, развратник, соблазнитель и многое тому подобное". Но главное, общее мнение определенно связывало его с сектой хлыстов, руководимой небезизвестной в то время Ек. Фил. Татариновой [1])

Сам Дубовицкий везде категорически отрицает свою принадлежность к каким бы то ни было сектам или обществам. Был-ли он вполне искренен и правдив в этом своем утверждении? Не решаясь сказать ни за, ни против этого, не станем строить догадок, а пойдем лучше дальше в своем обзоре того, что дает нам архив Дубовицких.

Во всяком случае духовное начальство забило тревогу. В религиозных исканиях Дубовицкого замечался некоторый демократизм и он был близок к народным слоям населения (крестьянам, солдатам, мещанам). Старый знакомец Дубовицкого, Московский митрополит Филарет, кроме того не забыл автора своей не совсем приятной характеристики. Он потребовал от Инспектора Моск. Дух. Академии архимандрита Платона, приятеля Дубовицкого, прекращения его сношений с последним, выражавшихся в частности в отдаче первым (т. е. Платоном) своих детей на воспитание Дубовицкому.

Платон в длинном письме к Филарету (от 18 янв. 1833 г.) так об'ясняет свою близость к Дубовицкому.

С А. П. Дубовицким он впервые познакомился в 1826 году в Ярославле [2]). Это знакомство произвело на Платона и его жену сильное впечатление, в результате которого они стали изменять свой светский образ жизни, в частности начали реже ходить в гости и у себя принимать гостей, чаще стали мо иться и т. д.

Первое посещение их Дубовицким, Палтон описывает так: „взошедши в наши комнаты, он помолился и поздоровался с нами и с детьми нашими, потом, окинув все глазами, сказал: вот ты хорошо живешь, а того и жди, что похороны." [3]).

И вот, в том-же 1826 году, умирает пятимесячный сын Платона—„первый мертвец в моем семействе и первый в моей жизни, на котором я видел опыт умирания". Чеi ез месяц (12 янв. 1827 г.)—умирает тесть Платона (иеромонах Варнава); в 1828 г. умирает брат—штаблекарь; 12 марта 1829 г. умирает другой сын, а через месяц—жена Платона.—Все это производит на последнего сильнейшее впечатление и он принимает монашество.

Однако, только в 1832 году, проездом из Знаменского монастыря в Москву, Платон вновь встретился с Дубовицким.

А. Н. Дубовицкий сообщил Платону, „что Правительство имеет за ним особенный надзор: тогда страх человеческий, как мороз, пробежал по моим членам" Но это чувство боязни скоро оставило Платона и у него даже скрепла мысль отдать Дубовицкому на воспитание своих детей (сына и двух дочерей), которые до того вi емени находились в Хатьковском монастыре. Это желание Платона совпало с предложением самого Дубовицкого.—При их вторичном свидании

---

[1]) Урожд. Буксгевден. Род. 29 ав. 1783 г., умерла в 1856 г. 13 июля.— А. С.

[2]) В это время Платон был в Ярославле священником кафедрального собора и не носил еще монашеского сана.— А. С.

[3]) Подчеркнуто самим автором письма.— А. С.

„Он (т. е. Дубовицкий,—А. С.), пишет Платон, не скрыл от меня того, что он не может взять детей моих только на время, но что я должен, хотя без формы монашеской, но в существе на всех правах оного посвятить их Господу, отрекшись в отношении к ним от всех мирских видов, а потому отдать ему детей без возврата".

С большими колебаниями отдал Платон своих детей Дубовицкому и еще долгое время после этого мучился чувством колебания и страха за их благополучие.

Но вот он получает известия о детях. [1]) „Наприм. в праздник Пятидесятницы дочери мои со слезами противились надеть шелковые фартучки, сшитые по моде с бантами на плечах еще до вступления их в дом г. Дубовицкого, об'явив, что оные более им не нравятся и что им стыдно быть в таком наряде, когда прочие одеты просто; и когда им позволено было снять банты с фартучков, тогда они очень обрадовались сему. При сем случае испросили также позволение снять филборы (?) и все излишние украшения с платьев, между тем, как живши в Хатькове, они слишком вовлечены были в суетность щегольства. В одно время одна из дочерей моих, дурно рисовавшая [2]), мало слушалась своей руководительницы. [3]) Руководительница велела ей стать на колени, и когда дочь моя по упрямству не хотела сего сделать, то учительница обратилась к меньшей дочери г. Дубовицкого (и) сказала: так как Аннушка не хочет слушаться, то ты, Сонюша, стань за нее на колени. Дочь г. Дубовицкого тотчас встала на колени и молилась втайне (?—А. С.) минут 10 за дочь мою, чтобы Господь тронул ее и дал ей силу исправиться. Сие подействовало: вдруг дочь моя, заплакала и зарыдав, бросилась на колени и с умилением просила прощение. Домашние их, услышав о сем, тронуты были до слез. В другой раз упрямство сей-же дочери моей было причиною того, что сама руководительница стала за нее на колени [4]), вознося усердные молитвы Господу об ее исправлении, и тем подвигла (?—А. С.) к смягчению ее сердце".

„Просил я г. Дубовицкого, продолжает Платон, чтобы дети мои писали ко мне о своем состоянии сами по себе, без всякого постороннего руководства". Но дети, не зная что писать и с чего начать, просили свою благоверную руководительницу (быть может не без инициативы последней) дать им „некоторое направление". Узнав о сем г. Дубовицкий письма сии велел уничтожить и, в силу моего требования, велел им писать самим, что чувствуют. Дети после сего ударились в слезы, не зная, что и как писать. Руководительница сказала

---

[1]) Платон называет эти известия „добрыми". Мы бы их назвали у ж а с н ы м и Чувство глубокого возмущения и большого сожаления охватывает читателя, когда мертвые строки воскрешают картины былого вытравливания из молодых существ всего непосредственного и живого и замены их тупой ограниченностью, рабским послушанием и покорностью судьбе,—или, в лучшем случае,—сознательным лицемерием и привычкою к обману.—А. С.

[2]) В подлиннике последнее слово написано неразборчиво.— А. С.

[3]) Вероятно рижанка А. Ф. Миллер, а может быть и гувернантка детей Екатерина Жерсон (англичанка).

В этом письме, как и в некоторых других, вносятся минимально-необходимые исправления синтаксического порядка, без которых правильное понимание текста сильно затрудняется (расстановкой запятых и точек).— А. С.

[4]) Можно искренне пожалеть, что этот метод воздействия почтенная руководительница применяла столь редко.— А. С.

им: дети, слезы не помогут, лучше помолимся Богу. После сего все трое вместе помолились и дети по молитве без затруднения написали ко мне, что чувствуют, без всякого стороннего направления".

„В одно время меньшая дочь моя *) за упрямство лишена была чаю, а вместо оного подан ей был хлеб с водою и оставлена была одна в комнате. Возроптав на сие, она сказала в себе: „жестоко с нами здесь поступают, в Хатькове с нами так не поступали", (как) в самое то мгновение голос ли совести раскрывшись, или Ангел ее охраняющий, или кто либо из родственных, пришедших в тот мир, духов, столь сильно на нее подействовал, что она ясно услышала позади себя удар по плечу и голос: „ох! ох! ох! погибшие вы там были души и опять туда же стремитесь".

Кроме того, сообщает Платон, покойная его жена являлась к Дубовицкому, и, конечно, к руководительнице, которой „не говоря ни слова, поклонилась ей до земли".

При свидании с детьми Платон нашел в них большую перемену.

Несчастные дети были „приучены ходить в страхе и присутствии Божием. Все должны начинать и оканчивать молитвою.... со смирением и любовью просили прощения друг у друга и взаимных молитв.... Любят читать житие Святых и книги доховно-нравственного содержания.... Особенно с жадностью слушаю, когда говоришь с ними о любви к нам Искупителя и о прочих предметах духовных. Пространный Катехизис, составленный В. В., **) выучили весь наизусть..... До рукоделий, требующих большого внимания, еще не допускаются, дабы тогда, (когда еще) не обосновалось в душе их живое слово, не погрузиться всею душою в предмете чувственном. От щегольства отстали, в зеркало не смотрятся, а прежде любили и то, и другое".

Такое состояние детей, которое без сомнения заставило-бы содрогнуться всякого здравомыслящего постороннего зрителя, отец их, тем не менее, нашел прекрасным... ***) И Платон, полагая в своей наивности фанатика, что он достаточно своим письмом оправдал пребывание своих детей на воспитании у Дубовицкого, просит Филарета отменить распоряжение о прекращении сношений его с Дубовицким и, особенно, о взятии обратно от последнего его детей.

Само собою разумеется, что такая защита Дубовицкого не могла его спасти от умного и мстительного противника. 8 марта 1833 г.

---

*) Все та-же Аннушка.—А. С.

**) Т. е. „Вашим Высокопреосвещенством" (Филаретом). А. С.

***) Забегая несколько вперед отметим, что дочери Платона (Екатерина и Анна) на допросах у кн. И. Ф. Голицина так характеризовали свою жизнь в доме Дубовицкого: они были под постоянным надзором Анны Миллер, родственников своих перестали видеть, на исповеди у священника не были; их изнуряли постною пищею и побоями, наказывая ежедневно розгами и плетью с концами из смоляных шишек; Дубовицкий за их воспитанием не следил и видел их редко.

По об'яснению Миллер она била девочек за то, что они недостойны, так как были „не в Христовом духе и не в соединении с духом Дубовицкого".

Так-же, если не хуже, обращались и с другими (крепостными девочками) в доме Дубовицкого, которые находились под надзором прапорщицы Абакумовой. Она била их плетью и бросала в них стульями и скамейками. Девочку 10 лет,—Екатерину Терентьеву (точнее—7 лет,—А. С.) били розгами до крови, причем наказывать заставили ее старшую сестру. (См. обо всем этом Н. Дубровина, январ. книжку 1896 г., стр. 36 и 37).

Отметим, что, возможно, эта характеристика дома Дубовицкого была преувеличена, так как И. Ф. Голицин дознание вел инквизиторскими методами и мог у своих жертв добыть любые показания. Но общий колорит домашнего быта Дубовицкого, по всей вероятности, был обрисован вполне правильно. А. С.

митрополит Филарет, в своем предписании Моск. Духов. Академии, в категорической форме сообщает:

„Оффициальные секретные сношения открыли: 1-е. Что Подполковник Дубовицкий принадлежит к секте Татариновой.

Примечание: Татаринова есть имя женщины, которая управляет обществом, употребляющим обряды скопческой секты. *) Главное упражнение важнейших членов сего общества есть так называемое у них радение, род танца, при пении самосоставленных старшими членами общества нравственно-религиозных песней, которые оканчиваются быстрым на одном месте кружением и падением в безпамятстве с конвульсиями и пеной изо рта, после чего кружившийся произносит к присутствующим некоторые слова, кои они обязаны принимать за вдохновенные".

Вследствие этого Филарет повторил свое предложение Платону.

Но Платон не сдался и на этот раз. „Правда, пишет он Филарету, был он (т. е. Дубовицкий,—А. С.) некогда знаком с Г-жею Татариновой, и по простоте своей христианской говаривал об радении, удивляясь, как могут люди, не знавши вещи, представлять и в таких гнусных и каррикатурных видах; но он весьма далек от того, чтобы когда нибудь мог на радении основываться или считать его необходимым средством к спасению. Говорил он о радении, но сам никогда им не занимался, не занимается и в дому у него радения нет".

Их спор разрешился довольно быстро. В том-же марте месяце Платон получил от Филарета окончательное предписание о полном прекращении сношений с Дубовицким, а от Комиссии Духовных Училищ—приказ о назначении его в Нижний Новгород ректором тамошней семинарии. Платон переехал в Нижний, но детей все таки оставил у Дубовицкого. Тогда, через две недели (май месяц) он был вызван для об'яснений в Петербург. В это-же время его дети были взяты из дома Дубовицкого. В июле 1833 г. Платон был послан на испытание в Валаамский монастырь. Монастырское заключение охладило взбунтовавшегося архимандрита и он в дальнейшем (1836 г.) отрекся от своей близости к А. П. Дубовицкому. Умер он в 1866 г. настоятелем Желтиковского монастыря (в 4 верстах от Твери).

Но вернемся к описанию событий, развертывавшихся непосредственно вокруг последнего.

В том-же 1833 году, в ночь на 10 мая, дом Дубовицкого (в Москве) был окружен солдатами и казаками, некоторые из которых перелезли через забор, захватили внезапно сторожей, отперли ворота и таким образом дали возможность остальным войти внутрь дома, когда там все были об'яты сном.

Во главе обыска был чиновник особых поручений Москов. Воен. Ген.-Губер., полковник, князь Ив. Фед. Голицин **) в сопровождении

*) Здесь Филарет ошибается или даже просто описывается. Татаринова являлась руководительницей не скопческого общества, а хлыстовского. Дальнейшее описание Филаретом особенностей этого общества показывает, что и он имел в виду именно хлыстов, а не скопцов. Впрочем, обе секты имеют между собой много общего, тем более, что в России скопчество, как секта, выродилось из секты хлыстов (во второй половине восемнадцатого столетия). А. С.

**) Этот Голицин стал вскоре известен своим инквизиторским следствием по делу о поджигателях московских пожаров 1834 г. Методы его следствия заставляли содрогаться даже видавших виды полицейских, но зато имели своим результатом личную благодарность и расположение Николая Палкина (См. напр. Герцена „Былое и думы").

А. С.

квартального надзирателя Серпуховской части Лакруа и т. н. „добросовестного“, в лице Титуляр. Советника Синяева.

Кн. Голицин разбудил в передней спавшего человека и велел ему вести себя прямо в комнату Дубовицкого, которому и об'явил, что, по повелению Военного Ген. Губернатора, ему приказано сделать строжайший обыск, не исключая даже самих комнат дочерей обыскиваемого.

А. П. Дубовицкий, как отец, усиленно просил Голицина не появляться в такое необычное время в комнатах дочерей, из которых старшая (Надежда) была больна, но почтенный князь-цербер был непреклонен.

Однако обыск, несмотря на всю его тщательность, никаких ощутимых результатов не дал.

После этого Голицин приступил к допросам обитателей дома, которые и продолжались от 2 час. ночи до 2 часов пополудни. *) На все это время сам Дубовицкий был изолирован в особой комнате, где находился под караулом.

Окончив обыск и допросы, Голицин снял все караулы и удалился из дому.

Но дело этим не кончилось. Начиная с 18 мая и по 3 июня, через полицейскую часть, стали постепенно забирать людей Дубовицкого, как его крепостных, так и вольнонаемных. Некоторые из них (а именно двое) были затем скоро освобождены, но 15 человек содержались в тюремном заключении в секретных комнатах до четырех месяцев. В числе их была даже семилетняя девочка (Екатерина Терентьева).

Вот список этих арестованных людей.

1. Быв. гувернер сына, поручик Александр Ив. Будон;
2. Учитель музыки, тит. советн. Иван. Карлов. Черлицкий;
3. Управляющий деревнями Дубовицкого, поручик Яков Григ. Баскаков;
4. Присматривавшая за девочками прапорщица Нат. Григ. Абакумова;
5. Учитель младшей дочери, студент Моск. Унив. Леон. Ив. Вейс;
6. „Мамзель“ при детях, рижская жительница Анна Федор. Миллер;
7. Дядька при сыне, мещании Петр Антон. Бильбов;
8. Буфетчик, отставной унт.-офицер Степ. Никитин;
9. Горничная, дочь цехового мастера, сирота Пелагея Иванова;
10. Кучер, экономич. крестьянин Федор Никитин;
11. Портной, вольноотпущенный Ив. Якимов;
12. Горничная, вольноотпущенная Матрена Григорьева;
13. Писарь, из крепостных Степ. Артемьев;
14. Писарь, из крепостных Григ. Матвеев;
15. Шорник „ „ Арефий Антонов;
16. Горничная „ Арина Тихонова;
17. Обучающаяся рукоделию, семилетняя девочка из крепостных Екатер. Терентьева.

Допросы арестованных князь Голицин вел пристрастно и с заранее определенной целью вынудить желательные для него показания.

*) И это было неудивительно, так как на день обыска в доме А. П. Дубовицкого находились: сам Дубовицкий, его сын, только-что окончивший медицинск. факультет Московск. Университета, Петр А. Дубовицкий, дочь Надежда, дочь Софья, четыре классных чиновника, шесть прочих лиц дворянского сословия, четыре отставных унтер-офицера и трое детей их, трое лиц прочих сословий, двенадцать экономических крестьян, семь вольноотпущенных и двадцать два крепостных,—итого 65 человек. А. С.

Так например, у крепостной девицы Арины Тихоновой Голицин, сперва ласками и обещаниями, а потом угрозами и устрашениями, старался вынудить показания о том, что Дубовицкий читает им и толкует книги священного писания. Но Арина Тихонова отказалась дать требуемые от нее сведения и сиятельный истязатель две недели изнурял ее таким заключением (вероятно карцерным), от которого она впала в тяжелую болезнь. После этого Голицин вызвал ее опять к себе и стал, восхваляя добродетели Дубовицкого, и его благочестие, ловить ее в словах, спрашивая: неужели ее барин, как человек благочестивый, никогда не говорил ей доброго слова?

Употребляя такие методы „раскрытия истины", Голицин добился того, что дядька сына Дубовицкого, мещанин Петр Бильбов (один из давнишних последователей Дубовицкого), показал, что Дубовицкий собирает людей, живших у него в доме, читает и толкует им евангилие. Три других заключенных из служилых людей (Иванова, Ст. Никитин и Фед. Никитин), будучи сбиты Голицыным, подтвердили слова Бильбова. Об этом они признались после своего освобождения Дубовицкому, говоря, что Голицин представил им показания Бильбова, как невинные и даже как делающие честь христианину....

Дубовицкий, видя куда клонится дело по его обвинению, подал записку Жанд. Окружн. Московск. Генералу Ст. Ив. Лисовскому с просьбой взять его под свою защиту и лично подробно об'яснялся с ним. Но было уже поздно. 9 Окр. 1833 года Николай I, по докладу шефа жандармов, гр. Бенкендорфа, принял такое решение:

„Так как Дубовицкий раз уже наказан, и по мнимому его исправлению Всемилостивейше прощен, но после возобновил свои прежние поступки, то подлежит вящему наказанию, и потому сослать его в Соловецкий монастырь, имение его взять в опеку, содержащихся из его дома в тюремном замке освободить *)

Октября 9 дня 1833 года".

Однако, вследствие просьбы своего шурина, члена Госуд. Совета и Сенатора Петра Иванов. Озерова, поддержанной Моск. Военн. Ген. Губ. кн. Дмитр. Влад. Голицыным, Дубовицкий был задержан по дороге в Соловец. монастырь (в Ярославле) и послан в Санаксагорскую Пустынь (Тамбовск. губ.), а потом, в феврале 1834 г., т. е. через несколько месяцев, в Саровскую Пустынь (Тамбовск. губ.), где и пробыл слишним пять лет (до декабря 1839 г.).

Видимо формальных улик против Дубовицкого все таки не было и тогда он чувствовал себя несправедливо наказанным. Иначе вряд ли можно было написать с его стороды следующее писмо графу Бенкендорфу из Саровский Пустыни (по черновику):

*) В другой записи архива, являющейся копией отношения Бенкендорфа к Моск Воен. Ген. Губ от 9 окт. 1833 г. после слов: „содержащихся из его дома в тюремном замке освободить" имеются слова:, „найденного же в его доме бродягу Ивана Павлова предать строжайшему суду". Иван Павлов—это беспаспортный из духовного звания, бывший доверенный Филарета, подосланный им еще до первого ареста Дубовицкого в дом последнего со шпионскими (будто-бы) целями, но впоследствии перешедший всецело на сторону А. П. Дубовицкого и ставший врагом Филарета. Противоречие этой вставленной фразы с предыдущим текстом заключается еще и в том, что в списке людей, обнаруженных у Дубовицкого во время обыска 10 мая, имени Ивана Павлова не было. В то-же время у Дубровина и Жмакина есть места, определенно указывающие на существование этого Павлова. Жмаков называет его бывш. послушником Чудова монастыря. А. С.

„Сиятельнейший Граф,

Милостивый Государь!

Правдивость и человеколюбивые доблести В. (вашего) С. (Сиятельства) *) воодушевляют и я, несчастный, обращаюсь к В. С., как к другу человечества **) с полною доверенностью ***), с моими горестями, слезами и воздыханиями.....

„.....О! если бы я действительно находил себя противного мнения нашему Православному Исповеданию или преданиям Святых отцов, и если-бы я принадлежал какой либо секте, как-то: массонству, хлыстовщине, скопчеству или другим подобным лжемудрованиям, то не столько бы терзало меня настоящее положение, я бы должен был нести сие наказание, как должную меру правосудия, которую я заслуживаю".

И далее Дубовицкий пространно об'ясняет, что следствие по его делу велось пристрастно, под давлением лично-настроенного против него митрополита Филарета и главного выполнителя его намерений Ив. Фед. Голицина.

Заканчивает свое письмо Дубовицкий следующими словами:

„Сиятельнейший Граф! Я не прошу Вас оказать мне милость без правосудия, но дать мне средство оправдать себя законным образом перед моим Всемилостивейшем Государем, правительством, — перед Вами и перед моими собратьями дворянами;.... ..... а ежели не оправдаюсь или окажуся противником Веры и Закона, то тогда да утроится мне наказание.....,..".

Но....„Москва слезам не верит". Кроме того просьба Дубовицкого—оказать ему правосудие—была бессмысленна и наивна сама по себе. И если-бы Дубовицкий был хотя несколько политически умнее, то он и не подумал-бы обращаться с таким ходатайством к „другу человечества", ибо правосудие и режим Николая Палкина — были вещи, взаимно исключающие друг друга....

Однако Дубовицкому удалось с помощью своих связей добиться 8 декабря 1899 года перевода в Седмиезерную Богородицкую Пустынь (монастырь), находившуюся в 17 верстах от Казани, где в то время был профессором тамошнего Университета его сын Петр,—и где вместе с последним жили остальные его дети (двое дочерей). Далее, в феврале 1840 г. Дубовицкому разрешается перевод в ближайший к Казани Кизический монастырь****).

Сообщая об этом Обер-Прокурор Синода граф Н. А. Протасов, предлагает (28 февр.) монастырскому начальству не дозволять Дубовицкому иметь сношений с Тайным Совет. Поповым, содержавшимся в то время в соседнем Зилантьевом монастыре*****). Кроме того, от

*) Какая ирония над действительностью! А. С.

**) Ирония, перешедшая в насмешку! Но, и автор письма, и, тем более, его адресат этого видимо не замечают... А. С.

***) Конечно, это со стороны Дубовицкого не искренно. А. С.

****) Последнее произошло не без содействия служившего в то время в III. Отделении гр. Петра Иван. Апраксина, относившегося к Дубовицкому с некоторой благосклонностью А. С.

*****) Вас. Мих. Попов, тайный советник и быв. директор Департамента народного просвещения, был одним из вернейших последоват. Е. Ф. Татариновой. Впрочем, и он, правда не так скоро, от нее отрекся. Умер Попов в 1842 году. А. С.

настоятеля монастыря требовалось, чтобы он,, и впредь о образе мыслей его, Дубовицкого, доносил по третям года Его Высокопреосвященству неотступно."

Но в общем заключение Дубовицкого становилось все более и более относительным. Так, с 1 мая по 1 сент. 1840 года ему было разрешено находиться на лечении на Кавказе в Минер. Водах. Правда, Дубовицкий поехал на Кавказ не один: его сопровождал благородный спутник в голубом мундире в лице штабс-капитана Корпуса Жандармов И. Фойгт. Последнему было поручено „надлежащее наблюдение в отношении к связям, которые он себе изберет во время нахождения на водах и к обнаруживаемому им образу мыслей, ибо проступки, за которые он заключен в монастырь, состоят в приверженности к мистике и в отступлении от религиозных правил Православн. церкви *).

Отлучка Дубовицкого продолжалась с 11 мая и по 14 ноября. Фойгт, к его чести, дал о своем поднадзорном спутнике самый лучший отзыв (если верить копии его сообщения, находящейся в архиве Дубовицкого): „Ни в какие связи ни с кем не входил, но за всем тем отнюдь не чуждался общества, даже принимал иногда участие в удовольствиях, посетив не раз собрания в гостинице г. Пятигорска". В мыслях Дубовицкого Фойгт также не нашел ничего предосудительного. Они, по его мнению, клонились у Дубовицкого „к одному— к свободе для соединения с семейством". А. П. Дубовицкий, заканчивает Фойгт, „истинный христианин без ханжества и пустосвятости; он искренне предан религии, не обнаруживал ни мистических понятий, ни каких либо отступлений от догматов православной церкви.... одним словом-осмеливаюсь утверждать—г. Дубовицкий во всех отношениях верный сын Церкви, Царя и Отечества".

Возможно, что такая аттестация неожиданного адвоката, носящего тем более защитный голубой цвет мундира, оказала свое действие. 21 июля 1841 года А. П. был переведен в Перикомский монастырь, находящийся в 25 верстах от Новгорода, а 12 июля 1842 года, Дубовицкий, по представлению военного министра ген.-ад. гр. Клейнмихеля, был освобожден из монастырского заключения совсем, но с наложением опеки на его имения. Опекунами были: сын Петр и (старшим опекуном) шурин по первой жене—сенатор Петр Ив. Озеров.**) Эта опека весьма тяготила А. П. Дубовицкого (а также, повидимому, и его сына), и 11 января 1844 г., Николай разрешил снять опеку с имений, сохранив, однако, запрещения на продажу и залог имений.

Жил Дубовицкий после освобождения первое время большею частью в Петербурге у своего сына (Литейная часть, Захаровск. ул. д. Осиповой, № 9).

Не сладка была его жизнь там. Настойчивые притязания А. П. Дубовицкого на „обручение" его детей, как „верною и благоугодною невестою" с „женихом своим—Иисусом Христом, которому они до рождения все трое обручены",—потерпели полную неудачу.

Долгое время дети А. П. выносили без ропота всю удручающую тяготу своего домашнего быта. Долгое время они, видимо, находились

*) Предписание III Отд. Соб. Е. И. В. Канцелярии; 1 экспед. от 9 марта 1840 г. за № 1228.

А. С.

**) Впервые опека над имениями А. П. Дубовицкого и его несовершеннолетней дочерью Софьей была назначена 14 ноября 1833 года. Опекунами были: П. И. Озеров, М. Ф. Протасьев (муж сестры А. П.) и П. А. Дубовицкий. Но последнему тогда было только 19 лет и он в то время в опекунстве утвержден не был.

А. С.

под действительным влиянием нравственного авторитета отца, возвышающегося, тем более, долголетним тюремно-монастырским заключением и личной стойкостью убеждений последнего. Однако, здоровая натура брала свое. Постепенно создавалась материальная независимость от отца. Сын А. П.—Петр Александрович—окончил в Москве медицинский факультет и скоро стал профессором медицинских наук (хирургии), а в 1843 году женился (на Марии Александровне Стахович); старшая дочь—Надежда—недурно рисовала, *) младшая—Софья—вышла замуж за генерала Мерхелевич. Таким образом все трое не захотели итти по уготованной им их отцом (еще до их рождения) дороге, и они, выражаясь соответствующим стилем,—„сделались чадами духа мира сего".

Вообще внушенная себе А. П. Дубовицким мысль о его особом избрании и особом его назначении кончилась крахом даже в глазах его самого. Одинокий и покинутый всеми за свою сухую непримиримость и доктринерство, Дубовицкий доживал свои годы в желчном раздражении на всех и на все **).

Его настроение ярко передано в письме к Никите Ивановичу Булич (послано 16 марта 1846 года).

„Я живу хотя и не в одном с детьми доме, однако-же почти все тоже на одном дворе, возле их во флигеле, не могши с ними жить, как жили прежде нераздельно вместе, как желал-бы и теперь я, умоляю их неотступно Христа ради, нестерпимее им всякого самого докучливого нищего, как о том, что-б уничтожить раздел их со мною... противу воли моей сделанный, так и о том, чтоб либо ввести меня, изгнанного из дома их, в дом свой, сломавши стену разделения не только сердечную, но даже и наружную каменную (которую они, при об'явлении ими убийственного для меня их раздела со мною, воздвигли три года тому назад, заклавши кирпичем двери в доме, соединявшие их со мною) или, что еще пристойнее, им возвратиться с должною детской о Господе покорностью и любовью, в качестве Евангельского заблудшего сына, в мой дом и быть с наинежнейшею во Христе Иисусе любовью принятыми и в мое о Господе родительское благословение и в распростертые всегда об'ятия, ожидающие их".

И дальше А. П. жалуется, что, написанное им еще до нового года, данное письмо не было отправлено по назначению, так как он, здесь (в Петербурге), не мог найти близкого человека, который исправил-бы ему точки и запятые. „Ведь вам хорошо известно, что я, хотя и не совсем безграмотный, но при всем том будучи очень плохой грамотей, написавши все письмо, не умел сам расставить в нем точек и запятых, и надобно было просить кого нибудь об этом и о том, чтоб несколько для облегчения вашего понятия погладить шероховатость слога..."

„Все меня оставили и все более и более оставляют",—продолжает Дубовицкий. „На меня все глядят, да и самые бывшие дети мои, а теперь сделавшись чадами духа мира сего (и не могут глядеть иначе), как

*) В картинной галлерее Рязанского Средне-Окского Областного музея имеются выставленными следующие картины ее кисти: „В усадьбе". „Вид на город за рекой", „Автопортрет" и др. Умерла в 1893 г. А. С.

**) Характерно, что к этому времени наиболее близкими к нему людьми ока, зались (см. письмо его к Буличу в „Р. А." 1897 г., кн. 7)... три жандарма: Фойгт Апраксин и Булич... Невольно напрашивается мысль, не было-ли такое „окружение" искусственным со стороны III Отделения в целях сыска? Но если этого и не было, положение все таки оставалось незавидным... А. С.

на помешанного, если не совсем, то несколько и на некоторых пунктах, а именно: на любви моей и образе служения моего Господу, как на безумца, фанатика, а, если по совести захотят признаться, то не редко, как на дьявола".

Вследствие всего этого А. П. далее пишет, что своего сына: „не только не называю его другом, а величаю Милостивым Государем и даже чадом отца их (бывших детей моих) дьявола".

В своем другом письме к Буличу („Р. А." 97 г. кн. 7, стр. 470) А. П. высказывает следующие своеобразные мысли на воспитание, проникнутые все тем-же мистицизмом, за который он так жестоко поплатился: „Если вы, отложа плотскую, чувственную любовь вашу к детям, оставите их проходить великое училище нужды, то больше им сделаете пользы, нежели доставлением всех временных пособий. Вы слишком к ним пристрастны и слишком нечистою, грешною любовию любите их. Они уже в совершеннолетнем возрасте: оставьте каждому из них итти своим путем и превосходным училищем нужды:—вам пора приняться хорошенько самого себя воспитать для вечности, главнейшим же образом заботиться о том, как-бы отрешить свое сердце от привязанности ко всему земному..." Увы, это „земное", энергично ломилось во все двери и заполняло собой все уголки быта и тех социальных отношений, которые устанавливал с окружающими сам Дубовицкий...

Последние годы своей жизни А. П. Дубовицкий большею частью провел в своем имении Суходол (Орловск. губ., Елецкого у.). Оттуда он выезжал раз на Кавказ на минеральные воды с лечебными целями и ездил в Петербург (Ленинград). Общего с детьми у него однако ничего не было. „Разлука десятилетняя охладила детей моих ко мне, а либеральные мысли чужеземные еще более их со мной расстроили", так об'ясняет он свое взаимное расхождение с ними. Умер Дубовицкий в Суходоле 6 сентября 1846 года.

А. П. Дубовицкий не был активным преумножателем „мирских благ" (как например его отец или мать), но в то же время хозяином был довольно бережливым В отношении крестьян он проявлял все же некоторые заботы. Так, в Суходоле были построены просторные каменные избы, заметно отличающиеся от окружающих селений. Там-же для крестьян были построены и содержались: больница с аптекой и приют-школа.

После него в его деревнях осталось по 8 (?) ревизии 2104 мужских крестьянских душ.

Вот список этих владений:

1.	Сельцо Богородское, Богородского уезда, Моск. губ.	— 299	душ
2.	Слобода Степановка „ „ „ „	— 468	„
3.	Деревня Куровская „ „ „ „	— 281	„
4.	„ Петрушино „ „ „ „	— 209	„
5.	„ Заполица „ „ „ „	— 197	„
6.	Сельцо Корытцево, Можайск. у. „ „	— 25	„
7.	Сельцо Суходол., дер. Екатериновка, с. Никольское, с. Дуброво, Елецкого у., Орловской губ.	— 314	„
8.	Дер. Мордовка, Лебедянск. у., Тамбовской губ.	— 116	„
9.	„ Марьино, Ефремовск. у., Тульской губ. .	— 116	„
10.	Сельцо Ескино, Зарайского у., Рязанской губ. .	— 179	„
		2104	„

Кроме того от первой жены А. П. Дубовицкого осталось:

1. Дер. Поляны, Лихвин. у. Калужск. губ. . . . . — 75 душ
2. Дер. Корытцево, Можайск. у. Москов. губ. . . — 58 душ.

133 души

Все имения остались за Петром Алек. Дубовицким, который своим сестрам и своей мачехе (Наталье Петровне, урожд. Лихониной) уплатил за причитающиеся им доли в наследстве деньгами. Кроме того, в 1850 году П. А. Дубовицкий из отцовского наследства выделил своей сестре Софье, частью в компенсацию за материнское наслество, а главное,—как бездетный, по семейным соображениям, слободу Степановку с 470 нал. душами мужск. пола и дер. Петрушино с 217 нал. душами.

П. А. Дубовицкий был человеком не только просвещенным, но и ученым. Родился он в 1815 году, четырнадцати лет был уже студентом Московского Университета, который окончил по медицинскому факультету в 1833 году. Независимые средства позволили ему неоднократно выезжать на продолжительное время заграницу и работать в тамошних университетах у лучших профессоров. В 1837 году Дубовицкий получает ученую степень доктора медицины и хирургии и приглашается в Казанский Университет на кафедру общей и частной хирургии, сначала в качестве экстраординарного профессора, а на следующий год—ординарного профессора. В 1841 году он переводится в Медико-Хирургич. Академию (Петербург), а в 1857 году назначается на пост Президента М.-Х. Академии. Одновременно с этим П. А. Дубовицкий не оставляет и своего хозяйства, которое расширяется количественно и растет качественно. Кроме того он занимал видную роль в тогдашнем русском коннозаводчестве, будучи виднейшим его руководителем и вдохновителем. Умер он в 1868 году бездетным (двое детей его умерли еще раньше).

П. А. Дубовицкий по своим взглядам не был чужд некоторой прогрессивности и был человеком, во всяком случае, не глупым. Его отношения к крестьянам были скорее благожелательными (так, в своем основном имении—Стенькино—он устроил для крестьян небольшую больницу и богадельню). У него не было того примитивного крепостнического мировоззрения, которое так ярко характеризует другого, и тоже просвещенного, человека—Д. А. Толстого, с которым он был некоторое время современником. Можно сказать смело, что во всех сопоставлениях с последним П. А. Дубовицкий определенно занимает выгодную позицию. И, однако, ученый профессор в тех случаях, когда жизненные обстоятельства вплотную противопоставляли его интересы крестьянским, становился самым заурядным помещиком, готовым отстаивать свое материальное благополучие всеми легальными, по тому времени, средствами, имеющимися в его распоряжении. Отличие его в таких случаях от Д. А. Толстого было только в том, что у него не было личной неприязни к крестьянам и он не применял в своей хозяйственной практике того мелкого мошенничества и хлебного ростовщичества, на которые был так падок сиятельный граф.

Остановимся в дальнейшем на двух, наиболее характерных, эпизодах из хозяйственной практики П. А. Дубовицкого, вскрывающих интересные страницы истории помещичье-крестьянских социальных отношений нашего, такого недавнего, прошлого.

VI. Спор о Куракинской земле*)

Экономические (государственные) крестьяне Городецкой вол. (впоследствии Новорожественской вол., Михайловского у.), сел.: Федоровского (Покровского—тож), Байдакова и Троицкого, которые принадлежали когда-то архиерейскому дому, владели своей землей по писцовым книгам всегда бесспорно. Во время генерального межевания 1771 года эти селения, без каких либо споров, были выделены („замежованы") в одну окружную межу с количеством земли в 6537 дес., в том числе удобной 6198 дес., что составляло на бывшие тогда 773 муж. души обычную норму в 8 десятин.

Правда, после этого межевания, Казенная Палата потребовала было с крестьян, вместо повинностей, оброк в казну за тот незначительный участок земли, за который некогда был платим оброк архиерейскому дому. Но, по жалобе крестьян, платежи этого оброка в 1790 году были отменены, что и было подтверждено указом Правит. Сената от 25 июля 1798 года. Таким образом, у крестьян никаких пустопорожних (или, как они тогда назывались „порозжих") земель, которые-бы находились в их непостоянном или оброчном пользовании, по теперешнему—в аренде, не было.

Однако, в 1797 году, уездным землемером Андроновым было вымежевано из крестьянского землепользования (т. е. из крестьянской земельной „дачи") в 12 отдельных участках 1673 дес. лучшей удобной земли. Вырезанная земля поступила во владение князей Куракиных, в счет 20 тыс. десятин „пожалованных" им Павлом I по его указу от 20(29?—А. С.) апреля 1797 года.

Оффициальная сторона этого „пожалования" была такова.

Указом Сенату от 5 апреля 1797 года Действ. Тайн. Советн. и Ген. Прокурору кн. Куракину 2-му назначалось „пожалование" „вечным и потомственным владением" вотчины Велье (купленной после смерти Ланского), находящейся в Псковской губ. и, кроме того, из казенной „порозжей" земли Тамбов. губ. 20.000 дес.

Последующим указом от 29 апреля того-же года определялся реестр (список) земель в счет указанных выше 20.000 дес., пожалованных Вице-Канцлеру кн. Александру Борисовичу Куракину**) и Ген.-Прокурору кн. Алексею Борисовичу Куракину***). В состав этих земель по реестру входили: Тамбовского округа, Борисоглебского у.—5261 дес.; Рязан. губ. Михайлов. уезда—слободы Стрелецкая, Зарецкая и Шкапская—2.510 дес. 1590 саж. полевой отхожей земли пахотных солдат; Сапожковск. у.—первая часть в'езжего Борецкого и Кострихинского леса—6.316 дес.; Орловск. губ., Мценск. уезд—297 дес.

*) По материалам архива, вязка IV, дело 81 и 82. А. С.

**) Сын Бориса—Леонтия Александровича, род. в 1752 г., ум. в 1818 г., имел личную дружбу с Павлом I, когда тот был еще наследником; получил воспитание под руководством своего дяди, гр. Н. И. Панина, учился за границей. Считался передовым человеком и перед смертью отдал даже распоряжение о предоставлении крестьянам одной из своих вотчин (с. Надеждино) свободы, что однако реализовано не было. А. С.

***) Брат предыдущего, род. в 1759 г., ум. в 1829 году. Тоже был, как будто, человеком просвещенным, известен при Александре I своей культурно-административной деятельностью на Украине, где был Ген.-Губ. т. н. „Малороссии", впоследствии (1808—1810 г.г.)—Министр Внутренних Дел. А. С.

1400 саж. плюс 118 дес. 100 саж.; Воронежск. губ., Бобров. у.—казенный Битюцкий лес—5496 дес. 1719 саж.—а всего 20 тыс. дес. *).

Куракины при дворе были своими людьми. Поэтому первоначальное „пожалование" отдаленными пустопорожними „тамбовскими" землями не могло их в достаточной степени удовлетворить

И вот новые указы заменяют эти отдаленные земли более близкими (рязанскими), а потому и более лакомыми. Словом, князья Куракины хозяйничают в казенном ведомстве, как в своей вотчине, беря себе только то, что им нравится.

Так, указ 15 июня 1797 г., взамен земель Воронежск., Орловск. и Рязанск. губ., назначенных Куракиным указом 29 апреля и оказавшимися землями „скудными", а частью необходимыми (т. е. фактически занятыми) для селений государственных крестьян, повелевает такое же количество земли избрать и отдать Куракиным из пустопорожних земель Рязанск. губ. При этом указ отмечает, что, если таковые избранные казенные земли окажутся находящимися у крестьян на оброке (по теперешнему—в бессрочной аренде), то эти земли следует из оброчных статей исключить (т. е. отказать крестьянам в аренде)

После того, как Куракины, согласно указу от 15 июня, брали для себя в Рязанск. губ. интересующие их участки земли, 8 й Департ. Сената утвердил (17 марта 1798 г.) представленную князьями роспись земель, в размере 12. 228 дес 810 саж, взамен возвращенных в таком же количестве земель, расписанных в указе от 29 апреля. Кроме того, Сенат постановил взамен 2. 510 дес. 1590 саж. земель слобод Стрелецкой, Зарецкой и Шкапской (Михайлов. у.), как принадлежащих пахотным солдатам, отвести Куракиным земли из числа других казенных рязанских порожних, где таковые окажутся. Эти земли Куракиными были также выбраны (в 28 участках) и утверждены по ведомости Рязанск. гражд. губернатора Меж. Деп. Сената 16 июля 1798 года.

Во всех этих указах и реестрах земли с. с. Федоровского, Байдакова и Троицкого неупоминаются в о в с е. Очевидно Куракины получили свой 20 ти тысячный „надел" полностью в других местах. И, однако, вышеупомянутый землемер Андронов летом 1797 года заявляется в эти селения и здесь начинается удивительная, по своей беззаконности, история. Кратко она сводится к следующему.

Как уже сказано, не имея решительно никакого законного права, уездный землемер Андронов, по командировке губернатора, начал производить работы по сня ию в натуре и утверждению формально меж земельных участков для передачи их Куракиным. Вместе с ним был и дворянский заседатель Михайловского Нижнего Земельного Суда Мо олов. Видимо у последнего сохранилась некоторая порядочность и независимость и он на работы по отводу земли наезжал редко и на короткое время, и вообще не проявлял никакой активности. Вследствие этого Андронов (получив, как надо полагать, хорошую

*) Как известно, Павел I „пожалование" своих любимцев землями и крестьянскими душами практиковал в грандиозных размерах В. О. Ключевский свидетельствует, что его вступление на престол (6 ноября 1796 года) стоило государству 100 тысяч крестьянских душ и почти миллион десятин казенной земли, розданных разного рода проходимцам, часто за какой либо ловкий ответ на параде. „Раз, на смотру, пишет Ключевский, бывший гатчинский офицер Каннабих, получив от императора какое то приказание, полетел сломя голову исполнять его. На скаку с него слетела шляпа: „Каннабих, Каннабих, закричал ему вслед император: шляпу потерял", Но голова тут; ваше величество, отвечал Каннабих, не останавливаясь.—„Дать ему 1.000 душ", сказал, смеясь, император, довольный этим ответом" („Курс русской истории", часть I, стр. 158).

А. С.

взятку или обещание таковой) решил действовать самостоятельно и утвердить отвод земли без Мосолова. Но крестьяне села Троицкого: Мих. Трофимов, Иван Сергеев, Сем. Иванов и Иван Емельянов и крестьянин с. Федоровского Степан Баканов воспрепятствовали этому, ссылаясь на отсутствие заседателя и заявляя, что отводимая земля принадлежит не казне, а им, крестьянам.

Кроме того Степан Баканов кричал по адресу крестьянина с. Троицкого Якова Карпова, который впустил к себе на постой без мирского согласия Борковских крестьян, помогавших землемеру отмежевывать землю, следующие угрозы: „бей его в мою голову до смерти".

Такое происшествие чрезвычайно переполошило местные рязанские власти, стремившиеся всеми способами удовлетворить домогательства царских фаворитов.

На место событий был командирован Земский исправник Ник. Любимов „для расследования". Тем временем Губернское правление (28 октября 1797 г. за № 31102) сместило (якобы за нерадение к службе и за допущение покушения крестьян к ослушанию) Мосалова с должности, передало дело о нем в Рязанск. Палату Суда и Расправы 1-го Департаменга и на его место временно назначило капитана Мих. Якимова, крестьян же Губ. Правление предало Михайл. Уездн. суду.

13 ноября того-же года суд над крестьянами состоялся (—какая завидная быстрота судопроизводства!) Приговор был однако „мягкий". Принимая во внимание об'яснения крестьян (отсутствие Мосолова) и их раскаяние, суд постоновил обвиняемых из под стражи освободить и дальнейшему наказанию не подвергать. Что-же касается не признавшего своей вины Баканова, то суд его приговорил высечь кнутом и посадить в тюрьму на 3 мес. Однако, учитывая возраст подсудимого (70 лет) и то, что он уже 14 дней содержался в тюрьме, Баканова от наказания также освободили, сделав ему только „предупреждение" и лишив его права быть избранным в какие нибудь „начальники" его селения.

Куракины таким образом добились своего. Земля им была вырезана в непосредственной близости от Москов. губ. и при том в количестве которое, вероятно, шло лишком (или, как говорят „гаком") к „пожалованным" 20 тыс. десятин. Во всяком случае они видимо сознавали незаконность своего захвата, так как поспешили разделаться с этой землей со всей возможной поспешностью. 30 дек. все того-же 1797 года, Куракины, не дожидаясь утверждения выделенных земель, уже запродали захваченную землю по пяти разным сделкам следующим покупателям: Ник. Вас. Хомякову, Пет. Ник. Дубовицкому, Мих. Сем. Тулаеву и Ник. Мих. Васильчикову. Купчая с Дубовицким (на 540 дес. 1720 саж. за 13.505 руб.) *) была оформлена 11 янв. 1798 г., а судебное „утверждение покупки" („ввод„) было проведено в мае того-же года. В состав купленной земли вошли пустоши: Панаргино, Красн. Дуброва, Первый, Второй и Третий Коршаны и Владимирово.

Отметим далее такое обстоятельство: если верить последующей крестьянской жалобе, покупщики Куракинской земли в апреле 1798 г. выбрали себе не только самую лучшую и урожайную землю, но и в количестве до 600 дес. сверх размеров своей покупки...

После того, как земля была продана Куракиными названным выше покупателям, она переходила по крепостным актам из рук в руки и к 1847—1749 году владельцами ее стали: П. А. Дубовицкий, Н. И. Бухво-

*) Таким образом Куракины продали Дубовицкому землю по 25 руб. за десятину—цена и по тому времени слишком дешевая, если-бы... земля была получена действительно законным путем. — А. С.

стов, И. П. Кублицкий, Абалова с детьми и некоторые государственные крестьяне.

Как только крестьяне узнали о состоявшемся отводе и продаже их земли они сейчас же начали подавать жалобы в различного рода инстанции, учреждения и отдельным должностным лицам. Архив говорит, что первая из известных жалоб была подана в 1798 г. в Рязанск. Казенную Палату и далее, в том же году: от 17 марта во 2-й Департ. Правит. Сената и от 10 мая и 16 июля—в Межев. Департ. Прав. Сената. После этого жалобы подавались: Министру Финансов (1802 г., 1804 г., 23 авг. 1831 г.), Департ. Госуд. Имущ. (1817 и 1818 г.), в. Комиссию Прошений (1824 г., 1826 г., 1827 г., 1847 г., 1848 г.), Ряз. Казен. Палате (1833 г.), сенатору, ревизовавшему губернию (1831 г.) Межев. Департ. (8 февр. 1834 г.) и много других, не оставивших точной своей даты в архиве.

Но ответы на все эти крестьянские прошения и жалобы были неутешительные.

25 ноября 1799 года Ген. Прокурор Беклемишев ответил крестьянам решительным отказом.

В 1802 году Министр Финансов об'явил крестьянскому поверенному Михееву, „дабы он, не шатаясь и не издерживаясь понапрасну и во вред мирской, возвратился в дом свой".

28 июля 1803 года, через Вице-Губернатора, Волостному голове, старостам и десяти крестьянским уполномоченным всех трех оспаривающих землю селений было об'явлено под расписку, „что просимой ими земли, которая пожалована князьям Куракиным и от них другим продана и частию заселена, отдать им никак уж невозможно, и что следовательно все старания их об отыскании той земли будут всегда тщетны и издержки на содержание и посылки поверенных напрасны и послужат лишь им к крайнему разорению".

Рапортом от 25 августа 1835 года Мин. Фин. сообщил Межев. Департ. Сенату на запрос последнего, что со времени отмеживания у крестьян спорной земли, прошло уже 38 лет и что спорная земля от Куракиных проходит уже вторые, третьи и четвертые руки и что она уже заселена, почему и полагает необходимым отказать крестьянам в их домагательствах. Межев. Деп. Сената 25 сент. 1835 года мнение М. Ф. утвердил.

Но крестьяне не сдавались. Их интересы были задеты слишком сильно В своих прошениях и жалобах крестьяне сообщали, что они вынуждены у новых владельцев их земли нанимать бывшую свою землю за тягостную плату или за возку хлеба с полей, или выполнять всякие иные работы, чтобы только избавиться от ежедневных притязаний их соседей-помещиков за выпуск крестьянского скота на их поля. Крестьяне далее отмечали, что к некоторым своим землям, лежащим за помещичьими, проезд был закрыт и воспрещен новыми владельцами вовсе, а на других землях посеянный хлеб сберечь от „толоки" и потравы было невозможно. Также невозможно было производство и устранение чересполосного владения между крестьянами и помещиками, так как тогда пришлось-бы одно из трех селений пересилить на другое место.

В 1848 году в тяжбе происходит перелом. У крестьян появляется новый энергичный и настойчивый поверенный,—крепостной кн. Черкасского (а затем г. Воробьева) дер. Ерохиной, Егорьевского у., *)

*) Починковск. вол. А. С.

крестьянин Федор Игнатов, и дело, казалось уже похороненное, вытягивается из недр архивов и принимает опасный для владельцев спорной земли оборот.

Сам Игнатов по натуре был человек безусловно незаурядный, а вместе с тем—решительный и настойчивый. По своему социальному положению он был зажиточным крестьянином, выбившимся из рядов крестьянской бедноты и середнячества. Но тем более он остро ощущал бремя своего сословно-рабского положения и тем более интересы его классовой группы упирались в охраняемые государством монопольные права помещечьего дворянского землевладения. Игнатов владел ветряной и водяной мукомольной мельницей и водяной крупяной „румелькой", но главное, он, помимо своих хозяйственных дел, занимался писанием всякого рода крестьянских прошений и был ходатаем по их делам. Видимо, Игнатов увлекался последними не только из-за одной корысти, но и из-за своеобразного спорта, переходившего постепенно в борьбу, целиком его захватывающую. Во всяком случае, как показывает дело о Куракинской земле, он самоотверженно, твердо и смело защищал крестьянские интересы и шел на прямой для себя риск, не считаясь ни с чем. В его поступках и действиях чувствовалась глубокая убежденность в правоте и то особое настроение своеобразной „жертвенности", которое так характерно для многих крестьянских „ходоков".

Первое выступление Федора Игнатова было 22 апреля 1848 года, когда он подал „всеподданейшую" жалобу от имени „напрасно страждующих 2000 душ государственных крестьян", „которые по делу о земле отыкивают провосудия с 1798 года и по сие время".

Повторяя историю „пожалования" Куракиным земли, Игнатов вместе с тем вносит и новое содержание в своей жалобе. Он смело утверждает, что Куракины противозаконно продали не принадлежащую им землю и при том в количестве, на 600 дес. большем в натуре, чем это показано на бумаге. Крестьянские жалобы, по заявлению Игнатова не достигли своей цели потому, что в рязанских присутственных местах некоторыми должностными лицами были сами покупщики спорной земли, т. е. люди непосредственно заинтересованные. Эти лица, говорится в жалобе „неправильными изворотами", для собственной своей выгоды, и из-за раболепства перед знатной фамилией и ее богатством, заглушали голос провосудия, почему и все крестьянские жалобы оставались без удовлетворения.

За истекшие 50 лет крестьяне, по подсчетам Игнатова, переплатили за свою землю всякого рода пошлин и понесли убытку более 1.700.000 рублей ассигн. Однако, заявляет проситель, крестьяне, ради мирного разрешения спора, согласны возвратить покупщикам земли ту сумму, которую они уплатили Куракиным, а возведенные постройки („малые хутора и все заведения") обязуются за свой счет перенести и перестроить на новые места или принять все эти постройки по оценке на себя Вместе с этим крестьяне просят из выкупной суммы вычесть с покупателей спорной земли переплаченные за 50 лет пошлины за те 600 дес., которыми покупатели неправильно владели сверх купчей.

Игнатов прибавляет еще новый мотив: крестьян к этому времени стало до 2.000 душ, так что на 1 душу земли приходится лишь немногим более 2 дес.

Жалоба поступила на рассмотрение Министра Госуд. Имуществ гр. Кисилева.

Кисилев, ознакомившись с делом, сразу и решительно признал историческую правоту крестьян. Но практического выхода из положения он указать твердо не мог. „...хотя жалоба просителей на отрезку от них земли в противность Высочайшего повеления и справедлива, пишет он, но к устранению несправедливостей, оказанных крестьянам в прежнее время, не представляется ныне никакой возможности, как за протечением многих давностей, так и за переходом от князей Куракиных земель в другие руки по продажным и судебным решениям". И только в качестве „милости" государя, принимая во внимание и историческую несправедливость к крестьянам и недостаток у них земли, Кисилев полагает возможным, взамен отошедших от крестьян участков земли, назначить им такое же количество из оброчных статей Рязанск. или Тамбовск. губ. с условием туда переселиться, для чего оказать им установленные для этого льготы и пособия.

Николай по этому докладу (10 мая 1848 г.) приказал затребовать заключение Главноуправляющего 11 Отделением „Собственной Его Величества Канцелярии" гр. Блудова.

Блудов также признает, что земля Куракиным была отведена неправильно и „в противность" пожалованию им 20 т. дес. „из земель свободных". Однако в то-же время он ссылается на царское повеление 31 декабря 1802 г на аналогичную просьбу однодворцев Курской губ.: «земель, кои по генеральному межеванию отрезаны, проданы уже другим в вечное и потомственное владение, возвращать нельзя и противно справедливости".

Таким образом факту состоявшегося акта купчей земельной крепости придавалось и государством, и правовым сознанием стоявшего тогда у власти дворянства, чрезвычайное значение: пусть земля приобретена хотя-бы и мошенническим путем, но раз на нее совершена купчая крепость, то третьи лица уже обладают всеми правами неприкосновенности „священной" частной земельной собственности.

Крестьянство не могло однако мириться с таким подходом к разрешению жизненного для них вопроса и Блудов понимал, что играть с огнем можно не всегда. Поэтому он в осторожной форме высказал предположение о возможности для Мин. Госуд. Имуществ войти в соглашение с тогдашними владельцами купленных спорных земель на предмет выкупа их казной. Тем более, добавляет он, что крестьяне готовы сами на покупку спорной земли внести по крайней мере часть требуемой суммы.

Но Кисилев с этими выводами Блудова решительно не согласился. Свое несогласие он мотивировал следующими положениями: а) лица, допустившие неправильный отвод земли, по давности лет и по манифестам от ответственности освобождаются; б) приобретение или выкуп казной земель затянется, что будет не в интересах крестьян, и подвергнет казну в огромные издержки и в) владельцы могут отказаться от продажи земли, а закона об отчуждении к этому случаю применить нельзя. Вследствие всего этого, Кисилев настаивал на своем проэкте переселения, как наиболее реальном.

6 и 27 июня 1848 года Комитет Министров рассматривал записку Кисилева и с ней согласился. Но Николай на постановлении Комитета наложил резолюцию: „Рассмотреть в общем собрании Сената, ибо я не убежден в справедливости подобного решения".

Бюрократическая машина завертелась вновь. Выход искать нужно было, но действительного выхода указать никто не мог. Впрочем Сенат вполне оправдал царское доверие: он повел свое судопроиз

водство не спеша и сумел придать ему такой оборот, что, повидимому, все (кроме крестьян, остались им весьма довольны.

Прежде всего этой передачей дела в Сенат воспользовались приунывшие было собственники спорной земли. В черновых рукописях П. А. Дубовицкого мы находим список адресов всех присутствующих сенаторов. Очевидно каждый из них или был подвергнут „индивидуальной обработке" (выражаясь современным языком) или, по крайней мере, получил копию записки Дубовицкого (так называемое „рукоприкладство") с опровержениями крестьянских прошений.

В этой своей записке П. А. Дубовицкий раскрывает вполне свое классовое лицо. Перед нами в этот момент уже не ученный профессор, а заурядный помещик, не без способностей защищающий свои интересы. В записке он подчеркивает два факта: 1. Крестьяне жалуются на не достаток у них земель, но переселяться не хотят; 2. Крестьяне жалуются на бедность, но вызываются заплатить помещикам стоимость купленной ими земли. Отсюда вывод: „не необходимость побуждает крестьян к нынешнему домагательству, а другие причины", —а именно „ищут токмо стеснения помещиков, приобретших законно Куракинские земли; но они в то-же время ищут и стеснения своих собратий, помещичьих крестьян, поселенных на отыскиваемой земле с давнего времени; или лучше сказать, родившихся в этих имениях".

Так, вот, за интересы этих крестьян и вступается почтенный профессор!....

Не отставали от Дубовицкого и другие заинтересованные помещики (Бухвостов и др.), только литературные таланты у них были скромнее.

Сенат внял их натиску, и по заслушанию дела 4 марта и 23 сентября 1849 года, постановил: для приведения вопроса в ясность, передать дело на предварительное рассмотрение Рязанского Губ. Правления (Указ Сената 16 ноября 1849 г.).

Само собой разумеется, что на месте помещичье-дворянское влияние сильнее и Сенат знал, что он делает. Губернское Правление энергично принялось за „выяснение" спорных вопросов. Прежде всего оно, действуя не от своего имени, постаралось освободиться от смелого и энергичного крестьянского ходатая Федора Игнатова. Средство для этого было применено самое традиционное—обвинение в подстрекательстве и вытекающий отсюда арест.

История последнего была такова.—Игнатов был доверенным государственных крестьян дер. Поповской Егорьевского уезда и, по их поручению, вел дело о размежевании их с соседним помещиком Афанасьевым. Но Афанасьев был родственником Егорьевского Исправника барона Гац и кроме того, был должен лично Игнатову 139 руб ассиги., присужденных Рязанск. Гражд. Палатой ко взысканию. Все эти обстоятельства, а так же безусловно тяжба Игнатова за Куракинскую землю, заставили исправника искать случая, чтобы расправиться с беспокойным и „вредным" ходатаем. Удобный случай, если его искать, всегда найдется. В 1849 году (в апреле мес. примерно), крестьяне дер. Моланиской (?) Егорьевск. у., владения Воейкова (перешедшего к нему от Толстой), были проданы гуртом с аукционного торга. После этой продажи Егорьевск. уездный Предводит. Дворянства, согласно закону, об'явил крестьянам, что они проданы с аукционного торга и опросил их, не пожелают-ли они в течение установленного срока себя выкупить. Но времена были уже не те, крестьяне усумнились в его раз'яснениях по существу и уполномочили от всего общества своего односельчанина Захара Юдина справиться в Москов. Опеку-

нском Совете „о праве возможности выкупной аукционной суммы". Это было сейчас-же сочтено за самовольные поиски „вольной" и за бунт, и по просьбе Воейковского бурмистра исправником были проведены крупные „раз'яснительные"меры. Обманом крестьяне были собраны 28 апреля в сельце Горки в имении Тулена на дворе суконной фабрики, заперты на ворота и окружены стражей. После этого началась расправа. 28 Крестьян („зачинщиков") были подвергнуты жестокому наказанию, получив каждый более чем по 500 ударов розгами. После такого „отеческого внушения" крестьяне смирились, а Захар Юдин и Михаил Елисеев, которым удалось скрыться от наказания, убоявшись еще более суровой кары по возвращении на место жительство (5 августа), оговорили Игнатова, как будто-бы участвовавшего с ними в получении злополучной „справки", и как возмутителя крестьян к неповиновению. *)

4. февраля 1850 г. Игнатов, по распоряжению Земского Суда, был арестован, по арестански обрит и, как он выражается, лишен „всех домашних прав и промыслов". Его в общем богатое хозяйство,— ветряная и водяная мукомольные мельницы и водяная крупорушка, было, может быть сознательно, предоставлено разрушению, так как у Игнатова оставался дома лишь несовершеннолетний сын. В дополнение к этому озлобленные на Игнатова помещики и присутствующие лица, желая от него избавиться на всегда, просят его помещика (Воробьева) сослать своего непокорного крепостного в Сибирь на поселение.

Зато исправник за свое старание был соответствующим образом награжден: помимо нравственного удовлетворения от достижения своей цели, он получил от бурмистра в качестве подарка отпущенные ему бесплатно 260 деревьев из господского леса.

Игнатов жаловался на действия полиции Егорьевскому Стряпчему и Рязанскому Прокурору, но безрезультатно.

Казалось, что после всего этого владельцы Куракинской земли могут торжествовать над своим в конец обезвреженным противником. Но не таков оказался Игнатов. Это был боец до конца, тип человека, для которого неудачи и препятствия лишь стимулируют его энергию и разжигают благородную страсть борьбы.

Не приходится, конечно идеализировать и Игнатова. Ходатайства по крестьянским делам, как это отмечалось выше, были для него выгодным промыслом и, может быть, в начале—только промыслом. В момент его ареста, если верить рапорту Рязан. Губ. Правления (от 27 мая 1852 г.) у Игнатова было обнаружено более 100 разного рода прошений и деловых бумаг. Но Игнатов, будучи сам крепостным крестьянином, явно ненавидел помещиков вообще. А дальше логика борьбы делала свои неумолимые выводы...

Архив сохранил документы о подаче Игнатовым из тюрьмы в Сенат двух прошений.

В первом из них (поданном в 1850 году) Игнатов, повторяя свою прежнюю аргументацию, указывает, что имевшиеся у него докуметы, черновые просьбы и другие деловые бумаги от него были отобраны Егорьевским 2-го стана приставом Борисовым, что лишает его, Игнатова, возможности документами подтвердить свои заявления.

Далее Игнатов пишет: „в судебных местах многие присутствующие лица не исполняют высочайшего повеления, не судят по законам

*)Вполне вероятно, что Игнатов действительно являлся участником, а может быть и инициатором посылки крестьянами Юдина в Москву за „справкой". Это вполне соответствует натуре и поведению Игнатова.—

А. С.

и не уважают и справедливой просьбы, которые изложены обстоятельства дела ясным выражением . . . . . совершенно нарушают правосудие законов за одно только уважение знатной фамилии и богатых особ, которые сильным затмением дерзновенно везде заглушают голос узаконения, а законы, по неодолению богатой фамилии, молчат...“

Не только для арестанта, но и вообще для гражданина (точнее—„подданного“) тогдашней России такое заявление было смело и вызывающе и, конечно, отнюдь не могло способствовать благоприятному разрешению для крестьян их дела. Судебный спор крестьян и помещиков за землю неизбежно принимал политическую форму, борьбу двух социальных сил и благодаря этому заставлял командующие верхи настороживаться. Личная судьба Игнатова тем самым обрекалась.

Но последний этого, видимо, не замечал. С еще большей страстностью, переходящей в пафос, Игнатов далее вновь подчеркивает то обстоятельство, что крестьяне за свою землю напрасно выплачивают новым ее владельцам тягостную для себя пошлину в 20 руб. ассиг. за десятину ежегодно, что за 50 лет составляет более 1.700.000 р. ассиг. переплаченных. И, наконец, Игнатов высказывает предположение, что кн. Куракины обманом пользуются двойным, против пожалования, количеством земли, через что происходит убыток интересам казенного имущества.

На основании всего сказанного, Игнатов просит прислать из Петербурга „благонадежного чиновника исследовать в натуре изложенные обстоятельства“ и восстановить крестьян в их праве на принадлежащие им, согласно плану генерального межевания, 1673 дес. земли.

Само собой разумеется, что правительство и не думало посылать „благонадежного чиновника“ и Игнатову, как и некрасовским крестьянам („Вот приедет барин,—барин нас рассудит“), приходилось запасаться в тюрьме терпением и терпением.

Прошел год, прошло еще несколько месяцев, Игнатов все сидел в тюрьме. За это время хозяйство его было разорено, он получил 50 ударов розгами и находился под угрозой высылки в Сибирь. Но воля Игнатова сломлена не была и это-то обстоятельство вызывало к нему особое озлобление местных властей, побаивавшихся однако до времени производить над ним более крутую расправу.

28 мая 1851 года Игнатов пишет в Сенат новое прошение. В нем он опять подчеркивает, что документы и бумаги у него были отобраны при обыске в его отсутствии без описи и реестра, что лишает его возможности дать более исчерпывающие раз'яснения. В принимаемых лично против него мерах Игнатов усматривает стремление заинтересованных лиц к умышленному подрыву отыскания истины. Игнатов указывает, что в списках отводимых Куракиным земель, ни в указе 5 и 29 апр. 1797 г., ни в указе межев. департамента от 10 мая 1798 г., ни в представлении граждан губернатора от 27 мая 1798 года, утвержденного межев. департ. от 16 июля 1798 г. за № 215,—спорная земля нигде не значилась. Таким образом, Куракины, доказывает он, сверх законно-полученных 20.000 дес земли, самовольно и незаконно захватили землю его просителей (т. е. крестьян с. Федоровского и др.).

Игнатов просит Сенат восстановить крестьян в их правах за землю, а его, Игнатова, защитить от притеснений „местного правительства“ и, в частности, не ссылать его „в Сибирь на поселение безвинно“.

Только еще через год (12 июня 1853 г.) сенат, в лице общего собрания первых трех своих Департаментов и Департамента Геролдии, удосужился рассмотрением спорного дела.

Постановление его было коротким: так как собранные дополнительные сведения и документы (в частности прошение надв. советн. Бухвостова) не были известны Министру Госуд. Имуществ, то запросить от последнего его заключение. Но Министерство Гос. Имущ. ответило (31 янв. 1854 г.,—тоже не спешило), что мнение министра остается прежним: предоставить крестьянам другие земли для переселения.

Окончательное постановление общего собрания Сената последовало 2 авг. 1854 года. Оно заключалось в следующем.—Так как крестьяне не подали в свое время в уездной суд (по принадлежности) иска о неправильном захвате их земли в течение более 10 лет, то тем самым просители потеряли по давности всякое право на землю и на возбуждение иска о ней. Поэтому, в домогательстве крестьян—отказать и не входить в рассмотрение законности отвода Куракиным земель по существу. Мин. Гос. Имущ. предоставить право на зависящие от него меры к наделению крестьян, по случаю их малоземелья, землею из каких либо казенных дач, по усмотрению министра. И, наконец, сенат постановил об'явить Игнатову, что он не входит в рассиотрение жалоб на чинимые ему, Игнатову, притеснения...

V. „Буйные противозаконные поступки, беспорядки и неповиновение законным властям" крестьян Гуслицкой вотчины *).

В Богородском уезде Московской губ. у Дубовицких были крупные оброчные имения. Из них принадлежали П. А. Дубовицкому:

Сельцо Богородское — 384 души по 10 рев.
Дер. Куровская — 387 „ „ „
„ Заполицы — 265 „ „ „

и его сестре С. А. Мерхелевич:

Слобода Степановская — 572 души по 10 рев.
Дер. Петрушино — 288 „ „ „

Селения эти**) имели пахотной земли мало (в среднем только немногим больше двух третей дес. на 1 рев. душу), но зато были сравнительно хорошо обеспечены лесными покосами, лугами и лесом. Местность была промысловая, фабричная. Лесной избыточный материал ценился дорого, свободные рабочие руки находили заработок на фабриках и заводах своего же уезда и население в общем было скорее зажиточное. Оброк, платимый крестьянами в пользу помещиков, был не обременителен. Он составлял в год всего по 8 руб. с ревиз. души, из которых 28 $^{4}/_{7}$ коп. шло в общественный запасной мирской капитал. Таким образом, непосредственно помещику приходилось по 7 р. 71$^{3}/_{7}$ коп. с души.

Леса имений делились на две категории: собственно помещичьи или „господские" и крестьянские. Первые были в меньшем размере, а вторые—в большем. Сохранившаяся в архиве справка о лесах этих имений, составленная 12 июня 1859 года, говорит о том, что отдельных господских лесов в этих имениях было всего только 145 дес., в

*) По материалам архива Дубовицких, вязка V, дело 93. Главный источник—составленная Дубовицким „Записка о б, йных противозаконных поступках, беспорядках и неповиновений законным властям временно обязанных крестьян г.г. Дубовицкого и Мерхелевич, состоявших в Богород. у. Моск. губ. со времени обнародования выс. положения об уничтожении крепостного состояния". Дело № 93/10.

А. С.

**) Из перечисленных селений после революции входили в состав: дер. Куровская—в Запокор. вол. и остальные—в Дороховск. вол. Орехово-Зуевск. у.

А. С.

то время, как „находящихся во владении крестьян“ значилось целые 1.952 дес., оцененных в 169.270 руб. (сер.).

Нельзя сказать, чтобы крестьяне были бесконтрольными и самостоятельными хозяевами своих лесов. Для крепостных крестьян такого положения, само собой разумеется, быть не могло. В Степановке и Петрушине крестьянам ежегодно отводились из их лесов на сруб и прочистку определенные лесные делянки по мере надобности крестьян в лесных материалах и топливе. В Богородском, Куровском и Заполицах у крестьян имелись заранее установленные особые участки (лесосеки) на сруб. Так или иначе, но фактически крестьяне могли пользоваться по мере потребности своим лесом и власть помещика, в лице бурмистра, сводилась в данном случае лишь к общему наблюдению и предохранению лесов от излишней и поспешной вырубки. При этом считалось, что крестьяне лесом пользуются только для своих личных надобностей. Но нет сомнения и в том, что часть лесной продукции крестьянами продавалась из своей доли и на сторону.

Так шло до издания манифесва 19 февраля 1861 года. После него положение резко изменилось. На основании Правил Положения о крестьянах 19 февр. 1861 года и на основании „раз'яснения“ Москов. Губ. Присутствия (журн. постанов. 23 сент. 1861) ст. 30 Местного Положения, вообще все крестьянские леса были признаны помещичьими, почему при исчислении норм крестьянских наделов они не принимались во вниманне (как будто их и не было).

Это был открытый легальный грабеж крестьянского достояния. Крестьянское самосознание не могло примириться с таким наглым попранием их экономических интересов и там, где оно было хоть несколько активно, вступило на борьбу за свои права. К сожалению эта борьба велась с примитивной организацией, скорее даже стихийнно, без оформившихся политических целей. На официальном языке такие крестьянские движения назывались „буйством“, „беспорядками“, „неповиновением законным властям“ и т. п. Не удивительно, что они успехом нигде не увенчались и помещичий грабеж был проведен в жизнь и утвержден последующим ходом событий.

Крестьяне селений Гуслицкой вотчиины издавна отличались непокорностью и строптивостью. Сказывался фабричный характер района и отсутствие барщинной систелы в имениях.

В архиве имеется „ведомость о крестьянах Гуслицкой вотчины, состоящих на невыгодном замечании и порочной жизни“, составленная в октябре 1864 года. В эту ведомость по сельцу Богородскому было включено 17 человек за следующие „проступки“: кражи 1846 года, отпуск фальшивомонетчика в 1856 году, возмущение крестьян в 1858 году, возмущение крестьян в 1862 году, оскорбление бурмистра, самовольные отлучки и т. п.

По дер. Куровской таковых лиц значилось 8 чел., по дер. Заполицы—3 чел., по дер. Петрушино—4 чел. и по сл. Степановке—13 чел. (за такие „проступки“: возмущение крестьян о понижении оброка—в 1851 году, выстрел в бурмистра Лазаря Иванова—1857 годр, распространение „ложных“ слухов относительно улучшения быта крестьян—в 1858 году, оскорбление бурмистра и т. п.).

Крестьянам был ненавистен доверенный своих „господ бурмистр Лазарь Никиф. Иванов, человек в отношении крестьян суровый, требовательный и несправедливый.

В „ведомости о возмутителях, побудивших крестьян на самовольный раздел и рубку лесов, к своеволию и другим беспорядкам по имению выясняется, что значительная часть из этих „возмутителей“

была порота раньше розгами. Так, по сельцу Богородскому из 15 зарегистрированных „возмутителей“ 10 человек было из числа наказанных прежде розгами; по сл. Степановке из 24 „возмутителей“ 6 чел. было наказанных розгами и 2 чел. сидевших в тюрьме за поджог монастырского леса; по дер. Куровской из 7 „возмутителей“ 3 было наказанных розгами; по дер. Заполицы таковых лиц было 5 и 3 и по дер. Петрушино 4 и 4. Следовательно, из общего числа 55 квалифицированных бунтарей, было 26 человек, имевших ранее знакомство с розгами, и 2 человека, побывавших в тюрьме.

Наконец, интересно отметить, что подавляющая доля населения этих селений являлась старообрядческой Это видно из следующей таблицы:

Наименование селений	Число дворов		Число душ по 10 ревизии	
	Православн.	Старообряд.	Православн.	Старообряд.
Сельцо Богородское	6	59	64	320
Дер. Куровская	—	59	—	391
„ Заполицы	10	33	77	188
„ Петрушино	2	47	20	268
„ Сл. Степановка	1	118	3	569
Итого	19	316	164	1.736

В зависимости от этого и старосты, исключая дер. Заполицы, избирались крестьянами из старообрядцев, хотя со стороны уездн, предвод. дворянства Вл. Бор. Казакова и было предложение Дубовицкому к замене их людьми православного вероисповедания.

После этих кратких вступительных замечаний, перейдем к описанию развернувшихся событий.

Крестьяне перечисленных селений, как уже было сказано выше, платили помещику оброк, выражаемый суммою в 8 руб. (сер.) с ревизской души. Платежи происходили по третям года: 15 января, 15 июня и 15 октября. Из платимого оброка 28 $^{4}/_{7}$ коп. шли в мирской запасный капитал на покрытие всякого рода стихийных бедствий и несчастных случаев.

После отмены крепостного права сумма оброка формально была оставлена прежняя, но по существу положение крестьян в платежном отношении резко изменилось к худшему. Крестьяне, имея до 1861 года свои леса, оказались после 19 февр. 1861 года без топлива и строительных материалов и без лесных покосов и пастбищ, имевших огромное значение в экономике крестьянских хозяйств. Но помимо естественного обострения отношений на этой почве, крестьяне вообще полагают, что с уничтожением крепостного состояния они могут получить всю землю от помещика даром и не исполнять никаких перед ним повинностей.

В результате июньский оброк уплачен не был, несмотря на понуждение миров. посредника Ник. Фед. Самарина, который не раз приглашал с собой исправника и станового пристава и даже арестовал наиболее активных крестьян.

В конце сентября 1861 года, крестьяне прислали Дубовицкому предложение заменить им платеж июньского оброка вычетом соответствующей суммы из запасного капитала (который фактически на-

ходился в руках вотчинного начальства). Дубовицкий, учитывая, что наступает уже срок следующего платежа (октябрьского), согласился на зачет мирского запасного капитала в октябрьский платеж, но с тем условием, чтобы крестьяне сейчас-же собрали ему оброк за июньскую треть. Крестьяне дали на это свое обещание, но выполняли его крайне туго и с большими недоимками.

Интересно при этом отметить, что сельское выборное начальство делало только вид исполнения своих обязанностей, а по существу нисколько не помогало сбору оброка.

С целью понуждения крестьян к платежам, Дубовицкий отпуск леса и топлива поставил в зависимость от уплаты оброка. Мера эта имела успех, но вызвала в тоже время другое явление: началась открытая, целыми обществами и деревнями, самовольная порубка леса. Следствие, которое по просьбе Дубовицкого было произведено Московск. гражданск. губернатором, установило, что строевого и дровяного леса было срублено 4.310 деревьев и дров 101 куб. сажень.

Такое положение вызвало у П. А. Дубовицкого беспокойство за дальнейшую судьбу леса, который он уже считал своим, и за платежи оброка. Да и ссориться с крестьянами ему, как профессору, было неудобно—тем более, в период проведения реформы. Поэтому он принимает решение привести расстроенные дела в имениях своих и сестры „не путем строгости, но предложением им добра и милости", т.е. путем некоторых, материально для него несущественных, уступок в пользу крестьян, соединяемых с ловко-построенными обещаниями и уговорами последних.

С этой целью Дубовицкий в октябре 1861 года поехал в свои волнующиеся имения и там сделал следующие предложения.

В Богородском у., говорил П. А., за высший надел крестьяне обязаны платить по 10 руб. с души. У него в имениях крестьяне пользуются все высшим наделом, но оброк платят только по 8 руб. В Уставной Грамоте эти условия будут сохранены, но леса в число наделов не войдут, как об этом говорит Положение о крестьянах и раз'яснение Моск. Губ. Присутствия. Он, Дубовицкий, мог бы просить обязательного выкупа без крестьянского согласия. В таком случае он получил-бы от казны выкупную ссуду в размере четырех пятых от капитализированного из 6% оброка по 10 руб. с души, *) что составит ссуду от правительства в размере 133 р. 36 коп. и платеж от крестьян непосредственно в размере 33 р. 34 коп., или всего выкупа по 166 р. 70 коп. с души.

Однако, он, Дубовицкий, предлагает крестьянам другие, более лучшие условия. Он согласен включить в крестьянский надел и леса, которыми крестьяне раньше пользовались, что составляет от 3/4 до 1 дес. на ревиз. душу. За все это Дубовицкий соглашался получить выкупную сумму в размере 160 руб. с ревиз. души,—т. е. капитализированный из 6% 10 рублевый оброк минус скидка 6 руб. 70 коп. Из этой суммы от казны он получил-бы 133 р. 36 коп. и остальные 26 р. 64 коп. крестьяне должны были-бы обязаться уплатить ему непосредственно. При этом Дубовицкий соглашался выплату последней суммы рассрочить на пять или даже на семь лет из 5% годовых.

Это предложение можно было бы признать весьма приемлемым для крестьян, если-бы... они упорно не считали свои леса за свои

*) Вряд-ли, однако, это было так. Крестьяне до 1861 года платили оброк по 8 руб., а общее правило было таково: не повышать оброка. А. С.

(а не за „господские"). Поэтому с крестьянской точки зрения эти условия означали ни более, не менее, как огульное возвышение их дореформенного оброка на целые два рубля с души (т. е. на 25%).

Вследствие этого, пишет Дубовицкий, „вместо принятия этих предложений, чрезвычайно выгодных для крестьян и совершенно убыточных (?-А. С.) для помещиков, с благодарностью, как Дубовицкий того ожидал, он был удивлен совершенным несогласием крестьян на какие-бы то ни было добровольные сделки, буйным отказом их и выражениями полного недоверия..... с уверенностью, что вся земля и все леса составляют прямую неот'емлемую их собственность".

Дело принимало таким образом серьезный оборот, далеко выходящий за простое несогласие на условия предлагаемой помещиком добровольной сделки. Всякого рода раз'яснения и толкования Дубовицким и Мировым Посредником существовавших правил о наделении землей не только не способствовали успокоению крестьян, но, как говорится, лишь подливали масло в огонь.

Так, крестьяне дер. Куровской, на другой же день после от'езда от них П. А. Дубовицкого, всей деревней отправились рубить лес. Через несколько дней Дубовицкий вернулся в Куровское вместе с становым приставом и вызвал к себе для об'яснений сельского старосту Ефима Артемьева. Но последний заявил, что это не его дело и что сообщать о порубке леса волостному начальству или земской полиции он не считает своей обязанностью. Таким образом, низшее сельское начальство открыто вышло из повиновения и Дубовицкому осталось только просить о производстве формального следствия. Это следствие выяснило, что срублено было более тысячи новых деревьев.

Такая же история произошла и в сельце Богородском, при чем там было срублено до 700 деревьев строевого леса и до 1.000 деревьев на дрова.

В том же селении крестьяне избили и прогнали купцов и их рабочих, явившихся к ним ловить запроданную помещиком рыбу, говоря, что „рыба и все в имении принадлежит им, а барин не имеет права распоряжаться и продавать рыбу".

От'езжая из своих имений, Дубовицкий оставил землемера Озерова с поручением произвести обмер усадьбы и некоторых других угодий в сельце Богородском. Но когда он уже приступил к работе, то крестьяне этого селения не допустили производить какие либо измерения, говоря, что „вся земля им принадлежит и мерить ее нам нет никакой надобности". И только после вмешательства волостного старшины удалось обмер усадьбы в с. Богородском закончить.

Но когда тот-же землемер Озеров приступил к обмеру „господской" мельницы при слободе Степановке, то крестьяне слободы, несмотря на все предписания старшины, мерить землю не дали, категорически заявив: «как рабочих, так и землю их мерить не дадут и чтобы землемер не смел бы даже и ездить на их землю". Вследствие этого Озеров, будучи „очевидцем некоторых буйных событий в означенных имениях, убоявшись с ним последствий, оставил это дело не исполненным".

Страсти видимо разгорались и крестьяне слободы не дали землемеру даже измерять отводимые на сруб шести-десятинные лесные участки, хотя об этом раньше сами просили помещика. Мотив к этому: „лес весь их, и где хотят, там и рубят и просек им не надо, этого участка одного им мало, они весь срубят".

Все это, вместе взятое, было уже „бунтом", против властей придержащих. Началось, как водится, следствие. Но когда судебный следователь Скопник, в сопровождении отряда казаков, приехал в начале ноября в сельцо Богородское, то „крестьяне дошли до такого неистовства, что и следователю оказали грубости и ослушание и, сговорясь между собою, все без из'ятия не давали должных показаний о порубке, ни подписок к показаниям, исключая двух-трех, которые дали от себя показания". Однако и эти последние оказались неграмотными и не могли под своими показаниями дать подписей. С трудом отыскали они грамотея и пошли вместе с ним к следователю. Но на дороге их встретили крестьяне «руководимые буйным духом и возмутителями» Григорием Ивановым, Петром Спиридоновым и Перфилом Петровым. Эта толпа удержала грамотея, не допустив его к следователю.

Тогда следователь распорядился заключить „возмутителей" под стражу, но крестьяне всем обществом взяли их под свою охрану и, не давая их арестовать, кричали: когда из берешь под караул, бери и всех нас.

„Следователь, видя остервенение и злобу крестьян.....и опасаясь худших еще последствий, велел разойтись им по дамалед; но крестьяне все более и более кричали и слушаться никого не хотели". Только с помощью казаков и волостного старшины удалось уговорить и разогнать по домам расходившихся крестьян. Все-же следователь был так напуган, что не решился оставаться ночевать в том селении и под конвоем сотских и казаков уехал на ночлег в соседнюю деревню Титову.

Но среди крестьян уже начались колебания и раскол. Так, сельский староста сельца Богородского Гаврила Карпов, видимо убоявшись предстоящего возмездия, принес следующие показания, оговорив своего односельчанина Григория Иванова в том, что последний будтобы говорил собравшимся 12 ноября к следователю крестьянам: „хотя следователь и требует нас, а все это по навождению бурмистра, поэтому следователю никаких показаний давать не следует, а с бурмистром больше делать нечего, как войти в его дом, связать, умертвить, забить ему кол и пустить в пруд. Хотя и станет нам за это рублей по 10 с двора, но по крайней мере тем и кончится все дело, а иначе нам избавиться (от него) никак нельзя. А если это мы успеем сделать, то все земли, леса и прочие угодия безвозмездно будут наши и дел тогда бурмистра производить будет некому".

Так наивно понимались даже крестьянскими вожаками причины их бедственного положения и такие несовершенные методы борьбы они стремились провести в жизнь! Это показывает, что и вообще социально-классовая борьба в деревне не имела тогда своего политического оформления и находилась еще в стадии стихийно-массового накопления своих сил.

Но останавливая свое внимание на бурмистре (Лазаре Никиф. Иванове) нельзя не отметить, что этот человек издавна был ненавидим крестьянами. Так, еще в 1857 году в сл Степановке в него был произведен выстрел; далее, в с. Богородском 16 июля 1861 года на земского Тита Федулова, вышедшего в 10 час. вечера из дома бурмистра, было произведено нападение: он получил в спину такой удар камня, что был сбит с ног. На крики земского «караул» не только никто не прибежал к нему на помощь, но даже не выглянул из окна. И т. д. Крестьяне открыто требовали от П. А. Дубовицкого смещения Лазаря Иванова. Об этом-же, во избежание раздражения

крестьян, просил и предводитель дворянства. Но Дубовицкий взял под свою охрану своего доверенного слугу (не знаем, насколько верного), мотивируя это предводителю дворянства необходимостью сохранения престижа власти.

Описывая создавшееся положение, Дубовицкий, в своей „Записке о буйных противозаконных поступках, беспорядках и неповиновениях законным властям", делает следующий вывод: „если не будут приняты самые энергичные меры для водворения порядка и приведения крестьян этой местности к чувству долга, то не будет никакой возможности привесть к исполнению законные постановления и ввести на самом деле Уставные Грамоты".

Мольбы напуганного крестьянским движением ученого помещика были услышаны и порядок в его имениях был водворен. Из письма к П. А. Дубовицкому все того-же бурмистра Иванова от 14 марта 1864 г. из Богородской конторы явствует, что согласно приговору Богородского Уезд. Суда по *первым* порубочным делам, с крестьян за порубки леса было взыскано:

С правом аппеляции:		
1. Слобод. Степановки	2.002 руб.	сереб.
2. Дер. Петрушиней	825 „ 35 к.	„
3. Сельца Б[illegible]городского	20 „ —	„
4. Дер. Куровской	1.444 „ 75	„ „
Итого: . .	4.292 р. 10 коп.	
Без права аппеляции:		
1. С. Богородского	375 руб. 29 к.	сер.
2. Сл. Степановки	844 „ 62½	„
3. Дер. Куровской	291 „ 97½	„
Итого: . .	1.511 р. 89 к.	
Всего: . .	5.803 р. 99 к.	

Для того времени эта сумма была не маленькая, а тем более принимая во внимание, что это были взыскания только по первым порубочным делам.

Но вернемся к общему разрешению спора о лесах между крестьянами и их помещиком.

Кто был прав в этом споре, даже с точки зрения существовавшего в то время права, — дает ответ довольно ясный по существу, хотя и замаскированный по форме, мировой посредник Ник. Фед. Самарин.

В своем письме от 21 августа 1862 г. за № 593 к Дубовицкому он рекомендует последнему урегулировать пользование крестьян топливом посредством единовременного отвода леса крестьянам с тем, чтобы земля из под леса осталась у крестьян в их наделе за небольшое добавочное повышение выкупных платежей (оброка). Размер последнего Самарин определяет в 25 — 30 коп. с души ежегодного платежа или же соответствующая единовременная сумма денег. Далее письмом подчеркивает, что до обнародования „Положения" крестьяне пользовались лесами за более легкий общий оброк и что если-бы не последовало со стороны Губер. Присутствия раз'яснения 30 ст. Местн. Положения, то крестьяне пользовались-бы своими лесами попрежнему. Поэтому, заканчивает Самарин. „едва-ли получение 25 или 30 коп. сер. с души сверх оброка, не составит для них (т. е. для владельцев — А. С.) чистую прибыль".

Да, это была „чистая прибыль", тот добавочный выкуп за человеческие „души", который фактически крестьянами выплачивался помещиками в 1861 году. Но почему не получить с „души" ежегодной „чистой прибыли", или лишнего „оброка", когда это м о ж н о,

вместо 25—30 копеек—по 2 рубля? Так рассуждал профессор Дубовицкий*), так рассуждали и тысячи других его коллег по классу. В этих, и подобных ему, вопросах грань между Дубовицкими и Дмитриями Толстыми стиралась. Стимул к сохранению своего материального благополучия и его закреплению об'единял и руководил всеми ими. Дмитрии Лизогубы **) были единицами, а Дубовицкие и Толстые—тысячами.

Крестьяне, при введении Уставных Грамот, оказали Дубовицкому длительное и упорное сопротивление. Но за ним были завоеванное его классом юридическое право и фактическая сила. Поэтому П. А. Дубовицкий добился своего по всем пунктам: крестьяне уплатили ему за вырубленный лес и все-ж остались без леса.

Вот что нам говорят Уставные Грамоты, утвержденные Богородским Мировым С'ездом 2 февр. 1863 г.

Крестьянское землевладение в десятинах.

Наименование селений	До 1861 года			После 1861 года		
	Всего	В том числе:		Всего	В том числе:	
		Лесов	Болот и мокрых лугов		Лесов	Болот и мокрых лугов
Дер. Петрушино . . .	1.227	217.5	340,5	855	85,5	—
„ Куровская	1.240	550,5	—	680	—	—
Сл. Степановка	2.118	401,5	—	1.704	—	—
Сельцо Богородское . .	1.018	свед. нет.	—	679	свед. нет.	—
Дер. Заполицы	963	„ „	—	645	„ „	—

Примечания: 1. Все цифры приводятся с округлением до 0,5 дес.

2. По дер. Куровской кроме того были исключены из крестьянского землевладения, входившие прежде в него, пустоши в Егорьев. у.—103,5 дес. и в Покровск. у. Владимир. губ. около 66 дес. По слободе Степановке не вошли в крестьянские земли пустоши в тех же уездах в общем размере 186,5 дес.

3. Землевладение кр-н по с. Богородскому и д. Заполье определены не по Устав. Грам., а по другим записям.

В пользу помещика было отрезано:

Десятин:

Название селений	Лесов.	„Мокрых" лугов.	Прочих угодий
Дер. Петрушино—	131,5	340,5	—
" Куровская —	550	—	10,0
Сл. Степановка	401,5	—	12,5
Сельцо Богородское—	313,0	—	26,0
Дер. Заполицы—	318,0	—	—

Оброк (7 р. 71 $^{3}/_{7}$ коп. с души) был сохранен и после 1861 года, исключая д. Куровской, где он был установлен в 6 р. 90,2 коп. Но так как по ст. 49 Мест. Полож. на помещика возлагалась обязанность снабжения (за особую плату) крестьян топливом в течение предстоящих 7 лет (начиная с 1863 года), то крестьянам всех селений, нами

*) Трудно, однако, отделаться от общего впечатления, что от богатого и бездетного профессора можно было бы ожидать и несколько иного персонального подхода к его тяжбе с крестьянами из-за их лесов. А. С.

**) Дмитрий Лизогуб — богатый помещик, отдавший все свое состояние делу революции. Повешен 10 авг. 1879 г. в Одессе. А. С.

разбираемых, было отведено на сруб в семилетнее пользование некоторое количество лесов за добавочные платежи в пользу владельца леса.

Размер тех и других был следующий:

Название селений.	Отведено крестьянам леса во временное пользование в течение 7 л. (в десятинах)	Дополнительная сумма оброка.	
		С 1 души в год.	Крест. общества за 7 лет в общей сумме
Дер Петрушино —	78,5	3 р. 47 коп.	6 916 р 46 коп.
« Куровская —	255,0	2 р. 83 »	7.655 р. 50 коп.
Сл. Степановка	202,5	2 р. 09 »	8.305 р. 85 коп.
Сельцо Богородск.—	171,0	свед. нет	свед. нет
Дер. Заполицы	274,5	» »	» »

Примечания: 1. Копейки округлены.

2. В исчисление оброка по д. Петрушино вошли 855 руб., следуемые с крестьян за сруб леса, находящегося на тех 85,5 дес. земли, которые вошли в состав их-же надельного землевладения.

Как видим, крестьяне после 1861 года лишились почти всех своих лесов, всех своих пустошей и некоторой (правда незначительной) доли других своих угодий. За право временного пользования лесом (которым они раньше пользовались, так сказать, бесплатно), крестьяне заплатили повышением своего дореформенного оброка примерно на 36 процентов. Перспективы-же на будущее были еще хуже, так как после 7 лет помещик становился полноправным собственником и распорядителем всех лесов, лежащих в непосредственной близости от крестьянских селений.

На этом закончим рассмотрение архива Дубовицкого, а вместе с тем и всего нашего экскурса.

Знать прошлое нам нужно для более лучшей и совершенной ориентировки в настоящем. Это последнее открывает перед нами обширные горизонты и перспективы и зовет на упорную, длительную и плодотворную (творческую) работу над строительством новой и лучшей жизни.

С этими мыслями автор и ставит в данной своей работе последнюю точку.